

ПСИХОЛОГИЯ

СОВРЕМЕННАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ

Journal of Modern Foreign Psychology

2016. Том 5. № 2
2016. Vol. 5, no. 2

СОВРЕМЕННАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ ПСИХОЛОГИЯ
Т. 5, № 2 / 2016

Исследования современного детства

Тематический редактор
О.В. Рубцова

JOURNAL OF MODERN FOREIGN PSYCHOLOGY

«СОВРЕМЕННАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ ПСИХОЛОГИЯ»

Главный редактор
Т.В. Ермолова

Ответственный секретарь
В.В. Пономарева

Редакционная коллегия
Т.В. Ахутина, Т.А. Баилова, И.А. Бурлакова, А.Б. Холмогорова, Е.Г. Дозорцева,
А.А. Марголис, Л.Ф. Обухова, М.А. Сафронова, Е.О. Смирнова, С.С. Степанов,
Т.А. Строганова, Е.В. Филиппова, В.С. Юркевич

Редакционный совет
Председатель
В.В. Рубцов

Члены редакционного совета
А.-Н. Перре-Клермон (Швейцария), Г. Дэниэлс (Великобритания), П. Хаккарайнен (Финляндия),
Г. Рюкрим (Германия), Е.Л. Григоренко (США), А. Санинино (Финляндия)

Корректор Р.К. Лопина
Компьютерная верстка: М.А. Баскакова

УЧРЕДИТЕЛЬ
Московский государственный психолого-педагогический университет

Все права защищены.
Перепечатка материалов журнала и использование иллюстраций
возможны только с письменного разрешения редакции.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов публикаций.

СОДЕРЖАНИЕ

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ

Детство в меняющемся мире <i>К.Н. Поливанова</i>	5
Экология современного детства: приоритетные направления научных исследований за рубежом <i>Н.Б. Флорова</i>	11
Рольное экспериментирование как составляющая современной подростковой культуры <i>О.В. Рубцова</i>	24
Перспективы современных подростков в контексте жизненной траектории <i>А.А. Бочавер, А.В. Жилинская, К.Д. Хломов</i>	31
Системный анализ доказательств влияния участия детей в оценке социальных программ на их психологическое развитие <i>Д.П. Шамрова, А.В. Тихомирова, Т.Г. Подушкина</i>	39
Зарубежные исследования феномена эгоцентризма и социально-политических установок детей и подростков в современном социуме <i>П.В. Поляков</i>	51

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Исследование повседневности современных подростков: присутствие в социальных сетях как неотъемлемая составляющая общения <i>Д.О. Королева</i>	55
Родительство в современном мире — новые тренды <i>М.Е. Ланцбург</i>	62

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Исследования психосоматических аспектов гинекологических и андрологических заболеваний и бесплодия: обзор современных зарубежных исследований <i>М.Е. Ланцбург, Т.В. Крысанова, Е.В. Соловьева</i>	67
Психологические и психосоматические нарушения в период беременности и родов: обзор современных зарубежных исследований <i>М.Е. Ланцбург, Т.В. Крысанова, Е.В. Соловьева</i>	78

Наши авторы	88
--------------------	----

CONTENTS

DEVELOPMENTAL PSYCHOLOGY

Childhood in a changing world <i>K.N. Polivanova</i>	5
Ecology of contemporary childhood: priorities for research perspectives in foreign studies <i>N.B. Florova</i>	11
Role experimentation as a part of contemporary teenage culture <i>O.V. Rubtsova</i>	24
Prospects of modern adolescents in the context of life trajectory <i>A.A. Bochaver, A.V. Zhilinskaya, K.D. Khlomov</i>	31
System analysis of evidence of the impact of child involvement in evaluating social programs on their psychological development <i>D.P. Shamrova, A.V. Tikhomirova, T.G. Podushkina</i>	39
Foreign studies of the phenomenon of egocentrism and socio-political attitudes of children and adolescents in modern society <i>P.V. Polyakov</i>	51

SOCIAL PSYCHOLOGY

A study of the daily life of modern teenagers: the presence in social networks as an integral component of communication <i>D.O. Koroleva</i>	55
Parenting in today's world — new trends <i>M.E. Lantsburg</i>	62

CLINICAL PSYCHOLOGY

Investigation of psychosomatic aspects of gynecological and andrological diseases and infertility: a review of contemporary international researches <i>M.E. Lantsburg, T.V. Krysanova, E.V. Solovyeva</i>	67
Psychological and psychosomatic disorders during pregnancy and childbirth: a review of contemporary international researches <i>M.E. Lantsburg, T.V. Krysanova, E.V. Solovyeva</i>	78

Our authors	89
--------------------	----

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ DEVELOPMENTAL PSYCHOLOGY

Детство в меняющемся мире

Поливанова К.Н.,

доктор психологических наук, директор Центра исследований современного детства, Институт образования, НИУ ВШЭ, профессор кафедры возрастной психологии факультета «Психология образования», ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, kpolivanova@mail.ru

Представлен психологический и социокультурный анализ современного детства. Показано, что в современных условиях развитие общества приводит к необходимости расширения рамок анализа детства, выхода за пределы собственно психологической парадигмы. Усиливаются процессы диверсификации, растет число признанных моделей детства, которые невозможно оценивать с позиции нормы. Методологически это означает необходимость расширения взгляда на детство, учет при анализе социальных и культурных контекстов. Показано, что взгляд на ребенка как на того, кому предстоит стать взрослым (child as becoming) сменяется взглядом на ребенка сегодня, как такового (child as being).

Ключевые слова: детство, возраст, глобализация, периодизация психического развития, индивидуализация.

Для цитаты:

Поливанова К.Н. Детство в меняющемся мире [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2016. Том 5. № 2. С. 5–10. doi: 10.17759/jmfp.2016050201

For citation:

Polivanova K.N. Childhood in a changing world [Elektronnyi resurs]. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 2016, vol. 5, no. 2. pp. 5–10. doi: 10.17759/jmfp.2016050201 (In Russ., Abstr. in Engl.).

Введение

Современное состояние детства обусловлено большим числом процессов, происходящих в мире. Эти процессы можно определять как политические, социальные, экономические, культурные, и все они создают уникальную конфигурацию факторов, оформляющих современное детство.

В какой мере эти глобальные тренды действительно затрагивают детство? Ответ на этот вопрос связан для нас с масштабом рассмотрения детства в целом и отдельного ребенка, в частности. Если ребенок рассматривается как отдельное существо, развивающееся по своим собственным законам, то широкие социальные и экономические изменения остаются за пределами детской, за границами «заповедного сада». Если же детство и ребенок являются социальными конструктами, как в социальном конструкционизме К. Гегена или полагаются как культурно-исторические феномены (Л.С. Выготский, Д.Б. Эльконин), то детство предстает перед исследователем совершенно иначе.

Действительно, например, в работе о периодизации Д.Б. Эльконин прямо выделяет позицию «общественного взрослого», которая задает направление развития в детские возрасты. Общественный же взрослый — позиция, вбирающая в себя всю совокупность характеристик настоящего, в котором этот взрослый оказыва-

ется. Изменения социальных контекстов, таким образом, неминуемо модифицирует и детство [3].

Глобализация — один из обобщающих трендов современности. Под глобализацией понимают широкий спектр изменений, происходящих в мире в последние полвека, частности, это растущая миграция населения, глобальная экономическая интеграция, рост демократий по всему миру, новые модели торговли, унификация и глобализация ценностей, а также рост благосостояния и неравенства в доступе к этому благосостоянию. Стремительно развитие технологий делает мир «меньше»: скорости коммуникаций — как виртуальных, так и реальных — растут.

Глобализация деформирует традиционные национальные практики, в том числе практики воспитания и обучения. В контексте изучения детства различные тренды влияют на детство неоднозначно, подчас разнонаправленно. Так, миграция провоцирует лингвистическое и культурное разнообразие, которое напрямую влияет на школьные и внешкольные практики. Если несколько десятилетий назад детство, как правило, протекало в монокультурной среде, то сегодня разнообразие встречает ребенка буквально сразу после рождения. В частности, с этой мультикультурностью связано явление так называемой мозаичной или гибридной идентичности.

Глобализация провоцирует существенные диспропорции в развитии стран и регионов, что в свою очередь приводит к неравенству. Несколько десятилетий

назад это неравенство было довольно строго связано с регионом проживания, и население беднейших стран не имело возможности сравнивать свои условия жизни с иными, сегодня модели поведения, потребления, практики различного уровня благосостояния, культурных моделей, культурного капитала оказываются на одном пространстве и в одном времени.

Конечно, наиболее непосредственно затрагивающими детство являются тренды, связанные с семьей. В XX веке самой распространенной моделью семьи была нуклеарная с четким гендерным распределением ролей: отец, обеспечивающий доход и мать, заботящаяся о детях. В XXI веке ситуация существенно поменялась: отодвинулся возраст первого рождения, число детей в семье уменьшилось, увеличилось число повторнородных семей и семей с одним родителем. Изменилось не только фактическое состояние института семьи, но и представление о семье, что может быть даже важнее фактических сдвигов: вне зависимости от реальных наблюдаемых моделей семьи, принимаемые, допустимые формы семейных организаций. По мнению Д. Элkindа (Elkind, 2001), именно нуклеарная семья эпохи модерна задавала конструкт детства, как он рассматривался, в частности, психологией развития [9].

Направления исследования детства в мире

В конце восьмидесятых был запущен масштабный полидисциплинарный международный проект «Детство как социальный феномен» («Childhood as a Social Phenomenon») Европейского Центра социальной политики под руководством датского социолога Енса Квортрупа (J. Qvortrup). Была составлена общая исследовательская программа, а затем собраны данные по разным странам мира. в результате были описаны разные модели детства в разных странах и в разных культурах (Qvortrup, 1993.) [22; 23; 24]. Общей рамкой этого проекта была идея социального конструирования детства. Это фактически идея полагания (или, по Д.Б. Эльконину, не данности, а заданности) детства.

Фокусом проекта были формы жизни детей, а сквозной линией – темы бедности и нарушения прав ребенка. Вместо привычной «психологизации» мира детства, в центре этого проекта оказались социально-экономические, демографические и политические проблемы: детство рассматривалось как особая социально-демографическая группа, занимающая особое место в социальной структуре общества, разное в разных странах. Изучались межпоколенные связи, положение детей в семье; формы деятельности детей – их трудовая занятость, школьные занятия, досуг как «запланированная спонтанность» и т. д.

Проект поставил неоднозначные вопросы, например, отношения между государством, родителями и детьми; диалектика защиты детей и автономии детства. Несмотря на некоторую политизированность исследовательских задач, результаты проекта впечатляют вследствие масштабной демонстрации разнородности детства.

Основываясь на работах этого проекта, но несколько выходя за его рамки, можно утверждать, что культура, социальные реалии задают, «полагают» образ детства – через самые различные каналы и средства. Государство, например, документально закрепляет возраст совершеннолетия – т.е. возраст, с которого наступает полная ответственность взрослого человека. В культуре, в быту создаются «места», где ребенок «уместен» (буквально: где его место), определяются границы допустимого в отношении детей и для детей. Этот образ закрепляется в культурных продуктах – книгах, фильмах, СМИ.

Хотя этот проект лишь в малой степени можно отнести к психологическому предметному полю, в теоретическом плане он интересен тем, что в нем впервые был провозглашен отказ от единственности евро-христианской модели детства, и признавалось многообразие «детств». «Долгое европейское детство» признавалось одной из многих возможных моделей, а предъявление западных по происхождению требований к организации детской жизни – признаком европоцентризма. В частности, детский труд рассматривался не только как зло, но и как право ребенка, лишать которого означает проявлять неуважение к правам ребенка.

Изменения действительности детства и бесконечное его, разнообразие, вскрытые в рамках данного проекта, явно противоречат характерному для отечественной науки патерналистскому (не в ценностном, а методологическом смысле) отношению к детям, которое демонстрирует себя в том числе и в психологическом дискурсе. Это прямо относится к конструкту «взрослость», который, собственно, неявно задает представление о детстве и «хороших», правильных, практиках воспитания. Действительно, многочисленные утверждения о, например, исчезновении детской сюжетно-ролевой игры как «вредящем» детскому развитию внутри себя имплицитно имеют образ взрослого эпохи модерна, о норме взрослости и, как следствие, норме детского возраста. Простого сравнения описанных в семидесятые годы моделей взросления и современных далее явно недостаточно.

Странно полагать, что именно в семидесятые в странах христианской культуры был золотой век детства, а сегодня мы наблюдаем его упадок. Это противоречит, как мне кажется, самому духу культурно-исторической теории. Но осмысление такого рода данных может пролить свет на базовые допущения классических для отечественной психологии подходов.

Исследования детства в мире все более преодолевают дисциплинарные границы, возвращаясь фактически к новой педологии, но если эта наука прошлого века имела в качестве образа-образца благополучного европейского ребенка (и взрослого), то современные подходы полагают и пытаются исследовать детство относительно бесконечного многообразия культурных, социальных, экономических и даже политических контекстов.

Детство – категория будущего или настоящего?

Исследования детства, завоевавшие широкое признание в XX веке – исследования основных источников и перспектив развития, как это следует из современных источников, имели своим основанием представление о ребенке как о будущем взрослом. Детство рассматривалось как время подготовки к будущей взрослости. Едва ли не самым ярким примером такой позиции является идея идеальной формы, представленная в исследованиях Л.С. Выготского. Идеальная форма трактуется как итог, как цель развития и как «образ потребного будущего».

Но детство стремительно меняется. Сегодня наши дети растут в реалиях совершенно новых и не всегда понятных взрослым [7; 8]. Сокращается время семейного общения, появляются новые виды деятельности. Взрослые в гораздо меньшей степени знают, что делают их дети¹. Нам представляется важным выяснить, что из считавшегося устойчивым 50–60 лет назад сегодня должно быть пересмотрено или, по крайней мере, поставлено под сомнение применительно к формам взросления детей, описанных в работах Д.Б. Эльконина [3].

Фактических данных о состоянии детства в России, в отличие от западных стран, крайне мало несмотря на то, что на бытовом и профессионально-педагогическом уровне мы признаем существенное отличие знаний и опыта современных детей,

В западной науке сегодня принято различать «child as becoming» и «child as being», т.е. полагание ребенка как «становящегося» и описание и оценка его развития относительно перспективы будущей взрослости, и ребенка как такового «здесь и сейчас» (в частности, Mayall, 1994) [5]. Это фактический отказ от понимания детства как потенциала для будущей жизни, как периода «подготовки». Детство, хотя это и период в жизни, но период столь же значимый, как и любой другой. Отсюда возникает где-то более осторожная (Morrow, 2011) [17; 18], а где-то и жесткая (Бурман, 2007) критика подходов психологии развития [1]. Эта наука, по мысли авторов, задала норму развития ребенка, лишив тем самым иные модели детства статуса нормальных. Особенно ярко этот подход демонстрирует себя при обсуждении конструкта «взрослость».

Детство и взрослость

Первое важнейшее допущение подхода психологии развития – взрослый как образ «совершенного действия». Стало быть, условием рассмотрения детства как философской и психологической категории является его противопоставление взрослости. Б.Д. Эльконин пишет: «Образ взрослости, образ совершенного (идеального) взрослого является единственным способом и опорой представления детьми их

будущего. На ясное представление об идеальной форме в конечном счете должны опираться и все попытки проектирования детской жизни. Вне такой опоры они теряют смысл.» [3, с. 9]. Однако сегодня мы вынуждены признать, что граница между детством и взрослостью как основание для полагания обоих конструктов стирается. И дело не в том, что сама граница становится неясной, суть в «исчезновении» взрослости, как бы парадоксально это ни звучало.

Взрывной рост технологий привел к тому, что их освоение нового содержания стало доступно детям непосредственно, без участия взрослого. Если мы придерживаемся позиций культурно-исторической теории, это приводит к неразрешимому противоречию – развитие по принципу должно иметь идеальную форму, ведь именно в отношении реально-идеальное развитие только и возможно. Но важно понять, какова роль, и сохраняется ли она, универсальной фигуры взрослого в современной ситуации.

Здесь необходимо сделать два замечания, которые делают вопрос о фигуре взрослого, о взрослости как таковой или об идеальной форме особенно значимым.

Во-первых, уже широко известны работы Дж. Арнетта, первая научная публикация появилась в 2000 г., и в научный обиход было введено в понятие «Emerging adulthood» (возникающая взрослость). Сейчас это понятие имеет обширную библиографию. В первой публикации Арнетт спорил с тем, что период от 20 до 30 лет можно относить к стабильному периоду «ранней взрослости» («Young adulthood»). Арнетт предлагал рассматривать этот период как переходный. Он основывал свои аргументы, в частности, на том, что молодежь продолжает искать свою идентичность, затрудняясь ответить на вопрос, относят ли молодые люди себя к взрослым или нет.

Но сегодня стало ясно, что далеко не все молодые люди, перейдя рубеж тридцатилетия, становятся взрослыми. То есть, можно ли говорить об этом периоде как о переходном, или переходность становится признаком стабильности – пока этот вопрос остается без ответа.

Суть феномена этого периода состоит в следующем: 20–30-летние не принимают решений о своей дальнейшей судьбе, не вступают в длительные отношения, отношения не приводят к оформлению брака, они не заводят детей и не планируют, не начинают регулярную работу, не планируют карьеру. Периоды учебы, обычно в университетах перемежаются периодами работы и путешествий. Сегодня это явление интенсивно изучается, и выявлены, например, существенные различия на уровне страны: данное явление характерно для развитых стран и в гораздо меньшей степени представлено в развивающихся. Внутри стран молодежь, отказывающаяся взрослеть, гораздо больше представлена в странах с более высоким социально-экономическим статусом.

¹ Д. Элкин написал книгу «Hurried child: growing up too fast too soon» (2006) Это название трудно перевести буквально. Приблизительно можно было бы назвать ее по-русски так: «Ребенок, которого торопят: растет слишком быстро и слишком рано».

Обсуждая эти тенденции, обычно обращают внимание на экономический рост и появление свободного времени и финансовых возможностей для такой молодости. Добавим, что и идею обучения на протяжении жизни (life-long education) также следует отнести к факторам появления этого длящегося состояния незрелости. Граница между «взрослыми» и «незрелыми», таким образом, локализуется не на шкале возраста, а на шкале социально-экономических и образовательных возможностей индивида. Т.е. в различных странах и в различных социально-экономических контекстах сама взрослость предстает по-разному.

Другой значимый аспект проблематики взрослости представлен в работе Н. Постмана (N. Postman) [19]. В ней сам конструкт «взрослость» ставится под сомнение. Появившаяся более тридцати лет назад эта работа до сих пор остается и спорной и широко обсуждаемой. Книга носила эпатазирующее название «Исчезновение детства» (Автор утверждал, что конструкт «детство» зиждется на *противопоставлении* детей и взрослых. То есть, говорить о детстве можно лишь тогда, когда появляется *различие* между юными и более старшими членами социума. Это различие *воспроизводится и удерживается* культурными средствами, в том числе и средствами символизации (ребенок *выглядит* иначе, чем взрослый). Если исчезает различие между детьми и взрослыми, то исчезает и сам конструкт «детство».

Н. Постман в качестве ключевого различия между детьми и взрослыми полагает грамотность, распространившуюся в связи с появлением книгопечатания. Грамотность способствовала развитию аналитически-рефлексивных способов понимания мира, вытесняя непосредственные. По Постману, детство возникло в связи с появлением грамотности, а сегодня мы вынуждены признать его исчезновение. (Заметим, что работа Постмана появилась в 1982 г., и он преимущественно обсуждал телевидение). Поскольку средства массовой информации приучают нас непосредственно реагировать на визуальную информацию, воспринимать ее

непосредственно-эмоционально, способность к анализу и критике замещается эмоциональной реакцией. В этом смысле различия между ребенком и взрослым не остается [19].

Заключение

Вышесказанное приводит к выводу о распаде, эрозии ранее единого образа детства. Ребенка изучали в разных науках, лидирующей была, конечно же, психология развития, появившаяся в Европе и имевшая в качестве образа ребенка-европейца. Сегодняшний мир уже не оставляет возможности оставаться в рамках описания европейского детства. Понятно, что в этом рассуждении мы подходим к границам культурного релятивизма: считаем ли мы европейскую модель взросления «лучшей» или одной из многих. Отдавая дань толерантности, следует ответить, что никакого «лучше-хуже» быть не может. Но тогда как быть с явно отличающимися данными по нормативам развития детям ир неевропейских культур, из сельских отдаленных районов развивающихся бедных стран (Morrow, 2011) [18].

Эти рассуждения подводят нас к вопросам, которые уже трудно назвать строго научными. Это вопросы о перспективе взросления и о его моделях или траекториях. Перспективы всегда, и особенно в отечественной психологии, задавались образом взрослого. Каков он сегодня?

Традиционно взрослость задавалась в культуре через семейный и профессиональный статусы. Оба они сегодня, если и имеются, представляются весьма неопределенными.

Таким образом детство, как и взросление, представляется полем возможностей, ландшафтом потенциальных изменений, а никак не траекторией движения с ясной перспективой. И эта культурная и научная ситуация совершенно меняет место и роль детской психологии в системе знания и, главное, в системе методологии наук.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-06-00916.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурман Э. Деконструктивная психология развития. Ижевск: ERGO; Издательство Удмуртского университета, 2006. 288 с. (Критическая психология).
2. Унденховен Н. ван, Вазир Р. Новое детство: как изменились условия и потребности жизни детей. Москва: Университетская книга, 2010. 131 с.
3. Эльконин Б.Д. Кризис детства и основания проектирования форм детского развития [Электронный ресурс] // Вопросы психологии. 1992. № 3. С. 7–13. URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1992/923/923007.htm> (дата обращения: 06.06.2016).
4. Children's childhoods: Observed and experienced / Ed. Mayall B. London: Falmer Press, 1994. 78 p.
5. Constructing and Reconstructing Childhood / Eds. A. James, A. Prout. New York: Psychology Press, 1997. 269 p.
6. Education and Cultural Studies: Towards a Performative Practice / Eds. Henry A. Giroux, Patrick Shannon, New York: Routledge, 1997. 272 p.
7. Elkind D. School and Family in the Postmodern World [Электронный ресурс] // The Phi Delta Kappa International. 1995. Vol. 77. № 1. P. 8–14. URL: <http://www.jstor.org/stable/20405475> (дата обращения: 06.06.2016).
8. Elkind D. The Death of Child Nature: Education in the Postmodern World [Электронный ресурс] // Journ. Phi Delta Kappah. 1997. Vol. 79. № 3. P. 241–245. URL: <http://www.jstor.org/stable/20405998> (дата обращения: 06.06.2016).
9. Elkind D. The Hurried Child: Growing Up Too Fast Too Soon. Cambridge: Perseus Publishing, 2001. 244 p.
10. Giroux H. Beyond the Corporate University: Pedagogy, Culture, and Literary Studies in the New Millennium. Rowman and Littlefield, 2001. 350 p.
11. Giroux H. Mirror Images [Электронный ресурс]: Popular Culture and Education. New York: Peter Lang, 2008. 128 p. URL: <https://books.google.ru/books?id=vc7iAjw9qSAC&lpg=PP1&hl=ru&pg=PP1#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 06.06.2016).
12. James A. Giving Voice to Children's Voices: Practices and Problems, Pitfalls and Potentials // American Anthropologist. 2007. Vol. 109. № 2. P. 261–272. doi: 10.1525/aa.2007.109.2.261
13. James A., James A.L. Constructing Childhood: Theory, Policy and Social Practice. London: Palgrave Macmillan, 2004. 256 p.
14. James A., James A.L. Key Concepts in Childhood Studies. London: Sage, 2008. 160 p.
15. James A., Jenks C., Prout A. Theorising Childhood. Cambridge: Polity Press, 1998. 247 p.
16. Jenks C. Childhood. London: Routledge, 2005. 72 p.
17. Moore K., Kinghorn A., Bandy T. Parental Relationship Quality and Child Outcomes across Subgroups. [Электронный ресурс] // Child Trends. 2011. 11 p. URL: http://www.childtrends.org/wp-content/uploads/2011/04/Child_Trends-2011_04_04_RB_MaritalHappiness.pdf (дата обращения: 17.06.2016).
18. Morrow V. Understanding Children and Childhood. 2nd ed. Lismore: Centre for Children and Young People, Southern Cross University, 2011. 35 p. (Centre for Children and Young People Background Briefing Series, no. 1.) URL: http://erubs.scu.edu.au/cgi/viewcontent.cgi?article=1027&context=ccyp_pubs (дата обращения: 06.06.2016).
19. Postman N. The Disappearance of Childhood. N. Y.: Delacorte Press, 1982. 177 p.
20. Prout A. The Future of Childhood: Towards the Interdisciplinary Study of Children. London: Routledge, 2005. 167 p.
21. Pufall P.B., Unsworth R.P. Introduction // Rethinking Childhood / [Eds] P. Pufall and R. Unsworth. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 2004. P. 1–21.
22. Qvortrup J. '2005 – The Little «s» and the Prospects for Generational Childhood Studies' // Childhoods 2005: Paper presented at the international conference, Oslo, 29 June–3 July. Oslo: University of Oslo, 2005.
23. Qvortrup J. Childhood in the Welfare State // European Childhoods: Cultures, Politics and Childhood in Europe / Eds. A. James, A.L. James. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 2008. P. 216–233.
24. Qvortrup J. Diversity's Temptation – and Hazards' // Childhood and Youth': Conference: 8–19 July 2008 / Centre for the Study of Childhood and Youth, University of Sheffield. Sheffield: University of Sheffield. 2008. P. 1–9.

Childhood in a changing world

Polivanova K.N.,

doctor of psychological sciences, director of Contemporary Childhood Research Center, Institute of Education, National Research University Higher School of Economics, professor at the chair of developmental psychology, Department of Psychology of Education, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, kpolivanova@mail.ru

The article presents a psychological and socio-cultural analysis of contemporary childhood. It shows that in modern conditions the development of society necessitates scholars to expand the scope of analysis of childhood beyond psychological paradigm. The processes of diversification become more evident, increasing the number of recognized patterns of childhood, which cannot be evaluated from the standpoint of the norm. From the point of view of methodology it means that we need to broaden the view of childhood and take into account the analysis of social and cultural contexts. The article shows that the view of a child as a future adult (child-as-becoming) should be replaced by the view of a child at present time (child as being).

Keywords: childhood, age, globalization, the periodization of mental development, individualization.

The publication is prepared with the support of Russian Foundation for Humanities (project № 16-06-00916).

REFERENCES

1. Burman E. Dekonstruktivnaya psikhologiya razvitiya [Deconstructive developmental psychology]. Izhevsk: ERGO; publ. Udmurtskogo universiteta, 2006. 288 p. (Kriticheskaya psikhologiya). (In Russ.).
2. Udenkhoven N. van, Vazir R. Novoe detstvo: kak izmenilis' usloviya i potrebnosti zhizni detei [New Wazir childhood: how conditions have changed and the needs of children's lives]. Moscow: Universitetskaya kniga, 2010. 131 p. (In Russ.).
3. El'konin B.D. Krizis detstva i osnovaniya proektirovaniya form detskogo razvitiya [Electronic resource] [The crisis of childhood and child development design forms the base]. *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology]. 1992, no. 3, pp. 7–13. Available at: <http://www.voppsy.ru/issues/1992/923/923007.htm> (Accessed: 06.06.2016). (In Russ., Abstr. in Engl.).
4. Children's childhoods: Observed and experienced. B. Mayall, ed. London: Falmer Press, 1994. 78 p.
5. Constructing and Reconstructing Childhood. A. James, A. Prout, eds. New York: Psychology Press, 1997. 269 p.
6. Education and Cultural Studies: Towards a Performative Practice. Henry A. Giroux, Patrick Shannon, eds. New York: Routledge, 1997. 272 p.
7. Elkind D. School and Family in the Postmodern World [Electronic resource]. *Phi Delta Kappa International*, 1995, vol. 77, no. 1. pp. 8–14. Available at: <http://www.jstor.org/stable/20405475> (Accessed: 06.06.2016).
8. Elkind D. The Death of Child Nature: Education in the Postmodern World [Electronic resource]. *Phi Delta Kappah*, 1997, vol. 79, no. 3, pp. 241–245. Available at: <http://www.jstor.org/stable/20405998> (Accessed: 06.06.2016).
9. Elkind D. The Hurried Child: Growing Up Too Fast Too Soon. Cambridge: Perseus Publishing, 2001. 244 p.
10. Giroux H. Beyond the Corporate University: Pedagogy, Culture, and Literary Studies in the New Millennium. Rowman and Littlefield, 2001. 350 p.
11. Giroux H. Mirror Images [Electronic resource]: Popular Culture and Education. New York: Peter Lang, 2008. 128 p. Available at: <https://books.google.ru/books?id=vc7iAjw9qSAC&lpg=PP1&hl=ru&pg=PP1#v=onepage&q&f=false> (Accessed: 06.06.2016).
12. James A. Giving Voice to Children's Voices: Practices and Problems, Pitfalls and Potentials. *American Anthropologist*. 2007, vol. 109, no. 2, pp. 261–272. doi: 10.1525/aa.2007.109.2.261
13. James A., James A.L. Constructing Childhood: Theory, Policy and Social Practice. London: Palgrave Macmillan, 2004. 256 p.
14. James A., James A.L. Key Concepts in Childhood Studies. London: Sage, 2008. 160 p.
15. James A., Jenks C., Prout A. Theorising Childhood. Cambridge: Polity Press, 1998. 247 p.
16. Jenks C. Childhood. London: Routledge, 2005. 72 p.
17. Moore K., Kinghorn A., Bandy T. Parental Relationship Quality and Child Outcomes across Subgroups [Electronic resource]. *Child Trends*, 2011. 11 p. Available at: http://www.childtrends.org/wp-content/uploads/2011/04/Child_Trends-2011_04_04_RB_MaritalHappiness.pdf (Accessed: 06.06.2016).
18. Morrow V. Understanding Children and Childhood. 2nd ed. Lismore: Centre for Children and Young People, Southern Cross University, 2011. 35 p. (Centre for Children and Young People Background Briefing Series, no. 1.) Available at: http://epubs.scu.edu.au/cgi/viewcontent.cgi?article=1027&context=ccyp_pubs (Accessed: 06.06.2016).
19. Postman N. The Disappearance of Childhood. N. Y.: Delacorte Press, 1982. 177 p.
20. Prout A. The Future of Childhood: Towards the Interdisciplinary Study of Children. London: Routledge, 2005. 167 p.
21. Pufall P.B., Unsworth R.P. Introduction. *Rethinking Childhood*. P. Pufall and R. Unsworth, [eds]. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 2004, pp. 1–21.
22. Qvortrup J. The Little «s» and the Prospects for Generational Childhood Studies. *Childhoods 2005: Paper presented at the international conference, Oslo, 29 June–3 July*. Oslo: University of Oslo, 2005.
23. Qvortrup J. Childhood in the Welfare State. *European Childhoods: Cultures, Politics and Childhood in Europe*. A. James, A.L. James, eds. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 2008, pp. 216–233.
24. Qvortrup J. Diversity's Temptation – and Hazards'. *Childhood and Youth': Conference: 8–19 July 2008*. Centre for the Study of Childhood and Youth, University of Sheffield. Sheffield: University of Sheffield. 2008, pp. 1–9.

Экология современного детства: приоритетные направления научных исследований за рубежом

Флорова Н.Б.,

кандидат биологических наук, сотрудник реферативно-аналитического сектора Фундаментальной библиотеки,
ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия,
ninaflorova@yandex.ru

В базе данных Core Collection ресурса Web of Science исследована разработанность проблемы зависимого поведения детей, как части конструкта экологической среды современного детства. В трех кластерах – «аддиктивный ребенок», «аддикции детского возраста», «экологическая среда детства», как условных информационных группах данных, анализировались показатели наукометрического пространства – цитируемость и наполнение полнотекстовых публикаций. Выявлены ведущие тренды научно-исследовательской работы. Показано, что компонент аддиктивности становится все более значимым в конструкте экологической среды детства.

Ключевые слова: ребенок, аддикция, аддиктивность, жизненная среда, экология детства, зависимое поведение, психология и медицина, научное знание.

Для цитаты:

Флорова Н.Б. Экология современного детства: приоритетные направления научных исследований за рубежом [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2016. Том 5. № 2. С. 11–23. doi: 10.17759/jmfp.2016050202

For citation:

Florova N.B. Ecology of contemporary childhood: priorities for research perspectives in foreign studies [Elektronnyi resurs]. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 2016, vol. 5, no. 2. pp. 11–23. doi: 10.17759/jmfp.2016050202 (In Russ., Abstr. in Engl.).

Любой аспект состояния и действий человека на любом этапе жизни соотносится с конкретной экологической средой, будь то семья, система образования, детство, юношество, взросление, ближайшее окружение, профессиональное становление и прочие заданные исследователем параметры.

На произвольно взятом отрезке жизненного цикла (в данном случае детства) исследователь может проследить и прогнозировать вовлечение в рискованное поведение и последствия этого вовлечения на различном уровне внутри разных экологических конструктов.

Такой подход возможен благодаря междисциплинарному характеру понятий аддикции и аддиктивности.

Аддиктивность, как угроза здоровью нации, сегодня находится в поле зрения науки и практики в связи с детским табакокурением, наследственной алкоголизацией, трудностями обучения, психологическими личностными расстройствами и множеством других узловых точек риска для благополучного развития личности.

Цель проведенного анализа – выявление и описание выраженных трендов научно-исследовательской работы по проблеме аддикции и аддиктивности в экологической среде определенного жизненного периода – детства.

В представленном исследовании исследованы тренды личностных изменений, имеющие отношение к явлению зависимости и зависимого поведения. Задача более четкого дифференцированного анализа литературного материала (раздельно по аддикциям и аддиктивности) не ставилась.

В ходе предварительного аналитического эксперимента было обнаружено, что информационное про-

странство Web of Science обладает свойством чрезвычайной подвижности (лабильности). Оно выражено настолько, что в течение одной недели происходит резкая реструктуризация массива данных, вплоть до сужения направлений исследования на порядок и смены лидеров исследования. Поэтому сбор данных проводился в строго фиксированный календарный период времени.

Области сбора данных были определены автором как условные области (кластеры), описывающие: 1) само явление аддикции ребенка (в двух вариантах «аддиктивный ребенок» и «аддикция детского возраста»), как произвольные задаваемые поисковику вариации) и 2) встраивание аддикции и аддиктивности в конструкт экологии детства, то есть выявление места детской аддикции и аддиктивности в экологической жизненной среде ребенка.

В каждом кластере отслеживались число записей, направления исследований, страны-лидеры, общая картина цитируемости.

1. Кластер Аддиктивный ребенок (Addictive Child)

Как видно (рис. 1), в этом кластере по числу записей лидируют США, Германия и Франция (соответственно 26,7, 13,3 и 11,4 % от общего числа записей), что указывает на активную разработку данной проблемы в этих трех странах. На момент сбора данных Великобритания, Канада, Нидерланды, Австралия, Китай разрабатывали ее гораздо менее активно.

Лидирующими направлениями исследований в выявленной совокупности записей оказались психиатрия (26,7%), психология (24,8%), наркология (11,4%),

педиатрия (10,5%), нейрофизиология (9,4%); науки о поведении занимают здесь 3,8%.

Следовательно, можно говорить о выраженной тенденции смещения научных интересов в данной области от прикладной медицины к психологии личности ребенка с чертами аддикта. При этом на фоне относительно стабильного числа публикаций в исследуемом отрезке времени (2012–2016 гг), отчетливо виден резкий всплеск цитируемости публикаций в 2015 году.

Поле: Страны/территории	Число записей	% от 105
USA	28	26.667 %
GERMANY	14	13.333 %
FRANCE	12	11.429 %
ENGLAND	8	7.619 %
CANADA	7	6.667 %
NETHERLANDS	6	5.714 %
AUSTRALIA	5	4.762 %
PEOPLES R CHINA	5	4.762 %
SPAIN	4	3.810 %
SOUTH AFRICA	3	2.857 %
SOUTH KOREA	3	2.857 %
TURKEY	3	2.857 %
BRAZIL	2	1.905 %
NORWAY	2	1.905 %
WALES	2	1.905 %

Поле: Направления исследования	Число записей	% от 105
PSYCHIATRY	28	26.667 %
PSYCHOLOGY	26	24.762 %
SUBSTANCE ABUSE	12	11.429 %
PEDIATRICS	11	10.476 %
NEUROSCIENCES NEUROLOGY	10	9.524 %
PUBLIC ENVIRONMENTAL OCCUPATIONAL HEALTH	10	9.524 %
PHARMACOLOGY PHARMACY	9	8.571 %
GENERAL INTERNAL MEDICINE	8	7.619 %
BEHAVIORAL SCIENCES	4	3.810 %
FAMILY STUDIES	3	2.857 %
HEALTH CARE SCIENCES SERVICES	3	2.857 %
NUTRITION DIETETICS	3	2.857 %
SCIENCE TECHNOLOGY OTHER TOPICS	3	2.857 %
COMPUTER SCIENCE	2	1.905 %
EDUCATION EDUCATIONAL RESEARCH	2	1.905 %
ENDOCRINOLOGY METABOLISM	2	1.905 %
GENETICS HEREDITY	2	1.905 %

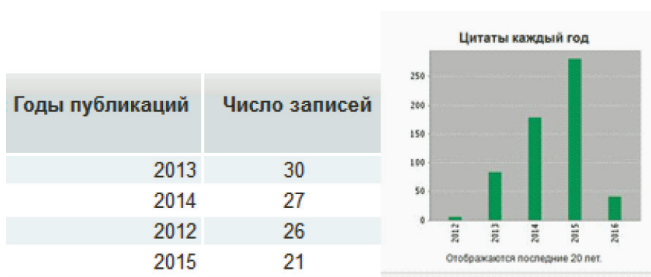

Рис. 1. Наукометрические параметры кластера «Аддиктивный ребенок» (база данных Web of Science Core Collection, дата обращения 6 марта 2016 г)

Ведущими выявленными трендами в массиве обнаруженных данных в исследованном периоде и кластере были: **нарушения роста и развития ребенка в онтогенезе;**

раннее прогнозирование вовлечения в зависимое поведение; риски формирования зависимого поведения; психология зависимого поведения школьника; детская кибер-аддикция.

В этом кластере заметна тенденция изменения качества и структуры наукометрического пространства.

Так, французские психологи, специализирующиеся в области аддиктивности взрослых [11], на базе психиатрических клиник Парижа проанализировала совокупность литературных данных на портале PubMed о динамике нарушений развития плода, новорожденного, ребенка и подростка в ситуациях, когда мать является нарко- или никотин-зависимой либо употребляет алкоголь. Был четко продемонстрирован риск патологий фетальной (внутриутробной) фазы на примере резкого снижения массы тела, его гипотрофичности, синдрома наркотической ломки новорожденного, апоплексии матки, патологий плаценты у роженицы и других явлений. В периоде детства и подросткового возраста суммированы данные по нарушениям развития и роста, трудностям обучения, овладения речью и когнитивными навыками (развитие памяти, внимания) в сочетании с импульсивностью или гиперактивностью, тревожными расстройствами и депрессивностью. Установлена коррелятивная связь тяжести расстройств развития ребенка с дозой и типом наркотического вещества, принимаемого матерью.

Авторы подчеркнули, что 75% младенцев, получивших наркотик от матери внутриутробно, в детстве имеют серьезные медицинские проблемы.

Более того, несмотря на очевидность этой трагической ситуации, специалисты внутри одной отдельно взятой страны все еще не готовы обсуждать ее на едином понятийном медико-психологическом языке. Все еще нет системы сквозного и достаточно длительного мониторинга объемных когорт детей с врожденными патологиями развития наркотической этиологии.

Следовательно, прогнозирование формирования аддиктивных состояний, а значит и профилактические вмешательства, остается недоработанной проблемой профессиональных сообществ. На этот момент указывается также в американско-австралийском тематическом обзоре по организации профилактики табакокурения с курящими семьями, имеющими маленьких детей возраста 1–5 лет [10]. Из 921 обработанных авторами обзора литературных источников непосредственно к теме профилактического вмешательства относилось 28.

Проблему раннего прогнозирования риска формирования аддиктивного поведения развивают также специалисты университета Sherbrooke (Канада). В своем исследовании выборки детей 6–9 лет из малообеспеченных семей они показали, что проблемы с поведением, как таковые, могут с уверенностью считаться прогнозным фактором раннего вовлечения в потребление психоактивных веществ, алкоголизацию и гемблинг [14]. Тем самым авторы призывают усилить внимание к проблемам школьного мониторинга, соз-

дания безопасной образовательной среды, профилактики раннего вовлечения в курение, наркопотребление, алкоголизацию, употребление спайсов и энергетиков, гемблинг.

Момент перехода из младших классов школы в средние, упомянутый выше, действительно может дать ценную информацию для прогнозирования рисков формирования аддиктивности, как подтвердили исследования специалистов США [13] из университетов Кентукки и Индианополиса. Ими показано, что по данным личностного тестирования учащегося младших классов возможно прогнозировать ранние риски аддиктивного поведения конкретного ребенка в средней школе.

Склонность к быстрым опрометчивым действиям под влиянием эмоций на фоне низкой рассудочной деятельности чревата дефицитом навыков планирования и настойчивости, то есть предпосылками вовлечения в аддикцию.

Высокий уровень эмоциональной напряженности и низкий уровень осознанности своих действий у учащихся последнего класса начальной школы (11 лет) резко повышают риски проблемного поведения (алкоголизации и курения уже год спустя, в первом классе средней школы, то есть в 12 лет) со всеми вытекающими последствиями в старшем подростковом и взрослом возрасте. Авторы подчеркивают возможность и необходимость выстраивания индивидуальной траектории личностного развития для каждого учащегося в группе риска вовлечения.

Страны азиатского региона также ведут активные исследования в данном направлении.

Так, сотрудники университета Гонконга и Департамента прикладной социологии Гуанчжоу (Китай), изучая особенности формирования интернет-аддикции у более старших школьников, уже на средней образовательной ступени (14 лет) выявили такую же закономерность – наивысшая степень интернет-аддиктивности соответствовала наивысшей в рамках наблюдения степени авторитарности родительского стиля [6]. С переходом из класса в класс закономерность сохраняется.

Эти авторы углубили примененный подход и дифференцируют разные уровни одного и того же стиля родительства по степени их воздействия на формирование интернет-аддиктивности у детей, однако моделирование управления и стратегий профилактического вмешательства в эти процессы еще не завершено.

С уверенностью можно сказать лишь, что гибкий стиль родительства имеет выраженное профилактическое воздействие. Важно отметить, что авторы твердо считают: ни авторитарность как таковая, ни гибкость, а только лишь «либерализация, границы дозволенности» в родителе, в сочетании с твердым контролем, способны регулировать интернет-зависимость ребенка в семье.

Интернет-аддикция (кибер-аддикция) продолжает оставаться актуальной для детского и подросткового возраста, о чем свидетельствует насыщенность информационных ресурсов этой проблематикой,

Web of Science включила в базу данных публикацию российских авторов (Санкт-Петербург) на эту тему в англоязычной версии одного из отраслевых журналов ВИНТИ (*Automatic Documentation and Mathematical Linguistics*) [20].

Представляет интерес междисциплинарный состав этой исследовательской группы: туда вошли представители Междисциплинарного Центра экспертизы научных сертификатов и технологического мониторинга в области ядерных и радиационных исследований и Российской Международной Академии Экологии, безопасности человека и природы. Эта группа указала на социальное звучание проблемы кибер-зависимости как неизбежного следствия научного и технологического прогресса, то есть заявила об обратной стороне жизненного пространства, приобретенного свойства киберпространства.

Авторы подчеркнули, что риски интернет-аддикции все еще недооцениваются отечественными масс-медиа. В России сегодня нет осознания реального масштаба последствий для психического и соматического здоровья детей и подростков в связи с техногенными факторами их жизненной среды. В том числе авторы выделили категорию онлайн-аддиктов, к которой относят тинейджеров. Для этой категории пользователей характерны определенные типы компьютерных стресс-синдромов – изменение «доминанты жизни» на фоне общей личностной незрелости и даже инфантилизма и отсутствия осознанных стратегий копинга. Стремительное распространение в детской среде гаджетов новых поколений тут же провоцирует новые паттерны киберзависимостей.

Такие публикации – свидетельство того, как перестраивается наукометрическое пространство проблемы аддикции/аддиктивности – в нее включаются как естественнонаучные, так и технологические составляющие.

В этой связи следует отметить исследование, выполненное в Cyber University Республики Корея [17]. Оно посвящено относительно новому явлению – использованию смартфонов школьниками младшего возраста 6–10 лет.

Данное лонгитюдное исследование было проведено в Сеуле и 16-ти городах- «миллионниках» Южной Кореи, в общей сложности в 95 школах, в течение трех лет. Авторы показали, что на стадии завязывания отношений между детьми линейно возрастает их вовлеченность в пользование смартфоном и угасает интерес к учебному процессу (как мотивация к обучению). Однако с течением времени, по мере укрепления дружеских взаимоотношений, они начинают отвлекать ребенка от излишнего пользования гаджетом и стремления приобретать все более «продвинутой» его модель (не-кнопочную, но сенсорную, другого цвета, с другими приложениями и т.д.). Иными словами, крепкая дружеская связь служит мощным предиктором злоупотребления гаджетами, равно как и высокоавторитарный стиль родительства и мотивация на обучение.

При вариативном изменении ключевых слов для поисковика был получен второй кластер того же смыслового наполнения, но, как оказалось, измененного качества. Представляется, что эти изменения отражают различия рабочих понятий.

2. Кластер «Аддикции детского возраста» (Childhood Addiction)

Как видно на рис. 2, во втором кластере на фоне более насыщенного информационного поля наблюдается иная расстановка приоритетов научного участия в проблеме аддиктивности детей – в пятерку стран-лидеров входят США, Канада, Австралия, Великобритания и Германия, причем США – с трехкратным отрывом от Канады, – 43,3 и 12,6% соответственно.

Вместе с тем, в этом кластере сохраняются выявленные нами ранее тенденции ведущих направлений научных исследований и доля их в общем массиве: лидирующие позиции занимают психиатрия, психология и наркология (соответственно 35, 25 и 18%) при значительном отставании наук о поведении (3,3%).

Сохранена также тенденции резкого повышения цитируемости в 2015 году. Более того, за два месяца 2016 года цитируемость в этом кластере вышла на уровень 2012 года.

Во втором кластере четко прослеживается ведущий тренд исследований – **негативный опыт детского возраста (психологическая травма) как фактор риска формирования аддиктивности**.

Среди недавних (на момент сбора данных) публикаций следует выделить работу специалистов университета Торонто (Канада) по связи пережитого в детстве опыта жестокого обращения с последующей алкоголизацией в подростковом возрасте [22], что свидетельствует о неослабевающей актуальности этой проблемы.

Предшествующий детский опыт и подростковая аддикция – сохраняющая актуальность область интересов научных учреждений мира. Так, межуниверситетская исследовательская группа в США (Вашингтон и Огайо) работает над выявлением связи употребления каннабиса подростками с психопатологиями детского возраста [5]. Показано, что длительность и насыщенность эпизодов злоупотребления каннабисом, в зависимости от имевшихся в детстве форм нарушений психического развития, в свою очередь расширяет перечень этих нарушений к возрасту 30 лет. Это наблюдение легло в основу концепции о прогностическом значении имеющихся в анамнезе фактов о длительности и частоте эпизодов употребления каннабиса в подростковом возрасте и имеющейся психопатологии детского возраста для суждений о вероятности развития коморбидных психопатологий вплоть до 30 летнего возраста. Иными словами, совокупный предшествующий опыт употребления и патология психики в детстве – функции коморбидности взрослого возраста.

Следует отметить глубокую проработку данной проблемы в крупных транснациональных исследовательских группах.

Поле: Страны/территории	Число записей	% от 270
USA	117	43.333 %
CANADA	34	12.593 %
AUSTRALIA	22	8.148 %
ENGLAND	22	8.148 %
GERMANY	15	5.556 %
SPAIN	10	3.704 %
BRAZIL	8	2.963 %
FRANCE	8	2.963 %
ITALY	8	2.963 %
PEOPLES R CHINA	7	2.593 %
ISRAEL	5	1.852 %
NETHERLANDS	5	1.852 %
SCOTLAND	5	1.852 %
TURKEY	5	1.852 %
POLAND	4	1.481 %
SINGAPORE	4	1.481 %
SOUTH KOREA	4	1.481 %
AUSTRIA	3	1.111 %
NEW ZEALAND	3	1.111 %
SWEDEN	3	1.111 %
MEXICO	2	0.741 %
NORWAY	2	0.741 %
SWITZERLAND	2	0.741 %
TAIWAN	2	0.741 %
WALES	2	0.741 %

Поле: Направления исследования	Число записей	% от 270
PSYCHIATRY	95	35.185 %
PSYCHOLOGY	69	25.556 %
SUBSTANCE ABUSE	51	18.889 %
NEUROSCIENCES NEUROLOGY	45	16.667 %
PHARMACOLOGY PHARMACY	20	7.407 %
PUBLIC ENVIRONMENTAL OCCUPATIONAL HEALTH	18	6.667 %
FAMILY STUDIES	14	5.185 %
PEDIATRICS	11	4.074 %
SOCIAL WORK	11	4.074 %
BEHAVIORAL SCIENCES	9	3.333 %
GENERAL INTERNAL MEDICINE	9	3.333 %
CRIMINOLOGY PENOLOGY	8	2.963 %
SCIENCE TECHNOLOGY OTHER TOPICS	8	2.963 %
BIOCHEMISTRY MOLECULAR BIOLOGY	6	2.222 %
GENETICS HEREDITY	6	2.222 %
NUTRITION DIETETICS	6	2.222 %
ENDOCRINOLOGY METABOLISM	5	1.852 %
BIOMEDICAL SOCIAL SCIENCES	4	1.481 %
NURSING	4	1.481 %
SOCIOLOGY	4	1.481 %
GOVERNMENT LAW	3	1.111 %
HEALTH CARE SCIENCES SERVICES	3	1.111 %
LIFE SCIENCES BIOMEDICINE OTHER TOPICS	3	1.111 %
RADIOLOGY NUCLEAR MEDICINE MEDICAL IMAGING	3	1.111 %
SOCIAL SCIENCES OTHER TOPICS	2	0.741 %

Рис. 2. Наукометрические параметры кластера «Аддикция детского возраста» (база данных Web of Science Core Collection, дата обращения 6 марта 2016 г)

Так, транснациональное исследование тканей головного мозга показало, что индивидуальные различия микроструктуры белого вещества могут считаться причиной различий в способности к принятию решений, в том числе рискованных (и рискованного поведения), на всем протяжении онтогенетического развития, начиная с детства [18].

Специалисты университетов США и Франции, исследовав данные компьютерной томографии мозга и анамнез людей разного возраста в выборке от 8 до 70 лет, подтвердили известный факт, что орбито-префронтальная кора головного мозга ответственна за принятие решений. Авторы ввели в арсенал специалистов понимание того, что целостность микроструктуры белого вещества мозга меняется в онтогенезе, к подростковому возрасту и даже в ранне-взрослом периоде белое вещество остается анатомически незрелым. Это свое наблюдение авторы адресуют прежде всего специалистам, работающим в сфере профилактики наркозависимостей.

В связи с проблемой последствий негативного детского опыта следует отметить транснациональную работу междисциплинарной группы специалистов из университетов и научных учреждений США, Великобритании, Австралии по наследуемости употребления каннабиса на фоне стресса, пережитого в детстве [12]. Проведенное исследование было проведено на базе крупного проекта Study of Addiction: Genetics and Environment (SAGE) — части проекта Gene Environment Association Studies (GENEVA) при поддержке National Human Genome Research — отдела Национального Института Здоровья (Мэриленд, США).

Авторы разработали гипотезу, согласно которой у лица, зависимого от каннабиса, повышена активность минорного аллеля-А гена rs604300 в структуре эндоканнабиноидной системы организма. Данному аллелю присуща также защитная функция в ситуации пережитого в детстве стресса (например, насилия). В эксперименте гипотезу удалось подтвердить, что в дальнейшем позволит оценивать роль генотипа в формировании устойчивости и адаптационных ресурсов, уровне энергетического обмена, проблемах избыточного веса и способности переносить боль. Как видно на рис. 3 из этой публикации, симптоматика употребления каннабиса у лиц, переживших насилие в возрасте до 16 лет (CA), существенно выше по сравнению с не пережившими стресса (No CA) относительно двух модификаций аллеля (GG и AA/AG).

Можно отметить и публикации психиатров США, в которых сообщается о различной реакции на интраназальный окситоцин у лиц с одновременным наличием в анамнезе двух факторов — опыта детского насилия и сформированной наркозависимости — и без них [9]. Есть также данные о предикторном значении для профилактики кокаиновой зависимости еще двух сочетанных факторов — детского опыта насилия и особенностей генетического картирования кортикостероидных рецепторов [8].

Насыщенность информационного пространства такими публикациями дает основание полагать: традиционная медицина продолжает активно работать над клиникой детской химической и нехимической зависимостей и не уступает своих позиций.

Необходимо сказать о том, что в России давно и активно развивается научная школа генетического маркирования рисков семейного употребления психоактивных веществ. Академик РАН И.П. Анохина в основу своей научной школы заложила теорию патогенеза алкоголизма и наркоманий, концепция единства биологических механизмов различных видов зависимости и генетические механизмы основа наследственной предрасположенности к потреблению психоактивных веществ.

В одной из публикаций И.П. Анохиной совместно с руководимой ею исследовательской группой указано: «...в наших исследованиях обнаружено, что в группе больных алкоголизмом русской национальности с семейной отягощенностью увеличена частота встречаемости генотипа 9/10 ДАТ (0;41) по сравнению с контрольной группой и группой больных без семейной отягощенности... Среди больных опийной наркоманией наблюдалось преобладание гомозигот 10/10 с частотой 0,69, а также гетерозигот 9/10 с частотой 0,24. ... В выборке больных достоверно увеличение доли гомозиготного генотипа 9/9. Вероятно, аллель 9 можно рассматривать как аллель риска алкоголизма и наркомании... Поиск генов-кандидатов, ответственных за предрасположенность к злоупотреблению психоактивными веществами, целесообразно вести ...среди генов, регулирующих дофаминовую нейромедиацию» [1] [ДАТ — один из важнейших функциональных белков дофаминовой системы — *HΦ*].

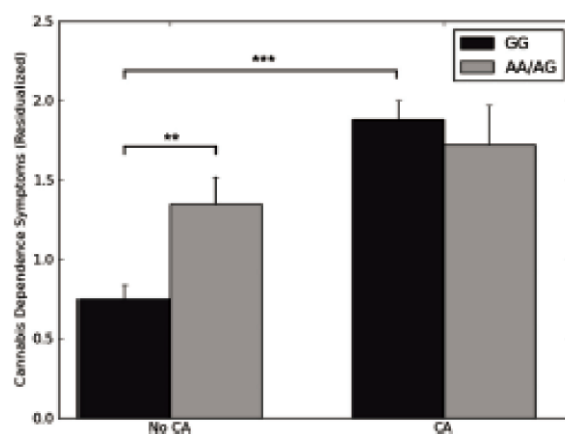

Рис. 3. Взаимосвязь генотипа rs604300 с пережитым опытом детского насилия как прогностический фактор для выявления возможной симптоматики употребления каннабиса (по данным Caitlin E. Carey, Arpana Agrawal, and Bo Zhang, Emily D. Conley, Andrew C. Heath and Daofeng Li, Louisa Degenhardt, Michael T. Lynskey, Nicholas G. Martin and Grant W. Montgomery и других, 2015) [12]. CA — лица, пережившие насилие (стресс), No CA — лица без опыта пережитого насилия, GG, AA/AG — две модификации аллеля

Другой выраженный тренд исследований в этом кластере – участие медицинской педиатрической научной школы в разработке государственных профилактических программ, прежде всего антитабачных.

Пример – программная публикация Американской Академии Педиатрии «Clinical Practice Policy to Protect Children From Tobacco, Nicotine, and Tobacco Smoke» в журнале «Педиатрия» [7].

В этом документе подчеркивается, что табачная зависимость начинает формироваться в детстве, и острой проблемой мирового сообщества остаются подверженность детей пассивному воздействию табачного дыма и провоцируемые этим фактором заболевания и пренатальная смертность. Педиатры обозначают эту ситуацию как небезопасную для жизни детей, и проблему детской табачной зависимости относят исключительно к компетенции педиатрии.

Здесь указывается также, что специалисты, проходящие переподготовку в области профилактики детского табакокурения, должны иметь соответствующие сертификаты.

В этом документе изложены и рекомендации практиков клиницистов по экспертной оценке качества критериев доказательной профилактики. Авторы документа разработали кадастр качества доказательств с преобладанием (или равной мерой) вреда или выгоды для индивида или социальной группы, и соответствующим решением о вынесении экспертами строгого требования, рекомендации либо мнения по каждому из доказательств (рис. 4).

Авторы документа разработали специальный опросник для дифференцированного анализа показателей соматического состояния курящего ребенка и соотнесения этих данных с одной из пяти категорий качества. При этом документ содержит перечень диагностических признаков как стандарт, дающий право на строгие рекомендации. Как видно из рис. 4, основанием, например, для строгих (запретительных) рекомендаций являются выявленные на уровне популяции

четкие диагностические нарушения в состоянии здоровья; основанием для мнения служат экспертные оценки, отдельные клинические случаи (истории болезни) и т.д.

Иными словами, мы наблюдаем здесь действия американского медицинского профессионального сообщества, регламентирующие решение проблемы детского табакокурения на национальном уровне.

Таким образом, в кластере «Аддикция детского возраста» мы наблюдаем мощный тренд практико-ориентированных исследований – **пережитый в детстве опыт насилия и его последствия, с доминирующим медицинским направлением.**

На следующем этапе исследования аддиктивность ребенка была рассмотрена как часть конструкта экологии детства.

3. Кластер «Экологическая среда детства» (Childhood Ecological Environment)

Научная экологическая школа постоянно обогащается информацией о детстве как особой экологической среде, со специфичными требованиями к безопасности, устойчивости, благополучию.

В ходе научно-информационного поиска нами была выявлена широкая панорама исследований экологии детства, которая отличается разнообразными подходами, аспектами, междисциплинарностью, многофакторностью, внутренними и внешними ассоциативными связями параметров и другими отличиями. Четко дифференцировать обнаруженные публикации по фактору аддикции/аддиктивности удавалось не всегда.

Материалы этого кластера были отобраны с допущением, что аддикции/аддиктивное поведение рассматриваются как категории с обязательным присутствием факторов риска физическому и психическому здоровью и социальному статусу.

При рассмотрении среды детства, ограничиваясь ее экологическими параметрами, мы видим, что здесь

Evidence Quality	Preponderance of Benefit or Harm	Balance of Benefit and Harm
A. Well-designed RCTs or diagnostic studies on relevant population	Strong Recommendation	Option
B. RCTs or diagnostic studies with minor limitations; overwhelmingly consistent evidence from observational studies	Recommendation	
C. Observational studies (case-control and cohort design)	Option	No Rec
D. Expert opinion, case reports, reasoning from first principles	Option	No Rec
X. Exceptional situations in which validating studies cannot be performed and there is a clear preponderance of benefit or harm	Strong Recommendation Recommendation	

FIGURE 1
Evidence quality. RCT, randomized controlled study.

Рис. 4. Кадастр качества критериев доказательной профилактики детского табакокурения на уровне государственной антитабачной политики (по данным Clinical Practice Policy to Protect Children From Tobacco, Nicotine, and Tobacco Smoke. 2015, США [11])

пятерку лидеров составляют США (со значительным отрывом), Канада, Австралия, Великобритания и Франция (рис. 5). Ведущими направлениями исследований являются общественное здравоохранение и психология, то есть психология поднимается на более высокие рейтинговые позиции в общем перечне направлений. Затем следуют социология, проблемы здорового питания, психиатрия. Поведенческие проблемы, равно как и проблемы наркологии и социальной работы, в среднем на порядок теряют свои позиции по сравнению с первыми двумя кластерами. За интересующий нас период времени была выражена тенденция роста как публикационной активности (число публикаций), так и активности цитирования.

В этом кластере обнаружены публикации, раскрывающие взаимосвязи особенностей жизненной среды, в которой протекает период детства, с явлением детской аддикции (аддиктивности). Точнее, публикации этого кластера ориентированы на описание и оптимизацию жизненной среды детей (прежде всего школьного возраста) в ситуациях риска и угрозе безопасности жизненной (в том числе образовательной) среды. При этом следует оговорить, что в публикациях этого кластера обсуждаются не столько проблемы аддикции/аддиктивности детского возраста, сколько психологические проблемы, провоцирующие эту тенденцию. Это наблюдение согласуется с низкими позициями проблем поведения в рейтинге направлений исследования, отмеченными выше.

Такой работой, – имеющей опосредованное отношение к проблеме аддиктивности, но выполненной «на стыке» с ней и содержащей высокоактуальный материал, – является недавняя совместная публикация психологов университета Мичиган и медицинских психологов университета Питсбург (США) [21] по проблеме эмоционального дефицита (черствости) у детей и роли родительства в решении этой проблемы. Заболевание, недавно вошедшее в стандарт DSM-5 как limited prosocial emotions' – LPE (ограниченность про-социальной эмоциональной сферы) представляет собой недавнюю концептуализацию черствого (жесткого, бездушного, эмоционально неокрашенного) поведения (callous unemotional (CU) behavior).

Авторы этой публикации предложили модель данного заболевания с ее асоциальными последствиями, где продемонстрировали феномен – наличие прямых связей материнского тепла и материнской агрессии с низкоэмоциональным поведением детей возраста 10–12 лет и последующим асоциальным поведением ребенка (рис. 6).

При этом для возраста 10–12 лет точкой риска формирования неэмоционального поведения является возраст 2 года, а для возраста 20 лет такой точкой является возраст 10–12 лет. В обеих точках критическим фактором является эмоциональное тепло матери.

Абстрагируясь от этой сухой научной трактовки, можно интерпретировать ее как подтверждение общеизвестного факта – эмоциональное тепло матери неза-

мимо для ребенка, особенно в возрасте 2 лет и 10–12 лет.

Специалисты по проблемному детскому поведению университетов Нью-Йорка, Пуэрто-Рико и Колумбия

Поле: Страны/территории	Число записей	% от 102
USA	52	50.980 %
CANADA	12	11.765 %
AUSTRALIA	10	9.804 %
ENGLAND	9	8.824 %
FRANCE	5	4.902 %
GERMANY	4	3.922 %
SPAIN	4	3.922 %
BRAZIL	3	2.941 %
MEXICO	3	2.941 %
PEOPLES R CHINA	3	2.941 %
SWEDEN	3	2.941 %
ARGENTINA	2	1.961 %
BELGIUM	2	1.961 %
CROATIA	2	1.961 %
ISRAEL	2	1.961 %
NEW ZEALAND	2	1.961 %

Поле: Направления исследования	Число записей	% от 102
PUBLIC ENVIRONMENTAL OCCUPATIONAL HEALTH	27	26.471 %
PSYCHOLOGY	16	15.686 %
ENVIRONMENTAL SCIENCES ECOLOGY	9	8.824 %
NUTRITION DIETETICS	8	7.843 %
PSYCHIATRY	6	5.882 %
BIOMEDICAL SOCIAL SCIENCES	5	4.902 %
EDUCATION EDUCATIONAL RESEARCH	5	4.902 %
NEUROSCIENCES NEUROLOGY	5	4.902 %
PEDIATRICS	5	4.902 %
HEALTH CARE SCIENCES SERVICES	4	3.922 %
NURSING	4	3.922 %
SCIENCE TECHNOLOGY OTHER TOPICS	4	3.922 %
ANTHROPOLOGY	3	2.941 %
ENDOCRINOLOGY METABOLISM	3	2.941 %
FAMILY STUDIES	3	2.941 %
GEOGRAPHY	3	2.941 %
PHYSIOLOGY	3	2.941 %
SOCIAL SCIENCES OTHER TOPICS	3	2.941 %
BEHAVIORAL SCIENCES	2	1.961 %
BIODIVERSITY CONSERVATION	2	1.961 %
IMMUNOLOGY	2	1.961 %
SOCIAL WORK	2	1.961 %
SOCIOLOGY	2	1.961 %
SUBSTANCE ABUSE	2	1.961 %

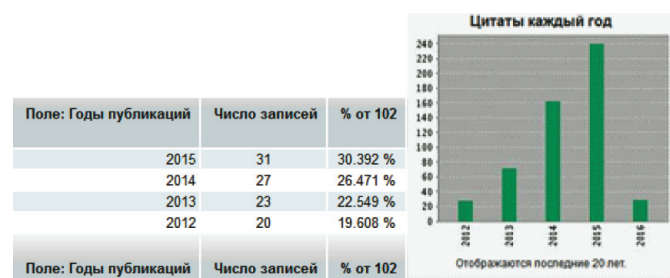

Рис. 5. Наукометрические параметры кластера «Экологическая среда детства» (база данных Web of Science Core Collection, дата обращения 6 марта 2016 г)

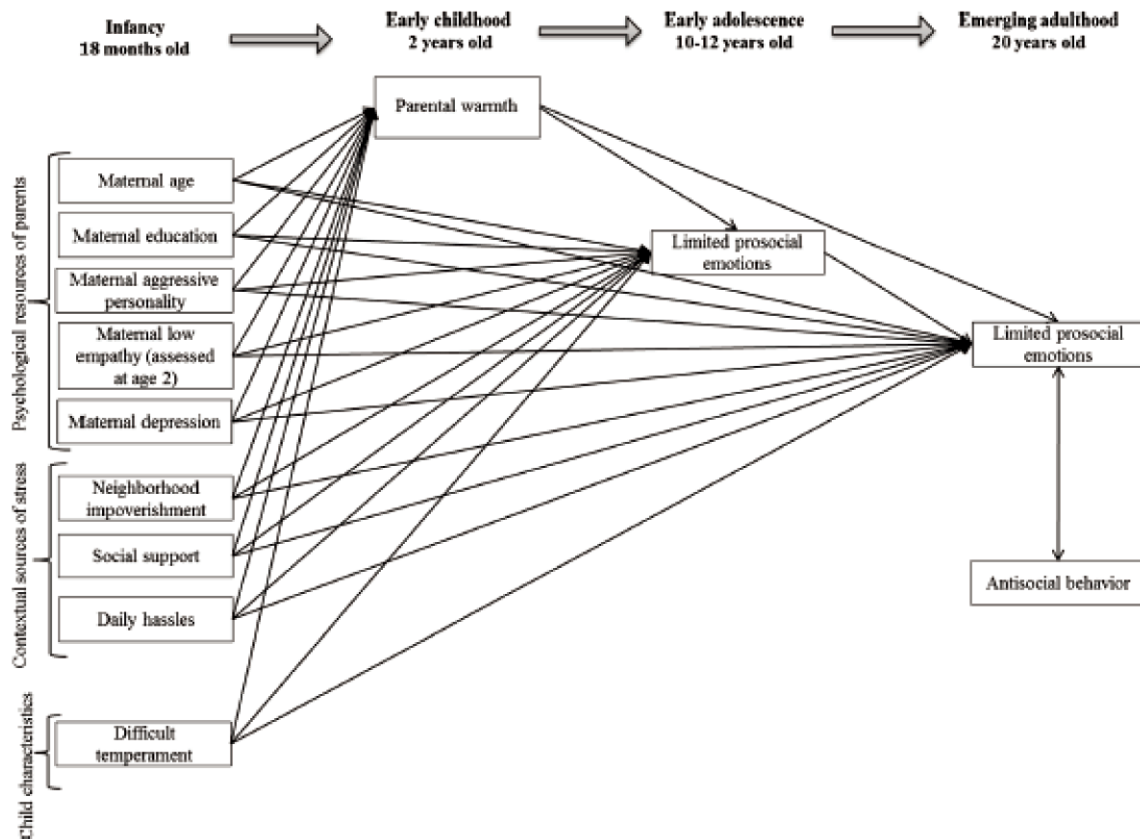

Рис. 6. Модель прямых и непрямых эффектов взаимодействия между факторами риска формирования жестокого (бездушного) поведения ребенка с его асоциальным поведением (по данным Rebecca Waller & Daniel S. Shaw & Erika E. Forbes & Luke W. Hyde 2015 [21])

(США) провели лонгитюдное исследование популяции детей в возрасте 10 лет, положив в основу своей концепции тезис о том, что индивидуальные (личностные) и пространственно-отдаленные (дистальные) факторы (семья, общество, культура) ответственны за такие явления в детской среде, как буллинг (издевательства), причем буллинг может быть не эпизодическим, а систематическим. В эксперименте объектом буллинга на двух пространственно разобщенных площадках был расовый (этнический) компонент.

Авторы составили градиент факторов риска буллинга для ребенка, куда вошли трудности социальной адаптации, трудности обучения, жесткий родительский контроль, негативная атмосфера в школе, преследование по типу насилия, делинквентное поведение сверстников и уровень аккультурации [16].

Авторы заявили, что помимо школьной среды, специфичные аспекты общества, семьи, культуры являются значимыми в развитии буллинга, что должно учитываться в программах вмешательства и профилактики. Особенно актуальной эта проблема оказалась для меньшинств, оказывающихся в зоне риска в силу жизненных обстоятельств. При этом основные надежды по содействию в решении проблемы буллинга детского возраста авторы возлагают на педиатров и работников социальной службы (не на психологов).

Абсолютно оправданным в связи с ростом объема психологических проблем детского возраста видится

рост публикаций о воспитании позитивных представлений о жизни и счастье и в конечном счете жизненного оптимизма у школьников и молодежи.

Особенно актуальной эта проблема считается для детей младшего подросткового возраста, то есть выходящих из детства. Все еще недостаточно данных о роли оптимизма в протекании раннего юношеского возраста. На модели процессов личностного развития в этом жизненном периоде в междисциплинарной работе психологов двух университетов Канады показано, что депрессивные и тревожные симптомы и поведение подростков зависят от поддержки родителей, контакта с ними, семейных традиций (семейные обеды), взаимодействия со сверстниками в школе и вне школы [19]. Авторы считают, что с усилением родительской поддержки усиливается и оптимизм подростка 9–13 лет, особенно если изначально уровень депрессивности подростка снижен (рис. 7).

По мнению авторов, этот эффект отражает сложную взаимосвязь личности с ее окружением, когда уровень воздействия позитивного фактора (родительская поддержка) зависит от субъективного восприятия этой поддержки подростком. Поэтому авторы пришли к выводу: подростки с высокой депрессивностью могут и осознавать, что родители хотят помочь, но неспособны применить эту поддержку для выхода в будущее с позитивным настроением.

Следует отметить наличие в этом кластере регламентирующих документов, ориентированных на рабо-

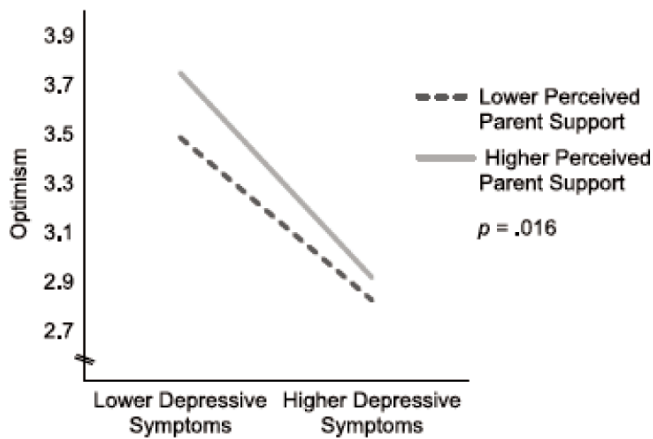

Рис. 7. Взаимосвязь симптомов депрессивности и родительской поддержки в возрасте 9–13 лет (по данным Kimberly C. Thomson, Kimberly A. Schonert-Reichl, Eva Oberle, 2015 [19])

ту со средовыми факторами – образовательной средой и семьей. Так, например, обнаружен системный обзор, выполненный совместно специалистами Австралии и США, по программам вмешательств для снижения вреда от табакокурения в семьях с новорожденными и маленькими детьми [2]. Авторы обзора отметили крайне малое количество публикаций с результатами исследований на основе социо-экологического подхода, где фигурировали бы семьи с детьми 1–5 лет. Авторы призывают также обратить внимание на необходимость поддержки семей с маленькими детьми с тем, чтобы они могли самостоятельно создавать семейную среду, свободную от курения и безопасную для всей семьи. При этом внутренние психодинамические процессы и

социальные проблемы семей с детьми должны быть приоритетными трендами исследования.

Можно упомянуть также национальную программу профилактических вмешательств на базе общеобразовательных школ в Китае, ориентированную на обучение здоровому образу жизни и профилактику ожирения в детско-подростковой популяции, охватываемой школьным образованием, то есть в возрастном интервале 7–18 лет [2] (Как показано выше, Китай входит в первую десятку стран, активно ведущих исследования в рамках данного кластера).

Авторы подчеркивают, что это первая и наиболее объемная национальная программа школьного вмешательства, ориентированная на проблему избыточного веса детей, обобщающая социо-демографические и географические параметры детей и подростков, у которых обнаружены данные нарушения развития. Вмешательство построено на социально-когнитивной теории и социально-экологической модели здоровья, с картированием результатов.

Особое внимание к семьям с маленькими детьми в плане избыточного веса детей отражено в работе крупной исследовательской группы, в которую вошли специалисты разных университетов США [4].

В этой публикации описана заслуживающая нашего внимания модель формирования избыточного веса у детей (рис. 8) с дифференцированием и ранжированием многочисленных факторов риска ожирения по степени угрозы здоровью детей, начиная с возраста 3–5 лет (внутренний круг) и вплоть до окончания школы (внешний круг). Как видно, в поле зрения авторов оказались просмотр телепередач, посещение

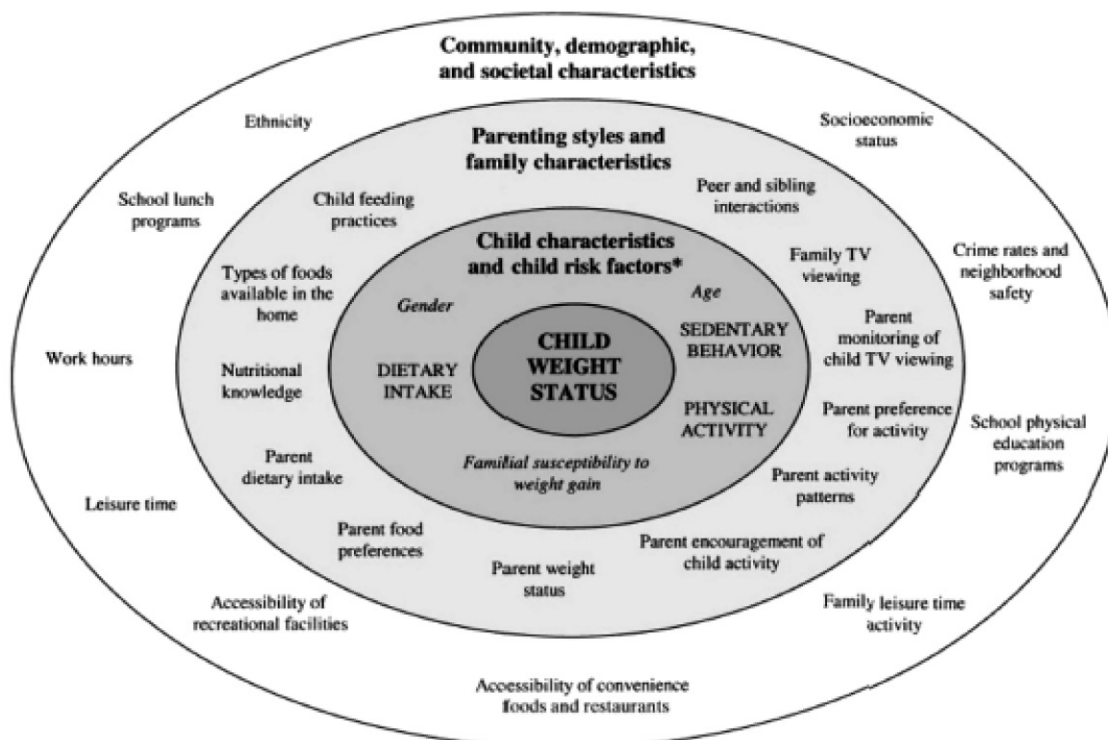

Рис. 8. Модель формирования избыточного веса у детей (по данным Brandy Buro, Abby Gold; Dawn Contreras; Ann L. Keim, Amy R. Mobley et al, 2015 [4])

ресторанов родителями, организация школьного питания.

Специалисты университета Южная Дакота (США), изучая прогнозные экологические факторы субъективного благополучия детей в крупных городах [19], представили условный кадастр факторов жизненной среды ребенка-горожанина 10–12 лет, ответственных за его субъективное благополучие. Авторы выделили три наиболее мощных предикторных (прогнозных) фактора благополучия – пол, параметры образовательной среды, взаимоотношения внутри жизненного окружения.

Специалисты Португалии и Австралии опубликовали в 2015 году весьма своеобразную работу по экологическим аспектам риска в поведении детей (то есть экологическим аспектам рискованного и безопасного поведения детей) [3].

Эти авторы отходят от общепринятых понятий «рискованная жизненная среда» и «дети группы риска», и утверждают, что, в свете экологической теории, детям с определенными характеристиками личности жизненная среда предоставляет определенные возможности. В этом контексте риск может рассматриваться как реляционная составляющая (пространства – времени).

Рассматривая экологическую среду из трех компонентов – ребенок-взрослый-пространство «с градиентом опасностей», авторы выдвинули рабочую гипотезу, согласно которой деятельность ребенка побуждает его к восприятию и познанию окружающей среды, что в свою очередь инициирует новые, в том числе рискованные, формы поведения в той же фоновой среде. Поэтому риск представляется динамичным конструктом и, следовательно, действия детей отражают качество их восприятия или возможности дальнейших действий («result of actualization of affordances»).

В свою очередь, аффордансы, или возможности для совершения действий, в детской жизненной среде тесно связаны со способностями ребенка к тому или иному действию в конкретной жизненной среде; они начинают развиваться с раннего возраста. «Ребенок может не понимать, – пишут авторы, – что сооружения на игровой площадке слишком высоки чтобы прыгнуть, или что падать на твердую землю больно и с высокой лестницы – опасно, и получает об этом представление на собственном опыте». Первоочередной задачей воспитателей становится поэтому развитие способностей ребенка к исследованию и обучению.

Следовательно, в данном кластере проявляется разнообразие научных направлений, отличающихся острой социальной направленностью и объединением исследователей в транснациональные группы высокого научного потенциала. Среди их разработок выделяются проведенные на клеточном и молекулярном уровне и модели управления ситуациями риска вовлечения в рискованное поведение.

Заключение

Высокая насыщенность информационных ресурсов и их постоянное обновление обеспечивают как

самообразование, так и обмен информацией между специалистами. Сегодня существует возможность самостоятельно следить за развитием научной школы и не упускать из виду состояние сопредельных областей знания.

Проведенный анализ продемонстрировал также результативность работы междисциплинарных и транснациональных групп в исследовании аспектов детского зависимого поведения. Мы видим еще одно подтверждение тому, что современное научно-практическое знание предоставляют собой не только теоретический (концептуальный), но и инструментальный и методологический ресурс и поэтому оно ценно для разработки профилактических и реабилитационных программ, нормативных документов, системы переподготовки кадров, организации работы реабилитационных центров и многих иных целей.

Действительно, в большинстве проанализированных работ, выполненных крупной группой специалистов, прямо или косвенно акцентируется необходимость создания «двучленного» инструмента управления профилактической и лечебной деятельностью – государственные профессиональные стандарты персонализированной ранней диагностики рисков и психологической помощи – с одной стороны, и индивидуальный подход к лечению и диагностике – с другой.

Аналогичные проблемы сегодня активно решаются в медицине. Можно, например, видеть, как кардиологи стран Европы и США начинают, ориентируясь на международные профессиональные стандарты диагностики и лечения, выбирать из них пригодные для конкретного пациента.

Персонализированность проблемы аддиктивности, как и всех проблем, ориентированных на физическое и психическое здоровье человека, изначально обусловлена этнографическим фактором как данностью. Люди из разных стран и даже разных регионов одной страны существенно различаются особенностями биохимических и физиологических процессов, психосоциальными и иными параметрами, поэтому профилировать, лечить и реабилитировать их требуется совершенно по-разному, но на единой концептуальной основе.

Наконец, нельзя не оговорить субъективность суждений, вынесенных в этой статье. Она обусловлена в том числе произвольностью задаваемых поисковику ключевых слов, отсутствием до настоящего времени единого международного терминологического словаря профессионального сообщества аддиктологов, превентологов и реабилитологов.

Тем не менее, удалось показать, что на сегодняшний день обусловленная жизненной средой психология зависимого поведения постепенно занимает должное место в рейтинге научных исследований. Среди разработок средового тренда выделяются исследования на клеточном и молекулярном уровне и модели управления ситуациями риска вовлечения в рискованное поведение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Современные проблемы генетики зависимости от психоактивных веществ / Анохина И.П. [и др.] // Наркология. 2004. № 6. С. 71–77.
2. A national school-based health lifestyles interventions among Chinese children and adolescents against obesity: rationale, design and methodology of a randomized controlled trial in China [Электронный ресурс] / Y. Chen, [et al.] // BioMedCentral (BMC) Public Health. 2015. Vol. 15. № 210. doi 10.1186/s12889-015-1516-9
3. An ecological stance on risk and safe behaviors in children: The role of affordances and emergent behaviors [Электронный ресурс] / R. Cordovil, [et al.] // New Ideas in Psychology. 2015. Vol. 36. P. 50–59. doi: 10.1016/j.newideapsych.2014.10.007
4. An ecological approach to exploring rural food access and active living for families with preschoolers [Электронный ресурс] / B. Buro, [et al.] // Journal of Nutrition Education and Behavior. 2015. Vol. 47. № 6. P. 548–555. doi:10.1016/j.jneb.2015.08.020
5. Association of Comorbid Psychopathology With the Duration of Cannabis Use Disorders [Электронный ресурс] / R.F. Farmer, [et al.] // Psychology of Addictive Behaviors of American Psychological Association. 2016. Vol. 30. № 1. P. 82–92. doi: 10.1037/adb0000151
6. *Chau-kiu Cheung, Xiao Dong Yue, Dennis Sing-wing Wong.* Addictive Internet use and parenting patterns among secondary school students in Guangzhou and Hong Kong [Электронный ресурс] // Journal of Child and Family Studies. 2015. Vol. 24. № 8. P. 2301–2309. Springer. doi: 10.1007/s10826-014-0033-2
7. Clinical Practice Policy in Protect Children From Tobacco, Nicotine and Tobacco Smoke. Section on Tobacco Control [Электронный ресурс] // PEDIATRICS. 2015. Vol. 136. № 5. doi: 10.1542/peds.2015-3108
8. Corticosteroid receptor genes and childhood neglect influence susceptibility to crack/cocaine addiction and response to detoxification treatment [Электронный ресурс] / D.L. Rovaris, [et al.] // Journal of Psychiatric Research. 2015. Vol. 68. P. 83–90. doi:10.1016/j.jpsychires.2015.06.008
9. Effects of adverse childhood experiences on the association between intranasal oxytocin and social stress reactivity among individuals with cocaine dependence [Электронный ресурс] / J.C. Flanagan, [et al.] // Psychiatry Research. 2015. Vol. 229. № 1–2. P. 94–100. doi: 10.1016/j.psychres.2015.07.064
10. Interventions to Reduce Harm from Smoking with Families in Infancy and Early Childhood: A Systematic Review [Электронный ресурс] / N. Brown, [et al.] // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2015. Vol. 12. № 3. P. 3091–3119. doi:10.3390/ijerph120303091
11. *Lamy S, Laqueille X, Thibaut F.* Conséquences potentielles de la consommation de tabac, de cannabis et de cocaïne par la femme enceinte sur la grossesse, le nouveau-né et l'enfant: revue de littérature [Электронный ресурс] // L'Encéphale. 2015. Vol. 41. Supplement 1. P. S13–S20. doi:10.1016/j.encep.2014.08.012
12. Monoacylglycerol Lipase (MGLL) Polymorphism rs604300 Interacts With Childhood Adversity to Predict Cannabis Dependence Symptoms and Amygdala Habituation: Evidence From an Endocannabinoid System-Level Analysis [Электронный ресурс] / C.E. Carey, [et al.] // Journal of Abnormal Psychology. 2015. Vol. 124. № 4. P. 860–877. doi: 10.1037/abn0000079
13. Personality Measured in Elementary School Predicts Middle School Addictive Behavior Involvement [Электронный ресурс] / L. Guller, [et al.] // Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment. 2015. Vol. 37. № 3. P. 523–532. doi 10.1007/s10862-014-9474-6
14. Precocious Initiation into Smoking, Alcohol Use, and Gambling among Children with Conduct Problems / *Dйbut Prйcoce Du Tabagisme, De la Consommation D'alcool et Du Jeu Chez Les Enfants Ayant Des Problemes De Conduite* [Электронный ресурс] / C.E. Temcheff [et al.] // Canadian Journal of Psychiatry. 2016. Vol. 61. № 1. P. 50–58.
15. Predictors of Children's Subjective Well-Being in Rural Communities of the United States [Электронный ресурс] / L.A. Newland, [et al.] // Child Ind Res. 2015. Vol. 8. № 1. P. 177–198. doi 10.1007/s12187-014-9287-x
16. Socio-Cultural Context and Bullying Others in Childhood [Электронный ресурс] / C. Morcillo, [et al.] // Journal of Child and Family Studies. 2015. Vol. 24. № 8. P. 2241–2249. doi: 10.1007/s10826-014-0026-1
17. *Sung Man Bae.* The relationships between perceived parenting style, learning motivation, friendship satisfaction, and the addictive use of smartphones with elementary school students of South Korea: Using multivariate latent growth modeling [Электронный ресурс] // School Psychology International. 2015. Vol. 36. № 5. P. 513–531. doi: 10.1177/0143034315604017
18. The Accumbofrontal Tract: Diffusion Tensor Imaging Characterization and Developmental Change from Childhood to Adulthood [Электронный ресурс] / K.H. Karlsgodt, [et al.] // Human Brain Mapping. 2015. Vol. 36. № 12. P. 4954–4963. doi: 10.1002/hbm.22989
19. *Thomson K.C. Schonert-Reichl K.A., Oberle E.* Optimism in Early Adolescence: Relations to Individual Characteristics and Ecological Assets in Families, Schools, and Neighborhoods [Электронный ресурс] // Journal of Happiness Study. 2015. Vol. 16. № 4. P. 889–913. DOI 10.1007/s10902-014-9539-y
20. *Tikhonov M.N., Bogoslovskii M.M.* Internet Addiction Factors [Электронный ресурс] // Automatic Documentation and Mathematical Linguistics. 2015. Vol. 49. № 3. P. 96–102. URL: <http://link.springer.com/article/10.3103/S0005105515030073> (дата обращения 02.06.2016)
21. Understanding Early Contextual and Parental Risk Factors for the Development of Limited Prosocial Emotions [Электронный ресурс] / R. Waller, [et al.] // Journal of Abnormal Child Psychology. 2015. Vol. 43. № 6. P. 1025–1039. doi 10.1007/s10802-014-9965-7
22. *Wardell J.D., Strang N.M., Hendershot C.S.* Negative urgency mediates the relationship between childhood maltreatment and problems with alcohol and cannabis in late adolescence [Электронный ресурс] // Addictive Behaviors. 2016. Vol. 56. P. 1–7. doi:10.1016/j.addbeh.2016.01.003

Ecology of contemporary childhood: priorities for research perspectives in foreign studies

Florova N.B.,

*staff member of the Fundamental Library abstract-analytical sector, Moscow State University of Psychology
and Education, Moscow, Russia,
ninaflorova@yandex.ru*

Core Collection database of Web of Science resource investigated the poorly developed problem of addictive behaviour of children as a part of the ecological environment of modern childhood. In three clusters—"addictive child", "addiction", "ecological environment of childhood", (as conditional information data groups), scientific-metric space indices were analyzed, namely — citation and content of full-text publications. We identified the leading trends of research works. They show that the addiction component becomes increasingly important in ecological construct of childhood environment.

Keywords: child, addiction, addictiveness, life environment, ecology of childhood, addictive behavior, psychology and medicine, scientific knowledge.

REFERENCES

1. Sovremennye problemy genetiki zavisimosti ot psikoaktivnykh veshchestv [Modern problems of genetics of substance dependence] / Anokhina I.P., [et al.]. *Narkologiya* [Narcology], 2004, no. 6, pp. 71–77. (In Russ.).
2. A national school-based health lifestyles interventions among Chinese children and adolescents against obesity: rationale, design and methodology of a randomized controlled trial in China [Electronic resource]. Y. Chen, [et al.]. *BioMedCentral (BMC) Public Health*, 2015, vol. 15, no. 210. doi 10.1186/s12889-015-1516-9
3. An ecological stance on risk and safe behaviors in children: The role of affordances and emergent behaviors [Electronic resource]. Cordovil R., [et al.]. *New Ideas in Psychology*, 2015, vol. 36, pp. 50-59. doi: 10.1016/j.newideapsych.2014.10.007
4. An ecological approach to exploring rural food access and active living for families with preschoolers [Electronic resource]. B. Buro, [et al.]. *Journal of Nutrition Education and Behavior*, 2015, vol. 47, no. 6, pp. 548-555. doi:10.1016/j.jneb.2015.08.020
5. Association of Comorbid Psychopathology With the Duration of Cannabis Use Disorders [Electronic resource]. R.F. Farmer, [et al.]. *Psychology of Addictive Behaviors of American Psychological Association*, 2016, vol. 30, no. 1, pp. 82–92. doi: 10.1037/adb0000151
6. Chau-kiu Cheung, Xiao Dong Yue, Dennis Sing-wing Wong. Addictive Internet use and parenting patterns among secondary school students in Guangzhou and Hong Kong [Electronic resource]. *Journal of Child and Family Studies*, 2015, vol. 24, no. 8, pp. 2301–2309. Springer. doi: 10.1007/s10826-014-0033-2
7. Clinical Practice Policy in Protect Children From Tobacco, Nicotine and Tobacco Smoke. Section on Tobacco Control [Electronic resource]. *PEDIATRICS*, 2015, vol. 136, no. 5. doi: 10.1542/peds.2015-3108
8. Corticosteroid receptor genes and childhood neglect influence susceptibility to crack/cocaine addiction and response to detoxification treatment [Electronic resource]. D.L. Rovar, [et al.]. *Journal of Psychiatric Research*, 2015, vol. 68, pp. 83–90. doi:10.1016/j.jpsychires.2015.06.008
9. Effects of adverse childhood experiences on the association between intranasal oxytocin and social stress reactivity among individuals with cocaine dependence [Electronic resource]. J.C. Flanagan, [et al.]. *Psychiatry Research*, 2015, vol. 229, No. 1–2, pp. 94–100. doi: 10.1016/j.psychres.2015.07.064
10. Interventions to Reduce Harm from Smoking with Families in Infancy and Early Childhood: A Systematic Review [Electronic resource]. N. Brown, [et al.]. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2015, vol. 12, no. 3, pp. 3091–3119. doi:10.3390/ijerph120303091
11. Lamy S, Laqueille X., Thibaut F. Conséquences potentielles de la consommation de tabac, de cannabis et de cocaïne par la femme enceinte sur la grossesse, le nouveau-né et l'enfant: revue de littérature [Electronic resource]. *L'Encéphale*, 2015, vol. 41, Supplement 1, pp. S13–S20. doi:10.1016/j.encep.2014.08.012
12. Monoacylglycerol Lipase (MGLL) Polymorphism rs604300 Interacts With Childhood Adversity to Predict Cannabis Dependence Symptoms and Amygdala Habituation: Evidence From an Endocannabinoid System-Level Analysis [Electronic resource]. C.E. Carey, [et al.]. *Journal of Abnormal Psychology*, 2015, vol. 124, no. 4, pp. 860–877. doi: 10.1037/abn0000079
13. Personality Measured in Elementary School Predicts Middle School Addictive Behavior Involvement [Electronic resource]. L. Guller, [et al.]. *Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment*, 2015, vol. 37, no. 3, pp. 523–532. doi 10.1007/s10862-014-9474-6

14. Precocious Initiation into Smoking, Alcohol Use, and Gambling among Children with Conduct Problems / Dйbut Prйcoce Du Tabagisme, De la Consommation D'alcool et Du Jeu Chez Les Enfants Ayant Des Problemes De Conduite [Electronic resource]. C.E. Temcheff [et al.]. *Canadian Journal of Psychiatry*, 2016, vol. 61, no. 1, pp. 50–58.
15. Predictors of Children's Subjective Well-Being in Rural Communities of the United States [Electronic resource]. L.A. Newland, [et al.]. *Child Ind Res*, 2015, vol. 8, no. 1, pp. 177–198. doi 10.1007/s12187-014-9287-x
16. Socio-Cultural Context and Bullying Others in Childhood [Электронный ресурс]. С. Morcillo, [et al.]. *Journal of Child and Family Studies*, 2015, vol. 24, no. 8, pp. 2241–2249. doi: 10.1007/s10826-014-0026-1
17. Sung Man Bae. The relationships between perceived parenting style, learning motivation, friendship satisfaction, and the addictive use of smartphones with elementary school students of South Korea: Using multivariate latent growth modeling [Electronic resource]. *School Psychology International*, 2015, vol. 36, no. 5. pp. 513–531. doi: 10.1177/0143034315604017
18. The Accumbocfrontal Tract: Diffusion Tensor Imaging Characterization and Developmental Change from Childhood to Adulthood [Electronic resource]. K.H. Karlsgodt, [et al.]. *Human Brain Mapping*, 2015, vol. 36, no. 12, pp. 4954–4963. doi: 10.1002/hbm.22989
19. Thomson K.C. Schonert-Reichl K.A., Oberle E. Optimism in Early Adolescence: Relations to Individual Characteristics and Ecological Assets in Families, Schools, and Neighborhoods [Electronic resource]. *Journal of Happiness Study*, 2015, vol. 16, no. 4, pp. 889–913. DOI 10.1007/s10902-014-9539-y
20. Tikhonov M.N., Bogoslovskii M.M. Internet Addiction Factors [Electronic resource]. *Automatic Documentation and Mathematical Linguistics*, 2015, vol. 49, no. 3, pp. 96–102. Available at: <http://link.springer.com/article/10.3103/S0005105515030073> (Assecced 02.06.2016)
21. Understanding Early Contextual and Parental Risk Factors for the Development of Limited Prosocial Emotions [Electronic resource]. R. Waller, [et al.]. *Journal of Abnormal Child Psychology*, 2015, vol. 43, no. 6, pp. 1025–1039. doi 10.1007/s10802-014-9965-7
22. Wardell J.D., Strang N.M., Hendershot C.S. Negative urgency mediates the relationship between childhood maltreatment and problems with alcohol and cannabis in late adolescence [Electronic resource]. *Addictive Behaviors*, 2016, vol. 56, pp. 1–7. doi:10.1016/j.addbeh.2016.01.003
23. Qvortrup J. Diversity's Temptation – and Hazards'. *Childhood and Youth': Conference: 8–19 July 2008*. Centre for the Study of Childhood and Youth, University of Sheffield. Sheffield: University of Sheffield. 2008, pp. 1–9.

Ролевое экспериментирование как составляющая современной подростковой культуры

Рубцова О.В.,

кандидат психологических наук, доцент кафедры возрастной психологии факультета психологии образования, руководитель Центра междисциплинарных исследований современного детства, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, ovrubsova@mail.ru

Статья посвящена феномену ролевого экспериментирования как важнейшей составляющей современной подростковой культуры. Рассматриваются основные направления зарубежных ролевых теорий. Обсуждаются подходы к трактовке понятия «роль» в зарубежной и отечественной психологии. Предпринята попытка посмотреть на подростковую игру как на форму реализации ролевого экспериментирования. Приведены примеры психолого-педагогических исследований, посвященных различным аспектам ролевого экспериментирования как средства развития и социализации современных подростков.

Ключевые слова: подростковый возраст, роль, ролевое экспериментирование, ролевое переживание, подростковая игра.

Для цитаты:

Рубцова О.В. Ролевое экспериментирование как составляющая современной подростковой культуры [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2016. Том 5. № 2. С. 24–30. doi: 10.17759/jmfp.2016050203

For citation:

Rubtsova O.V. Role experimentation as a part of contemporary teenage culture [Elektronnyi resurs]. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 2016, vol. 5, no. 2, pp. 24–30. doi: 10.17759/jmfp.2016050203 (In Russ., Abstr. in Engl.).

Введение

Среди исследователей подросткового возраста все чаще звучит мнение о том, что многое из описанного психологами несколько десятилетий назад часто оказывается неактуальным, а порой и вовсе не применимым к современным подросткам. Современное подростничество развивается в цифровую эпоху, характеризующуюся не просто новыми средствами связи, но принципиально иными видами культурных орудий и формами опосредования, которые определяют особенности социального взаимодействия, а, следовательно, и специфику развития различных психических процессов. В этой связи необходимым представляется изучение подросткового возраста во всей полноте современного культурно-исторического контекста, что предполагает поиск таких инструментов анализа, которые бы позволяли разрабатывать представление о подростничестве в свете новых реалий. На наш взгляд, интересный ракурс может быть найден в рамках целого ряда ролевых концепций, рассматривающих различные аспекты развития в контексте ролевого самоопределения (ролевой идентификации). В настоящей статье мы обратимся к некоторым из них и попробуем посмотреть на современное подростничество через призму таких понятий, как роль, ролевое экспериментирование, ролевое переживание и игра.

Проблема роли в свете разных концепций

Подавляющее большинство ролевых концепций зародились в зарубежных научных школах (М. Вебер, Ч. Гордон, Н. Гросс, Г. Зиммель, Г. Келли, Р. Линтон, Дж. Мид, Р. Мертон, Я. Морено, Т. Парсонс,

Р. Ромметвейт, Т. Сарбин, Э. Эриксон). Как отмечает Дж. Хейс, из всего многообразия существующих подходов можно выделить как минимум два основных типа ролевых теорий: структуралистские и интеракционистские [14]. Первые исходят преимущественно из социологического понимания ролевого поведения, рассматривая его объективные проявления (Р. Линтон, Р. Мертон, Т. Парсонс). В фокусе вторых оказываются субъективные, или личностные аспекты ролевого поведения, в т.ч. особенности социально-психологических механизмов и закономерностей восприятия и исполнения индивидом различных ролей (Дж. Мид, Г. Блумер, Т. Шибутани).

Структуралистские ролевые теории опираются, в первую очередь, на идеи социального антрополога Р. Линтона, предложившего так называемую статусно-ролевою концепцию, центральными понятиями которой являются «статус» и «роль». Статус в концепции Р. Линтона обозначает то место, которое индивид занимает в системе социальных отношений, а роль, которую автор определяет как «динамический аспект статуса», используется им для описания различных культурных образцов поведения, связанных с определенным статусом, и усваиваемых индивидом по мере его социализации. В структуралистских ролевых теориях роль рассматривается как часть социальной реальности, изначально данной индивиду и являющейся репрезентацией социальной структуры. В свою очередь, личность выступает как функция от совокупности тех социальных ролей, которые индивид исполняет в обществе [16].

Интеракционистские ролевые концепции восходят к теории символического интеракционизма Дж. Мида,

который первым использовал термин «роль» для объяснения акта взаимодействия индивидов в процессе речевой коммуникации. Сторонники данного направления уделяют отдельной личности значительно больше внимания, чем структуралисты. Они рассматривают роль не только как социальный, но и как психологический механизм, благодаря которому становится возможным взаимопонимание и успешная коммуникация между людьми [17].

В отечественной психологии ролевая проблематика долгое время оставалась без внимания. Интерес к ролевым подходам проснулся лишь в 60–70-е годы прошлого века, причем отношение к самой идее социальных ролей у многих исследователей было резко отрицательным. Как отмечает П.В. Носов, «некоторые отечественные ученые либо не до конца понимали смысл самой концепции, либо ее намеренно искажали, приписывая ей черты, которые на самом деле ей ни в коей мере не присущи. Примером такого однобокого и, в конечном счете, неверного истолкования доктрины социальных ролей является утверждение, что социальные роли – это лицемерные маски, которые намеренно и осознанно одевают люди-актеры, тем самым пряча и ломая собственную личность» [5, с. 10–11]. Несмотря на то, что такая трактовка весьма далека от реального содержания ролевых концепций, негативное отношение к этим подходам долгое время господствовало и в определенной степени до сих пор проследивается в отечественной науке.

Сегодня в российской психологии по-прежнему преобладает социологическое понимание роли, а ролевое поведение крайне редко трактуется как проявление личности [2; 3]. Так, само понятие «роль» наиболее часто используется социологами или социальными психологами, рассматривающими роль преимущественно как социальную функцию. Данная трактовка сводит роль исключительно к социально заданному образцу («паттерну»), который индивид воспроизводит в процессе взаимодействия с окружающими, меняя «паттерны» при переходе из одной социальной ситуации другую. Очевидно, что такой односторонний взгляд полностью оставляет в стороне любые личностные характеристики исполняемой роли – получается, что между личностью и ее ролями образуется как бы некий разрыв, вакуум.

Мы принципиально не согласны с таким подходом и, разделяя позицию целого ряда исследователей (А. Басс, С.Р. Бриггс, А.С. Макэ, С. Страйкер), считаем, что ролевое поведение всегда является **лично детерминированным**. Именно потому вслед за П.П. Горностаем мы предпочитаем термину «социальная роль» понятие «психологической роли», которая предполагает наличие тесной взаимосвязи между культурно закрепленным ролевым «паттерном» и специфическими особенностями каждого индивида. Психологические роли «тесно связаны с глубинной структурой личности человека и являются по сути одними из форм ее бытия» [2, с. 45]. При таком понимании роли предполагается, что любой социально

заданный образец ролевого поведения не может быть механически «освоен» – он будет обязательно «преломляться» через призму личностных особенностей человека, его индивидуальность. Таким образом, психологическая роль обозначает место встречи индивидуального и социального, личностного и общественного, и она задает принципиально иной ракурс для анализа этого сложного взаимодействия. Подлинное проникновение в сущность ролевого самоопределения возможно лишь путем тесного связывания субъективных аспектов ролевого поведения с объективными общественными отношениями что, на наш взгляд, является особенно актуальным в наиболее сензитивный период ролевого самоопределения – подростничестве.

Ролевое экспериментирование и подростковая игра

Пожалуй, самым известным автором, обратившимся к проблеме роли в контексте подростничества, остается Э. Эриксон. Именно Эриксон ввел в научный обиход понятие ролевой идентичности, которую он рассматривал в качестве важной составляющей чувства идентичности, имеющей истоки в детской «антиципации ролей». Согласно концепции Э. Эриксона, в подростковом возрасте параметр связи с окружающими колеблется между положительным полюсом идентификации «Я» и отрицательным полюсом путаницы ролей (ролевой диффузии). Ролевая спутанность мешает становлению идентичности человека, и потому основной задачей подросткового возраста и является ее преодоление [10]. В центре концепции Э. Эриксона стоит ролевая самоидентификация – т.е. позиционирование подростка в системе социальных ролей и ролевых отношений. Реализация данной возрастной задачи невозможна без осуществления подростками того, что можно обозначить термином **«ролевая проба»** или **«ролевое экспериментирование»**, заключающиеся в проигрывании подростком различных образцов ролевого взаимодействия, существующих в его культуре. Такое «опробование» является важнейшей составляющей процесса ролевой самоидентификации и тесным образом связано со становлением личности субъекта, развитием его самосознания.

Можно предположить, что в основе ролевого экспериментирования подростков лежит мотив удовлетворения потребности в **ролевом переживании**. П.П. Горностай рассматривает ролевое переживание как «потребность в новом чувственном опыте, получаемом личностью в процессе исполнения ролей (не только реальных, но и воображаемых, а также искусственно моделируемых – театральных, психодраматических и тому подобное) и в процессе творческого самовыражения. Ролевое переживание включает в себя гораздо больше положительных эмоциональных компонентов, чем отрицательных, а поэтому, являясь столь притягательным для личности (в отдельных случаях оно поднимается до уровня духовного наслаждения, в

других – выступает как очищающий катарсис), оно является эффективным средством формирования личности» [3, с. 18].

На наш взгляд, потребность в ролевом переживании в подростковом возрасте приобретает характер острой необходимости, что легко объясняет стремление подростков опробовать себя как можно в большем количестве разнообразных образов и ролей (спортсмен, игрок, лидер и др.). Как отмечает А.М. Прихожан, «ролевое экспериментирование буквально пронизывает всю жизнь подростка – от «поиска границ допустимого поведения» до постановки и виртуального решения смысложизненных задач. Последнее наиболее часто проявляется в мысленном «проигрывании» будущих профессиональных и личностных ролей» [7]. Логично, что важнейшей возрастной задачей подросткового возраста становится поиск того, что К.Н. Поливанова называет пространством «пробности» [6] – пространства, где подросток мог бы экспериментировать, причем в первую очередь – с ролями и образами. В большинстве случаев таким пространством для подростка становится **игра**.

На сегодняшний день отечественная психолого-педагогическая наука отводит игровой деятельности весьма второстепенную роль в развитии и социализации подростков. Большинство отечественных авторов придерживаются точки зрения, что к подростковому возрасту игра утрачивает свое специфическое значение, уступая место другим видам деятельности [8]. Действительно, в подростковом возрасте игра уже по определению не может выполнять те функции, которые она выполняет в психическом развитии детей более младших возрастов, поскольку речь идет о принципиально новом уровне развития, иных новообразованиях и иных потребностях. Однако, если считать, что к наступлению подросткового возраста игровая деятельность «исчерпывает» свои возможности, то как объяснить тот факт, что значительная (если не большая) часть увлечений и занятий подростков, которым они посвящают свободное время, имеет характер игры? Здесь правомерно говорить, прежде всего, о различных видах компьютерных игр, которые буквально «захватывают» подростковую аудиторию из разных континентов и стран, и которым подростки с каждым годом посвящают все больше свободного времени. Здесь же необходимо вспомнить о спортивных, настольных, интеллектуальных играх подростков, о растущей популярности разнообразных ролевых движений, активность которых чаще всего принимает форму театрализованного действия и/или игры (толкенисты и др.). Нельзя не упомянуть и о социальных сетях, важнейшим элементом которых является экспериментирование с различными способами самопрезентации в виртуальной реальности.

По сути, все формы подросткового досуга имеют те или иные признаки, свойственные игре, что, по мнению ряда авторов, позволяет говорить об игровой сущности подростковой субкультуры в целом. Так,

В.В. Абросимов, например, указывает на то обстоятельство, что для молодежной субкультуры не просто характерен игровой элемент, но что в основе ее в принципе лежит игровая природа. По мнению автора, «в молодежной субкультуре нередко слияние границ между игрой и деятельностью, что проявляется в театрализации, артизации, «карнавальности», импровизированности жизни» [1, с. 25]. Таким образом, общепринятое в психологической науке представление о том, что игра в подростковом возрасте отходит на второй план, резко контрастирует с реальной практикой подростковой жизни. Как отмечает А.М. Прихожан, контрастирует оно и с эффективным педагогическим опытом, в котором именно игра оказывается в центре жизни старших подростков [7].

Можно предположить, что привлекательность игровой ситуации для подростков обусловлена ее вариативностью: по своей сути, игра всегда является экспериментом, в ходе которого участник игрового процесса постоянно попадает в ситуацию выбора, от которого зависит дальнейшее развитие и исход игры – К.Ф. Ибашян называет это активной формой экспериментального поведения [4]. Любая ситуация, возникающая в процессе игрового взаимодействия, вариативна в силу неповторимости условий ее реализации, что предполагает возникновение объективной необходимости в саморегуляции действий, т.е. в регуляции на основе образа ситуации, условий действия. Таким образом, подростковую игру правомерно рассматривать в качестве возможной формы реализации ролевого экспериментирования.

Актуальным, в этой связи, представляется изучение различных аспектов ролевого экспериментирования в контексте развития и социализации современных подростков.

Ролевое экспериментирование в психолого-педагогических исследованиях: проблемы и перспективы

В течение нескольких лет нами ведется работа по изучению особенностей ролевого экспериментирования подростков и юношей в различных социо-культурных контекстах.

В 2012 году нами была защищена кандидатская диссертация на тему: «Преодоление внутреннего ролевого конфликта у старших подростков посредством сюжетно-ролевой игры». В работе было показано, что специально организованные игры, включающие возможность для экспериментирования с различными видами игровых ролей, могут стать эффективным средством развития и обучения подростков, а также способствовать преодолению ими внутренних противоречий и конфликтов [8].

В 2012–2014 гг. в рамках международного исследовательского проекта «Global Perspectives on Learning and Development with Digital Video-Editing Media: A Qualitative Inquiry in Everyday Lives of Marginalized

Young People», проходившего под эгидой программы «Marie Curie Actions»¹ при участии исследовательских групп из России, Бразилии, Великобритании, Германии, Греции, Индии и Нидерландов, нами была предпринята попытка рассмотреть особенности ролевого экспериментирования в условиях применения цифровых технологий. На примере съемок автобиографического фильма студентом с ОВЗ было показано, что ролевое экспериментирование может способствовать развитию рефлексии [18].

В 2014–2015 гг. в совместной работе с Л.Б. Кривошеевой нами были рассмотрены возможности применения ролевого экспериментирования при организации проектной деятельности подростков. Было показано, что ролевое экспериментирование позволяет превратить учебную проблему в личностно значимую для подростка задачу и обе-

щает его эмоциональную вовлеченность в процесс обучения [9].

В 2015 г. в рамках исследовательского проекта «Being Other: the Effectiveness of Arts-based Approaches in Engaging with Disaffected Young People», проводившегося факультетом Образования Оксфордского Университета Великобритании, в составе исследовательской группы под руководством профессора Г. Дэниелса нами были рассмотрены возможности применения ролевых игр как средства социализации детей и подростков, оказавшихся в сложной жизненной ситуации и/или потерявших интерес к обучению. В результате исследования было показано, что специально организованные ролевые игры создают условия для повышения учебной мотивации, позволяют развивать коммуникативно-рефлексивные навыки и способствуют социализации подростков [11].

Работа выполнена при финансовой поддержке Marie Curie International Research Staff Exchange Scheme Fellowship within the 7th European Community Framework Program (Project № 318909).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абросимов В.В.* Молодежные субкультуры в процессе развития и идентификации: Дис. канд. культуролог. наук. Краснодар, 2006. 150 с.
2. *Горностаев П.П.* Диагностика и коррекция ролевых конфликтов // Журнал практического психолога. 1999. № 1. С. 44–51.
3. *Горностаев П.П.* Личностные характеристики ролевого поведения // Вісник Харківського держ. університету. 1999. № 439. С. 18–22.
4. *Ибашян К.Ф.* Воспитание культуры общения подростков в сюжетно-ролевой игре: Дис. канд. пед. наук. СПб, 2007. 156 с.
5. *Носов П.В.* Социальные роли как фактор организации общественных отношений; Дис. канд. фил. наук. Москва, 2009. 150 с.
6. *Поливанова К.Н.* Кризисы психического развития: соотношение взрослого и детского действия. Педагогика и психология возрастных кризисов // Сборник науч. ст. по материалам 7-й науч.-практ. конф. Красноярск: КГУ, 2000. 227с.
7. *Прихожан А.М.* К проблеме подростковой игры // Вестник. РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2015. № 4. С. 37–46.
8. *Рубцова О.В.* Преодоление внутреннего ролевого конфликта у старших подростков посредством сюжетно-ролевой игры: Дис. канд. психол. наук. М., 2012. 119 с.
9. *Рубцова О.В., Кривошеева Л.Б.* Проектирование как способ организации учебной деятельности подростков (на примере технического моделирования) // Психологическая наука и образование. 2015. Том 20. № 3. С. 133–146.
10. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М.: Флинта, 2006. 352 с.
11. Being Other: the Effectiveness of Arts-based Approaches in Engaging with Disaffected Young People (report) / A. Tawell, [et al.]. University of Oxford, Department of Education, 2015. 39 p.
12. *Buss A.H., Briggs S.R.* Drama and the self in social interaction // Journal of Personality and Social Psychology. 1984. Vol. 47. № 6. P. 1310–1324. doi: 10.1037/0022-3514.47.6.1310
13. *Daniels H., Downes E.* Identity and creativity [Электронный ресурс]: The transformative potential of drama lessons // Journal of Modern Foreign Psychology. 2014. Vol. 3. № 2. P. 41–71. URL: <http://psyjournals.ru/jmfp/2014/n2/70106.shtml> (дата обращения: 07.06.2016).

¹ Полученные данные свидетельствуют об исключительном потенциале ролевого экспериментирования в контексте обучения, развития и социализации современных подростков.

В то же время, необходимо отметить, что на сегодняшний день различные аспекты ролевого экспериментирования подростков остаются крайне мало изученными – в первую очередь, в отечественной психолого-педагогической науке. Сегодня в России ощущается острая необходимость в разработке и внедрении культурных средств, которые позволяли бы подросткам эффективно удовлетворять потребность в ролевом переживании. В этой связи особую актуальность представляют попытки создания специализированных пространств, где подростки могли бы в реальной жизни осуществлять «ролевую пробу». На наш взгляд, именно культурно организованная среда, предусматривающая возможности для реализации подростковой «пробы», может стать мощным ресурсом, помогающим современным подросткам в процессе их ролевого самоопределения и социализации.

14. *Heiss J.* Social roles. *Sociological Perspectives on Social Psychology*. N.Y., 1981. 776 p.
15. *Hughes J., Wilson K.* Playing a part: The impact of youth theatre on young people's personal and social development // *Research in Drama Education: The Journal of Applied Theatre and Performance*. 2004. Vol. 9. №. 1. P. 57–72. doi:10.1080/1356978042000185911
16. *Linton R.* *The Study of Man*. Oxford, England: Appleton-Century. 1936. 503 p.
17. *Mead G.H.* *Mind, Self, Society*. Chicago: University of Chicago Press, 1934. 400 p.
18. *Rubtsova O.V., Ulanova N.S.* Digital Media as a Means of Developing Reflection in Students with Disabilities: Cultural-Historical Perspective // *Tätigkeitstheorie: E-Journal for Activity Theoretical Research in Germany*. 2014. Vol. 12. № 1. P. 95–118.
19. *Stryker S., Macke A. S.* Status inconsistency and role conflict // *Annual Review of Sociology*. 1978. Vol. 4. P. 57–90. doi: 10.1146/annurev.so.04.080178.000421
20. *Wright P.R. and Rasmussen B.* Children and drama: Knowing differently // *Children's ways of knowing: Learning through experience* / [Eds.] M. Robertson, R. Gerber. Camberwell: ACER Press, 2001. P. 218–232.

Role experimentation as a part of contemporary teenage culture

Rubtsova O.V.,

*candidate of psychological sciences, associate professor, chair of developmental psychology Department of Psychology of Education, Head of the Center for Interdisciplinary Investigation of Contemporary Childhood, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia,
ovrubsova@mail.ru*

The article focuses on the phenomenon of role experimenting as an important component of contemporary adolescent culture. Main directions of foreign role theories are presented. Approaches to the interpretation of the concept of “role” in foreign and Russian psychology are discussed. An attempt is undertaken to analyze adolescent play as a possible form of role experimenting. Examples of psychological and educational research on various aspects of role experimenting as a means of development and socialization of contemporary adolescents are given.

Keywords: adolescence, role, role experimenting, role experience (“perezhivanie”), adolescent play.

This work was supported of Marie Curie International Research Staff Exchange Scheme Fellowship within the 7th European Community Framework Program (Project № 318909).

REFERENCES

1. Abrosimov V.V. Molodezhnye subkul'tury v protsesse razvitiya i identifikatsii [Youth subcultures in the development and identification]: Dis. kand. kul'turolog. nauk. Krasnodar, 2006, 150 p. (In Russ.).
2. Gornostai P.P. Diagnostika i korrektsiya rolevykh konfliktov [Diagnostics and correction of role conflicts]. *Zhurnal prakticheskogo psikhologa [Journal of Practical Psychology]*, 1999, no. 1, pp. 44–51. (In Russ.).
3. Gornostai P.P. Lichnostnye kharakteristiki rolevogo povedeniya [Personal characteristics of role behavior]. *Visnik Kharkivs'kogo derzh. Universitetu [News Harkivskogo keep. universitetu]*, 1999, no. 439, pp. 18–22.
4. Ibashyan K.F. Vospitanie kul'tury obshcheniya podrostkov v syuzhetno-rolevoi igre [Education of culture of dialogue of teenagers in the plot-role-playing game]: Dis. kand. ped. nauk SPb, 2007, 156 p. (In Russ.).
5. Nosov P.V. Sotsial'nye roli kak faktor organizatsii obshchestvennykh otnoshenii [Social role as a factor in the organization of social relations]: Dis. kand. fil. nauk. Moscow, 2009, 150 p. (In Russ.).
6. Polivanova K.N. Krizisy psikhicheskogo razvitiya: sootnoshenie vzroslogo i detskogo deistviya. Pedagogika i psikhologiya vozrastnykh krizisov [The crises of mental development: the ratio of adult and children's activities. Pedagogy and Psychology of age crises]. *Sbornik nauch. st.po materialam 7-i nauchn.-prakt. konf. [Collected articles on materials of the 7th scientific conference]*, Krasnoyarsk: KGU, 2000, 227p. (In Russ.).
7. Prikhozhan A.M. K probleme podrostkovoi igry [On the problem of teenage games]. *Vestnik. RGGU [Herald. RSUH]. Seriya «Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie»*, 2015, no. 4, pp. 37–46. (In Russ., abstr. in Engl.)
8. Rubtsova O.V. Preodolenie vnutrennego rolevogo konflikta u starshikh podrostkov posredstvom syuzhetno-rolevoi igry [Overcoming internal role conflict at the senior teenagers by means of the plot-role-playing games]: Dis. ... kand. psi- khol. Nauk. Moscow, 2012, 119 p. (In Russ.).
9. Rubtsova O.V., Krivosheeva L.B. Proektirovanie kak sposob organizatsii uchebnoi deyatel'nosti podrostkov (na primere tekhnicheskogo modelirovaniya) [Design as a way of organizing educational activity of teenagers (on technical modeling example)]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education]*, 2015, vol. 20, no. 3, pp. 133–146. (In Russ., abstr. in Engl.)
10. Erikson E. Identichnost': yunost' i krizis [Identity: Youth and Crisis]. M.: Flinta, 2006, 352 p.
11. Being Other: the Effectiveness of Arts-based Approaches in Engaging with Disaffected Young People (report). A. Tawell, [et al.]. University of Oxford, Department of Education, 2015, 39 p.
12. Buss A.H., Briggs S.R. Drama and the self in social interaction. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1984, vol. 47, no 6, pp. 1310–1324. doi: 10.1037/0022-3514.47.6.1310
13. Daniels H., Downes E. Identity and creativity [Electronic resource]: The transformative potential of drama lessons. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 2014, t. 3, no. 2, pp. 41–71. Available at: <http://psyjournals.ru/jmfp/2014/n2/70106.shtml> (Accessed: 07.06.2016).
14. Heiss J. Social roles. *Sociological Perspectives on Social Psychology*. N.Y., 1981, 776 p.
15. Hughes J, Wilson K. Playing a part: The impact of youth theatre on young people's personal and social development. *Research in Drama Education: The Journal of Applied Theatre and Performance*, 2004, vol. 9, iss. 1, pp.57–72. doi:10.1080/1356978042000185911
16. Linton R. *The Study of Man*. Oxford, England: Appleton-Century. 1936. 503 p.

-
17. Mead G.H. *Mind, Self, Society*. Chicago: University of Chicago Press, 1934. 400 p.
18. Rubtsova O.V., Ulanova N.S. Digital Media as a Means of Developing Reflection in Students with Disabilities: Cultural-Historical Perspective. *Tätigkeitstheorie: E-Journal for Activity Theoretical Research in Germany*, 2014, vol. 12, no. 1, pp. 95–118.
19. Stryker S., Macke A.S. Status inconsistency and role conflict. *Annual Review of Sociology*, 1978, vol. 4, pp. 57–90. doi: 10.1146/annurev.so.04.080178.000421
20. Wright P.R. and Rasmussen B. Children and drama: Knowing differently. *Children's ways of knowing: Learning through experience*. M. Robertson, R. Gerber, [eds.] Camberwell: ACER Press, 2001, pp. 218–232.

Перспективы современных подростков в контексте жизненной траектории

Бочавер А.А.,

*научный сотрудник Центра исследований современного детства, Институт образования, НИУ ВШЭ,
Москва, Россия
a-bochaver@yandex.ru*

Жилинская А.В.,

*кандидат психологических наук, преподаватель факультета социальных наук, Департамент психологии,
НИУ ВШЭ, Москва, Россия,
alisez@yandex.ru*

Хломов К.Д.,

*кандидат психологических наук, руководитель направления по работе с подростками «Перекресток»
Городского психолого-педагогического центра Департамента образования г. Москвы, Москва, Россия,
kyrill@rambler.ru*

В статье рассматривается динамика теоретических и прикладных представлений о подростковом периоде с точки зрения выстраивания индивидуальной траектории в этом возрасте. Обсуждаются размывание границ подросткового возраста, откладывание жизненных выборов и затрудненный процесс сепарации от родителей как тренды современного проживания подросткового периода. Анализируются особенности современного общества (транзитивность и ее следствия), затрудняющие проектирование жизненного пути и способствующие тому, что стратегическое мышление в этой области сменяется тактическим. Рассматривается роль семьи, в частности, культура обсуждения будущего, с точки зрения вклада в поддержку проектирования жизненной траектории подростком.

Ключевые слова: подростковый возраст, жизненная траектория, образ будущего, сопровождение подросткового возраста.

Для цитаты:

Бочавер А.А., Жилинская А.В., Хломов К.Д. Перспективы современных подростков в контексте жизненной траектории [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2016. Том 5. № 2. С. 31–38. doi: 10.17759/jmfp.2016050204

For citation:

Bochaver A.A., Zhilinskaya A.V., Khlomov K.D. Prospects of modern adolescents in the context of life trajectory [Elektronnyi resurs]. Journal of Modern Foreign Psychology, 2016, vol. 5, no. 2. pp. 31–38. doi: 10.17759/jmfp.2016050204 (In Russ., Abstr. in Engl.).

В различных концепциях возрастного развития подчеркивается значимость формирования образа будущего в подростковом возрасте. Говорится о задачах самоопределения, развитии идентичности, профессиональной ориентации, выстраивании жизненной перспективы и т.п. Однако реализация этих задач в подростковом периоде остается мало изученной. Более того, судя по всему, с течением времени наблюдается динамика откладывания как формирования представлений о себе в будущем, так и срока принятия конкретных решений. Британская психолог L. Antrobus предлагает продлить подростковый возраст до 24 лет, поскольку к 18 годам люди перестали успевать решить задачи по переходу к взрослой жизни в современном западном обществе (приобрести ясный образ себя и стабильную самооценку, завершить сепарацию от родителей, пережить шторм гормональной перестройки и стать эмоционально зрелыми) [21].

Очевидно, это связано с социальными процессами. Задача профессионального самоопределения и построения индивидуальной жизненной траектории

по-прежнему актуальна для подростка, но в современном мире она отягощена неопределенностью окружающей среды. Количество возможных способов прожить свою жизнь, о которых становится известно подростку, возрастает; информация более доступна и открыта; однако подростковый возраст длится дольше. Подростки тяготеют к эскапизму и откладыванию значимых решений. Родителям также сложно оказать им поддержку в принятии эффективного решения и осуществлении планирования, поскольку непредсказуемость развития общества, стремительное устаревание профессий, извилистость большинства профессиональных траекторий делает задачу выбора образовательного пути имеющей непонятный срок действия и в неизвестной степени оторванной от дальнейшей профессиональной реализации.

В классических работах подростковый возраст рассматривается как переходный период между детством и взрослостью, своеобразный «мостик», по которому человек должен пройти, чтобы попасть из мира детей в мир взрослых. Соответственно, задачей подросткового

возраста является подготовка ко взрослому функционированию — в это время приобретаются нужные навыки, осваиваются соответствующие функции, зреют физиологические структуры и т.п. С течением времени теории подросткового возраста изменяются вслед за меняющимся обществом и акцентирует разные особенности этого периода.

По Д.Б. Эльконину, индикатором наступления подросткового возраста является появление чувства взрослости, а основным новообразованием — самосознание [12; 8; 7]. Чувство взрослости и последующее взросление происходит по нескольким направлениям: у подростка возникает желание, чтобы взрослые относились к нему не как к маленькому, а как к взрослому; он стремится к самостоятельности и хочет оградить некоторые сферы своей жизни от вмешательства взрослых; у него появляется своя линия поведения, несмотря на несогласие со стороны взрослых или друзей; он раздражает внешним проявлениям взрослых; он ориентирован на качества взрослого; взрослый является образцом деятельности; он достигает интеллектуальной взрослости.

На протяжении подросткового возраста у ребенка меняются отношения со сверстниками и со взрослыми, меняется отношение к учебе и резко повышается степень самостоятельности, интимно-личностное общение приобретает статус ведущей деятельности [12].

В соответствии с классической теорией Эрика Эриксона, задачей подросткового возраста является формирование идентичности; в случае неуспешного решения задачи человек остается по прошествии 18 лет с диффузной, спутанной идентичностью, неинтегрированность которой влияет на дальнейшее течение жизни, решение следующих задач и преодоление вызовов [13]. Роберт Хэвигхерст, в 1960-х–1970-х годах комментируя концепцию Эриксона, пишет о том, что довоенное время сильно отличалось от послевоенного по тому, какой вклад вносит профессионализация в развитие идентичности, особенно у мужчин. Развитие промышленности, конвейеры и разнообразные новые технологии производства лишили работников переживания чувства уникальности и снизили моральное значение труда для личности, в связи с чем уже в 1970-х годах, по мнению Хэвигхерста, его окружало большое количество людей с диффузной идентичностью, и профессиональная определенность перестала быть достаточной для успешного формирования идентичности.

В своей периодизации, характеризующей возрастные задачи развития личности, Хэвигхерст перечисляет в качестве задач подросткового возраста (12–18 лет) следующие компоненты: достижение новых и более зрелых отношений со сверстниками обоего пола; освоение маскулинной или фемининной социальной роли; принятие и эффективное использование собственного тела; достижение эмоциональной независимости от родителей и других взрослых; подготовка к женитьбе и семейной жизни; подготовка к самостоятельному заработку; выстраивание системы ценностей и этической

системы, как руководства к поведению, идеологии; освоение социально ответственного поведения [17].

Таким образом, развитие движется по нескольким направлениям, и подростковый возраст предстает в большей многогранности.

Роджер Гулд в своей теории развития говорит о преодолении ряда ошибочных суждений по мере продвижения человека от детства (когда жизнь протекает как бы вне времени, а будущее воспринимается фантастическим) к все большему отделению от родителей, когда будущее становится все более определенным. Трансформация детского сознания в рациональное взрослое происходит через корректировку ошибочных суждений относительно себя и мира, и для возраста 15–25 лет ключевое суждение звучит следующим образом: «Я всегда буду принадлежать своим родителям и верить в их мир». Оно складывается из нескольких компонентов, характеризующих разные аспекты скрытого страха не справиться с сепарацией: «Если я буду более независимым, я буду несчастным»; «Я могу видеть мир только через призму суждений моих родителей»; «Только родители могут гарантировать мне безопасность»; «Они должны быть моей единственной семьей»; «Мое тело не принадлежит мне» [20].

Страхи, связанные с потерей родительской любви и разрушением отношений, с уменьшением сходства со своей первой референтной группой — родительской семьей, с возможностью не обеспечить себе переживаемой в детстве абсолютной безопасности, постепенно преодолеваются через понимание иллюзорности абсолютной защищенности, переживаемой в детстве, и принятие идеи о том, что друзья могут быть столь же или более значимы, чем родители.

Опыт выстраивания отношений — дружеских, романтических, сексуальных (которые делают человека хозяином своего тела) позволяет перейти от тесной детской связи с родителями к более зрелым и дистанцированным отношениям, подразумевающим большую самостоятельность.

Таким образом, здесь на первый план выходит задача сепарации от родителей и преодоления страхов, связанных с повышением своей независимости и самостоятельности.

С течением времени повседневность подростковой жизни меняется, и психологические содержания этого периода также претерпевают изменения. Транзитивность общества, высокий уровень неопределенности повышает тревогу среди взрослых и опосредованно среди детей. По мнению практикующих психологов Л.А. Назаровой, О.А. Сквычевой, Н.Г. Инсаровой, для современных семей характерны тенденции *исключения ребенка из решения бытовых задач и приоритета учебы над другими сферами*, в связи с чем вместо развития навыков разрешения бытовых трудностей, таких, как перегоревшая лампочка или отсутствие готовой еды, у ребенка формируется реакция беспомощности на бытовой дискомфорт, а у родителей под влиянием множественных социально под-

держиваемых дискуссий о «правильном родителстве» развивается почти повсеместное сомнение относительно себя как хороших родителей [1], что в совокупности работает на замедление процесса сепарации и усиление тревоги ребенка за себя и за родителей.

Как пишет L. Crockett со ссылками на Р. Бенедикт и Р. Хевигхерста, «...Как переход от детства к взрослости, подростковый возраст тесно привязан к структуре взрослого общества, и ожидания от юношества в течение этого периода отражают, по важным параметрам, навыки и качества, которые представляются важными для успеха во взрослых ролях» [15, с. 23].

Сейчас требования общества ко взрослому человеку достаточно размыты; представляется, что основная черта, которая безусловно востребована – это гибкость, возможность адаптироваться к изменяющимся условиям.

В транзитивном обществе формы и модели взросления предельно диверсифицируются [9]. Появляется понятие «кидалт»: *kidult* – сокращение от англ. *kid* – ребенок и *adult* – взрослый; это взрослый человек, сохраняющий свои юношеские увлечения, «не спешащий взрослеть», инфантильный. Распространяется явление дауншифтинга. Тенденция рассматривать молодых людей, не социализированных в привычном значении слова (не проводящих время за учебой или работой, не обеспечивающих себя финансово, проживающих с родителями) как «самоопределяющихся», также усиливается.

J. Arnett в 2000-х годах вводит понятие «появляющейся (или становящейся) взрослости» (*Emerging adulthood*): это новый «вставной» возрастной период между 18 и 25 годами, характеризующийся частичной самостоятельностью при отсутствии собственных жилья и семьи, которому свойственна «роль без роли»: многочисленные виды деятельности при малом числе ролевых ограничений [Arnett].

В целом жизненная история как история целеполагания и целедостижения претерпевает существенные изменения, как в отношении подросткового, так и взрослого возраста.

И.А. Быкова и В.П. Серкин вводят понятия «сценарии отложенной жизни» и «неврозов отложенной жизни», обсуждая особенности жизненного планирования на примере северян, на протяжении десятилетий считающих, что пока они еще не живут настоящей жизнью: «“Настоящая жизнь”, по их мнению, начнется после того, когда они, накопив ресурсы (чаще всего – деньги и имущество) переедут в регионы с более благоприятными климатическими условиями и с более развитой инфраструктурой» [2, с. 138].

В качестве основных признаков сценария отложенной жизни эти авторы выделяют: наличие в будущем поворотного момента, превращающего жизнь из «подготовительной» в «настоящую»; данный поворотный момент приобретает для человека статус сверхценности; при сопоставлении «после поворотного момента» сильнее наполнена значимыми ценностями; будущее

не структурировано на период после осуществления сценария («тогда заживем»); жизнь и личные качества респондентов в будущем оцениваются выше, чем в прошлом и в настоящем; редко предпринимается обустройство и улучшение текущей жизни и др. [2].

В условиях множественности предложений со стороны среды и сложности сортировки, непредсказуемости исходов и нелинейности траекторий (образовательных, семейных и любых других) можно предполагать, что идентичность в привычном нам классическом понимании, возможно, у подростков не формируется, вместо нее развивается менее интегрированная, более множественная система временных и ситуативных «субидентичностей».

Современным подросткам и их семьям очень сложно спрогнозировать, как выбор образовательной траектории скажется на дальнейшем получении места работы и заработка. В результате они вынуждены заменять стратегию тактикой; принимаемые сознательно или «по умолчанию» решения оказывают понятное влияние на настоящее и ближайшее будущее подростка, но их отложенные эффекты неизвестны.

Из этого следует, что принимаемые решения имеют слабую прогностическую роль и принимаются преимущественно с опорой на настоящее и ближайшее будущее: это адаптация к высокому уровню неопределенности.

В качестве примера можно привести описание отрезка образовательного маршрута подростков – учеников московской школы – глазами классного руководителя.

М. перешел из другой школы в 9 классе. Базовых знаний у него не было. До выпуска в 11 классе он учился удовлетворительно и чуть хуже. Свободное время посвящал общению (прогулки, временами – выпивка и курение, и т.д.) со сверстниками обоих полов. Родители, общаясь с представителями школы, поддерживали сына, не предъявляли к нему требований по улучшению обучаемости. М. с удовольствием ездил в различные поездки от школы. В общении был дружелюбным, готовым помочь и неконфликтным. Родители поспособствовали поступлению М. на платное отделение вуза.

В таком описании отсутствует характеристика склонностей ребенка, которые обозначили бы его перспективы с точки зрения профессионализации. Родительская позиция также не включает в себя помощь в совершении содержательного выбора направленности обучения. В таком (схематичном, но типичном) описании завершения учебы в школе скорее прослеживается поддержка родителей в том, чтобы юноша не попал в армию, и платное образование (неуточненной, незначимой направленности) позволило бы ему получить отсрочку – то ли продлевая мораторий, необходимый для самоопределения, то ли, наоборот, отменяя такую задачу как таковую.

Другой кейс также иллюстрирует отсутствие у ребенка ясного плана по движению по образовательной/профессиональной траектории.

До 9 класса Э. учился хорошо и удовлетворительно. После участия в образовательной игре в роли руководителя работы группы, открыл в себе возможности руководить работой, переосмыслил свою жизнь в школе и стал более интенсивно и углубленно изучать литературу, историю. Его друг очень хорошо знал историю, что вдохновляло Э. В какой-то момент подумывал о том, чтобы стать юристом. Родители поддерживали стремления Э. Окончил школу успешно. Поступил в вуз на платное отделение, взяв образовательный кредит. Финансовое положение семьи не позволяло оплачивать его обучение в вузе. На одном из начальных курсов был отчислен из вуза за несданный экзамен, который требовал систематической и продолжительной подготовки, заучивания большого объема информации. Несколько лет выплачивал кредит, работая на работе, не требующей квалификации.

В этом кейсе ребенок имеет выраженные интересы и склонности, однако, несмотря на их наличие, он не может последовательно выстроить тактику и стратегию продвижения по избранному пути. Отсутствие поддержки – не только финансовой, но и, судя по всему, эмоциональной, информационной – не дало ему грамотно рассчитать ресурсы и затраты для воплощения первоначального плана.

Подобные истории служат иллюстрацией характерной для современных подростков ситуации, когда а) сложно представить себе желаемое будущее, б) сложно выстроить промежуточные шаги для его достижения, в) сложно их реализовать, не запутавшись. Множественность путей в современном мире позволяет регулярно смещаться на альтернативные траектории, и это усиливает непредсказуемость; траектории как линии превращаются в траектории как сети.

Анализ эмпирических исследований показывает, что особенности целей подростков оказывают значительное влияние на их социальное функционирование, на выбор ими образа жизни, на их будущее, но механизм данной связи и условия успешного построения подростком своей жизненной траектории остаются недостаточно исследованными и также представляют собой важнейшее поле для практической деятельности.

Задача типологизации траекторий развития в подростковом возрасте может решаться множеством способов, давая возможность классифицировать их на основании отношения подростка к жизни в целом; соотношения его представлений о своей свободе и ответственности; содержания его интересов и того, как они его способствуют его развитию; планов подростка (выбора образования после школы, выбора профессии, плана создания семьи); отношения к закону (соблюдения/нарушения) и т.п. [4; 5].

Важнейшим, на наш взгляд, фактором выработки ясной (осознанной, неспонтанной) траектории развития в подростковом возрасте и далее и также очень

перспективной мишенью прикладной работы является *культура обсуждения жизненной траектории* в ближайшем окружении, в первую очередь, в семье подростка. Это могут быть обсуждения будущего, выработка оснований выбора, семейный опыт в вопросах построения жизненной траектории, и т.п. Интенсивность и эффективность таких обсуждений может быть очень разной: от полного отсутствия («делай что хочешь») до чрезвычайно авторитарного принятия решений родителями/опекунами за ребенка («будешь стоматологом, как все в нашем роду»).

Третий кейс демонстрирует значимость обсуждения жизненной траектории с родителями для возможности последовательного ее воплощения и получения необходимой поддержки.

И. принимала активное участие в жизни школы: училась на отлично, участвовала в интеллектуальных играх и сессиях, активно общалась с учениками из других классов, предлагала разные идеи подготовки к праздникам, участвовала в их воплощении. При написании сценариев выступления класса на праздниках советовалась с родителями и друзьями. Имела широкий круг общения вне школы – друзья по даче, знакомые из летних лагерей.

После 9-го класса перешла учиться из общеобразовательной школы в подготовительную школу при престижном вузе. Решение было принято совместно с родителями в обсуждении дальнейших перспектив, исходя из решения поступать именно в этот вуз.

Исследование культуры обсуждения будущего в семье представляется очень важным и перспективным направлением в современных исследованиях подростков и молодежи. Например, немецкое исследование семей, в которых процветает семейный бизнес и присутствуют дети-подростки, показало, что вопрос будущего этих детей представляет собой серьезную зону напряжения и для них, и для их родителей, которые зачастую переживают внутренний конфликт: с одной стороны, они как состоявшиеся и успешные бизнесмены очень хотят, чтобы их дети продолжали их дело; с другой, как либеральные родители, дорожащие мнением детей и стремящиеся поддержать их самостоятельность, они боятся навязывать им свои пожелания. В результате подростки находятся в ситуации, когда тема их будущего является очень эмоционально насыщенной, но в то же время зачастую не может быть конструктивно обсуждена [19]. В нашем российском еще не опубликованном исследовании вопрос о том, какие идеи о будущем подростков транслируются в их семье и ближайшем окружении, порождает очень широкий спектр возможных ответов. Есть семьи, в которых артикулируются ясные указания и пожелания относительно будущей профессии ребенка («будет хорошо, если станешь врачом, эта профессия всегда востребована»). Есть семьи, в которых акцент делается на ценностях, они выступают контекстом, в котором

должны приниматься частные решения («главное – быть финансово независимой, уметь себя обеспечить»; «главное – выйти замуж»). Есть семьи, где эта тема, напротив, не обсуждается никак или побуждает старшее поколение к агрессии, и подростки в этой ситуации отказываются письменно отвечать на вопросы о содержании идей взрослых о будущем, говоря, что это слишком грубо или что этих обсуждений в их повседневной жизни вообще нет.

Высокий уровень тревоги и несформированная, диффузная идентичность обеспечивают высокий уровень тревоги, требующий, по всей видимости, «заземления» и упрочения себя в настоящем, «не забегая вперед» в будущее, что проявляется, например, в чрезвычайно распространенной практике фото- и видеофиксации различных сиюминутных повседневных эпизодов (локация, пища, покупки и т.п.). Распространенность интернета и социальные сети делают доступными для контакта миллионы или даже миллиарды людей, в связи с чем у них резко возрастает потребность в переживании собственной уникальности: возможно, этим объясняются чрезвычайно популярные среди подростков «опасные селфи» и «опасные видео», для съемки которых требуется попадание в какое-либо нетривиальное, небезопасное место, что нередко приводит в последнее время к травмам и несчастным случаям.

Высокая социальная неопределенность в сочетании с «традиционными» ожиданиями со стороны взрослых («Где жизненные цели, планы на будущее, мечты о семье?») и почти полное отсутствие профориентационной работы среди подростков, которая бы учитывала особенности современной социальной ситуации, редкость «культуры обсуждения будущего» в семьях приводят к прокрастинации, откладыванию жизненных решений и продлению детства и зависимости от родителей, с упоминания которых мы начали статью.

Множественность и временность форм существования семьи, современная тенденция восприятия семьи как «психотерапевтического союза», размывание детско-родительских ролей, «кризис родительства» и сложности использования собственного опыта родителя для поддержки и помощи ребенку в силу изменения общества приводят к тому, что поколения

подростков и родителей оказываются все более изолированными, имеющими отдельные пространства для общения и занятий и почти лишенными пространств взаимодействия, что также не способствует выстраиванию ясной траектории и совершению осознанных, обдуманных выборов.

В то же время, по всей видимости, возрастает потребность подростка в наставнике (mentor) – взрослом, который старше приблизительно на полпоколения, который может служить ролевой моделью, транслятором ценностей взрослого мира на своем примере, и способствовать формированию и развитию Мечты (Dream) по Д.Левинсону – стремлению, которое так или иначе упорядочивает жизненный путь человека [18; 6].

Завершая, мы хотим подчеркнуть следующее: в условиях хронической неопределенности и трудностей с прогнозированием социальной динамики фокус с целей и результатов смещается на процесс – деятельность по обсуждению, освоению, пробам и экспериментированию в области проектирования своего жизненного пути.

Задачей психолого-педагогического сопровождения в этой ситуации становится повышение осознанности подростка в областях своих сильных и слабых сторон, индивидуальных тактик в решении отдельных жизненных задач и выстраивании системы приоритетов, которые будут опосредованно влиять на достигаемые результаты, в повышении эффективности социальной среды подростка с точки зрения культуры обсуждения его настоящего и будущего. Ресурсом, в котором нуждается подросток, является стабильность как то, что позволяет справляться с неопределенностью и непредсказуемостью.

С точки зрения практических рекомендаций – в рамках сопровождения выстраивания подростком своей жизненной траектории задачей заинтересованных взрослых становится обеспечение подростку *контакта и определенности*, т.е. стабильности в пространстве персональных отношений и в пространстве поведения/ценностей/интересов.

Контакт и определенность – ресурсы, которые позволяют сохранять устойчивость в транзитивном обществе, и это то, чем взрослые могут делиться с поколением подростков – в рамках как профессиональных, так и семейных отношений.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 15-36-01317).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочавер А.А. Почему яблоки не падают. [Электронный ресурс] // Сноб. 2015. URL: <https://snob.ru/profile/29358/blog/90812> (дата обращения: 07.06.2016).
2. Быкова И.А., Серкин В.П. Ипотечный сценарий и ипотечный невроз // Взаимодействие науки и практики в гуманитарных и социальных науках; Материалы Всероссийской заочной научно-практической конференции. Магадан: Издательство СВГУ, 2013. С. 138–146.
3. Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 4. М.: Педагогика, 1983. 433 с.
4. Жилинская А.В. Развитие целеполагания у старших подростков (на материале проектной деятельности): Дисс. ... канд. психол. наук / МГППУ. М., 2015. 180 с.
5. Жилинская А.В. Роль целей подростков в становлении их жизненной траектории. Обучение и развитие: современная теория и практика // Материалы XVI Международных чтений памяти Л.С. Выготского. Москва, 16–20 ноября 2015 г. / Под ред. В.Т. Кудрявцева: В 2 ч. Ч. 2. М.: Левь, 2015. С. 47–52.
6. Красило Д.А. Ориентирующий образ наставника в период вхождения во взрослость // Психологическая наука и образование. 2006. № 1. С. 50–62.
7. Новгородцева А.П. Переживание подростками «чувства взрослости» // Психологическая наука и образование. 2006. № 2. С. 39–54.
8. Поливанова К.Н. Психология возрастных кризисов. М.: Издат. центр, 2000. 184 с.
9. Поливанова К.Н. Практики развития: взросление в современном мире [Электронный ресурс] // Новое детство : Научно-экспертного семинар: Материалы. 2012. URL: <http://psyjournals.ru/newchildhood/issue/56292.shtml> (дата обращения: 12.04.2016)
10. Райс Ф., Долджин К. Психология подросткового возраста. 12-е изд. СПб: Питер, 2014. 816 с.
11. Хломов К.Д. Социальные риски в контексте индивидуальных жизненных траекторий современных подростков // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 2. С. 109–125. doi:10.17759/sps.2016070208
12. Возрастные и индивидуальные особенности младших подростков / Эльконин Д.Б. [и др.]. М.: Посвещение, 1967. 360 с.
13. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 344 с.
14. Arnett J.J. Emerging Adulthood: A Theory of Development From the Late Teens Through the Twenties. *American Psychologist* // *American Psychologist*. Vol. 55. № 5. P. 469–480. doi: 10.1037/0003-066X.55.5.469
15. Crockett L.J. Cultural, historical, and subcultural contexts of adolescence: Implications for health and development [Электронный ресурс] // Health risks and developmental transitions during adolescence / Eds. J. Schulenberg, J.L. Maggs, C. Hurrelmann. Cambridge University Press, 1997. P. 23–53. URL: <http://digitalcommons.unl.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1243&context=psychfacpub> (дата обращения: 08.06.2016).
16. Gould R.L. Transformational tasks in adulthood // The course of life: Psychoanalytic contribution toward understanding personality development. Vol. 3. Adulthood and the aging process / Eds. S.I. Greenspan, G.H. Pollack. Washington, D.C., National Institute for Mental Health, 1980. P. 119–246.
17. Havighurst R.J. Developmental Tasks and Education. Third edition. New York: David McKay Company, Inc., 1974. 86 p.
18. Levinson D.J. The Seasons of a Man's Life. New York: Ballantine Books, 1978. 363 p.
19. Schmitt-Rodermund E., Schröder E. Antecedents and consequences of adolescents' motivations to join the family business // 17th European Conference on Developmental Psychology: September 8–12, 2015, Braga, Portugal: Program and abstracts. Braga, 2015. P. 455.
20. Sugarman L. Life-Span Development: Frameworks, accounts and strategies [Электронный ресурс]. Hove and New York, Psychology Press, 2005. 242 p. URL: <https://books.google.ru/books?id=Ya4EAQAAQBAJ&lpg=PP1&hl=ru&pg=PP1#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 09.06.2016).
21. Wallis L. Is 25 the new cut-off point for adulthood? [Электронный ресурс] // BBC. URL: <http://www.bbc.com/news/magazine-24173194> (дата обращения: 08.06.2016).

Prospects of modern adolescents in the context of life trajectory

Bochaver A.A.,

*candidate of psychological sciences, research fellow, Research Center of modern childhood, Institute of Education,
National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia,
bochaver@yandex.ru*

Zhilinskaya A.V.,

*candidate of psychological sciences, lecturer, faculty of social sciences of Psychology department, National Research University
“Higher School of Economics”, Moscow, Russia,
alisez@yandex.ru*

Khломov K.D.,

*candidate of psychological sciences, head of the Centre for socio-psychological adaptation and development of adolescents
“Perekryostok”, City psycho-pedagogical center of Department of Education in Moscow, Moscow, Russia,
kyrill@rambler.ru*

The article discusses the dynamics of theoretical and applied ideas of adolescence from the viewpoint of designing individual trajectory for this age. It also analyzes the blurring of lines of adolescence, delaying vital choices and hindered separation from parents as the trends of the modern existence of adolescence. The article examines the features of modern society (transitivity and its consequences), hindering the design of path of life and contributing to the shift of strategic thinking in this area to tactical. The article regards the role of the family, in particular, the culture of discussing future, from the point of view of support to a teenager's design of his/her life trajectory.

Keywords: adolescence, life trajectory, the image of the future, support of adolescence.

This work was supported of the Russian Foundation for Humanities (project № 15-36-01317).

REFERENCES

1. Bochaver A.A. Pochemu yabloki ne padayut. [Elektronnyi resurs] [Why apples are falling]. *Snob*. 2015, Available at: <https://snob.ru/profile/29358/blog/90812> (Accessed 07.06.2016). (In Russ.).
2. Bykova I.A., Serkin V.P. Ipotechnyi stsenarii i ipotechnyi nevroz [Mortgage scenario and mortgage neurosis]. *Vzaimodeistvie nauki i praktiki v gumanitarnykh i sotsial'nykh naukakh: Materialy Vserossiiskoi zaochnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Interaction of science and practice in the humanities and social sciences. Materials All-Russia correspondence scientific-practical conference]*. Magadan: Publ. SVGU, 2013, pp. 138-146. (In Russ.).
3. Vygotskii L.S. *Sobranie sochinenii: V 6 t, t. 4 [Collected Works]*. Moscow: Pedagogika, 1983. 433 p. (In Russ.).
4. Zhilinskaya A.V. Razvitie tselepolaganiya u starshikh podrostkov (na materiale proektnoi deyatel'nosti) [The development of goal-setting in older teens (on the basis of project activity)]: Diss. kand. psikhol. nauk. MSUPE. Moscow, 2015. 180 p. (In Russ.).
5. Zhilinskaya A.V. Rol' tselei podrostkov v stanovlenii ikh zhiznennoi traektorii. Obuchenie i razvitie: sovremennaya teoriya i praktika [The role of adolescent goals in the development of their life trajectory. Training and Development: The Modern Theory and Practice]. *Materialy XVI Mezhdunarodnykh chtenii pamyati L.S. Vygotskogo [Proceedings of the XVI International Readings memory L.S. Vygotsky]: Moskva, 16–20 noyabrya 2015 g.* V.T. Kudryavtseva, ed. V 2 ch. Ch. 2. Moscow: Lev", 2015, pp. 47–52. (In Russ.).
6. Krasilo D.A. Orientiruyushchii obraz nastavnika v period vkhozheniya vo vzroslost' [Orienting the image of a mentor during the entry into adulthood]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education]*, 2006, no. 1, pp. 50–62. (In Russ., Abstr. in Engl.).
7. Novgorodtseva A.P. Perezhivanie podrostkami «chuvstva vzroslosti» [The experience of adolescents' feelings of adulthood]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education]*, 2006, no. 2, pp. 39–54. (In Russ., Abstr. in Engl.).
8. Polivanova K.N. Psikhologiya vozrastnykh krizisov [Psychology age crises]. Moscow: Izdat. tsentr, 2000, 184 p. (In Russ.).
9. Polivanova K.N. Praktiki razvitiya: vzroslenie v sovremennom mire [Elektronnyi resurs] [Practice development: growing up in the modern world]. *Materialy nauchno-ekspertnogo seminara «Novoe detstvo» [Proceedings of the expert workshop «New Childhood»]*. 2012. Available at: <http://psyjournals.ru/newchildhood/issue/56292.shtml> (Accessed 12.04.2016). (In Russ.).
10. Rais F., Doldzhin K. Psikhologiya podrostkovogo vozrasta [Psychology of adolescence]. 12-e izd. Saint Petersburg: Piter, 2014. 816 p.

11. Khlomov K.D. Sotsial'nye riski v kontekste individual'nykh zhiznennykh traektorii sovremennykh podrostkov [Social risks in the context of individual life trajectories of modern teenagers]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo [Social psychology and society]*, 2016. Vol. 7, no. 2, pp. 109–125. doi:10.17759/sps.2016070208
12. Vozrastnye i individual'nye osobennosti mladshikh podrostkov [Age and individual characteristics of younger teenagers]. El'konin D.B. [et al.]. Moscow: Posveshchenie, 1967. 360 p.
13. Erikson E. Identichnost': yunost' i krizis [Identity: Youth and Crisis]. Moscow: Progress, 1996. 344 p.
14. Arnett J.J. Emerging Adulthood: A Theory of Development From the Late Teens Through the Twenties. *American Psychologist*. *American Psychologist*, Vol. 55. no. 5, pp. 469–480. doi: 10.1037/0003-066X.55.5.469
15. Crockett L.J. Cultural, historical, and subcultural contexts of adolescence: Implications for health and development [Electronic resource]. *Health risks and developmental transitions during adolescence*. J. Schulenberg, J.L. Maggs, C. Hurrelmann, eds. Cambridge University Press, 1997, pp. 23–53. Available at: <http://digitalcommons.unl.edu/cgi/view-content.cgi?article=1243&context=psychfacpub> (Accessed 08.06.2016).
16. Gould R.L. Transformational tasks in adulthood. *The course of life: Psychoanalytic contribution toward understanding personality development*, vol. 3. Adulthood and the aging process. S.I. Greenspan, G.H. Pollack, eds. Washington, D.C.: National Institute for Mental Health, 1980, pp. 119–246.
17. Havighurst R.J. Developmental Tasks and Education. Third edition. New York: David McKay Company, Inc., 1974, 86 p.
18. Levinson D.J. The Seasons of a Man's Life. New York, Ballantine Books, 1978. 363 p.
19. Schmitt-Rodermund E., Schröder E. Antecedents and consequences of adolescents' motivations to join the family business. 17th *European Conference on Developmental Psychology (September 8–12, 2015, Braga, Portugal): Program and abstracts*. Braga, 2015. pp. 455.
20. Sugarman L. Life-Span Development: Frameworks, accounts and strategies [Elektronnyi resurs]. Hove and New York, Psychology Press, 2005, 242 p. Available at: <https://books.google.ru/books?id=Ya4EAQAAQBAJ&lpg=PP1&hl=ru&pg=PP1#v=onepage&q&f=false> (Accessed 09.06.2016).
21. Wallis L. Is 25 the new cut-off point for adulthood? [Elektronnyi resurs]. *BBC*. Available at: <http://www.bbc.com/news/magazine-24173194> (Accessed 08.06.2016).

Системный анализ доказательств влияния участия детей в оценке социальных программ на их психологическое развитие

Шамрова Д.П.,

докторант Школы социальной работы Университета штата Мичиган, Ист Лэнсинг, США,
shamrova@msu.edu

Тихомирова А.В.,

руководитель научно-исследовательского центра доказательного социального проектирования МГППУ,
Москва, Россия
nutih@mail.ru

Подушкина Т.Г.,

старший научный сотрудник научно-исследовательского центра доказательного социального проектирования МГППУ, Москва, Россия
poduschkina@mail.ru

В статье рассматриваются состояние развития участия детей в оценке социальных программ, доказательства позитивного влияния участия на психологическое развитие ребенка. Статья включает обзор 27 зарубежных исследований с участием детей и систематизирует доказательства влияния участия ребенка на его психологическое развитие. Результаты обзора показали, что включение детей в оценку программ может способствовать позитивному развитию ребенка. Также авторы обсуждают ситуацию с включением детей в оценку социальных проектов и программ и возможность для развития этого направления в России.

Ключевые слова: оценка с участием ребенка, исследования с участием ребенка, системный обзор доказательств, психологическое развитие ребенка.

Для цитаты:

Шамрова Д.П., Тихомирова А.В., Подушкина Т.Г. Системный анализ доказательств влияния участия детей в оценке социальных программ на их психологическое развитие [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2016. Том 5. № 2. С. 39–50. doi: 10.17759/jmfp.2016050205

For citation:

Shamrova D.P., Tikhomirova A.V., Podushkina T.G. System analysis of evidences of the impact of child involvement in evaluating social programs on their psychological development [Electronic resource]. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 2016, vol. 5, no. 2, pp. 39–50. doi: 10.17759/jmfp.2016050205 (In Russ., Abstr. in Engl.).

«Сегодняшние дети вырастают в мире, которого не знали старшие»
Маргарет Мид

«Какой смысл говорить о будущем? О будущем не говорят – его делают»
Аркадий и Борис Стругацкие

Должен ли и может ли ребенок оценивать деятельность взрослого специалиста? Должны ли и имеют ли право взрослые специалисты – психологи, педагоги, социальные работники – просить ребенка оценить, насколько ему полезно то, что они делают? Очень простые вопросы, но если бы мы их задали специалистам лет 50 назад, то в ответ получили бы удивленные взгляды и однозначный отрицательный ответ. Ребенок был скорее объектом оценки, нежели активным участником и партнером в деятельности специалиста.

Сегодня вопрос о роли ребенка в социальных процессах, его позиции по отношению к воздействию на его жизнь взрослому сильно меняется. Дискурс, связанный с «новым детством», занимает все больше места в поле зрения исследователей и на страницах психологических журналов, а участие детей в оценке

программ, направленных на улучшение их жизни, является активно обсуждаемой и развивающейся темой в практико-ориентированной среде. В зарубежных социальных практиках участие детей в оценке проектов и программ становится нормой, в России это новое, динамично развивающееся явление.

Сегодняшних исследователей детства волнует то, что в обсуждении решений о действиях по отношению к детям, в дискуссиях о потребностях детства доминируют те, кто уполномочен принимать решения и находится у власти, а не те, кто работает непосредственно с детьми и уж никак не сами дети [2]. Мы разделяем эту тревогу и в отношении деятельности по оценке социальных проектов и программ в сфере детства.

Оценивать программы и проекты, цель которых – улучшить жизнь детей, нужно для того, чтобы эти про-

екты и программы развивались, оптимизировались, становились более эффективными, лучшие практики распространялись. Но сегодня специалисты, работающие с детьми, опираются на те представления о детстве в целом и о ребенке, которые были сформированы десятилетия назад, на основе фундаментальных знаний о развитии ребенка и его потребностях. Изменения сегодняшнего мира настолько глобальны, что это не может не вызвать противоречий между существующими фундаментальными представлениями и реалиями современного детства [10].

Надо сказать, что в такой ситуации шанс стать более эффективными получают практики, опирающиеся не на фундаментальную науку, а на собственный эмпирический опыт, зачастую не исследованный и не проанализированный. Внимание к анализу и рефлексии своей деятельности, качественные методы исследования реализуемых практик, включение оценки эффективности в процесс проектирования – насущная необходимость для организаций, работающих в сфере детства именно потому, что практикам нужно быть внимательными к специфике работы с сегодняшним ребенком и оперативно реагировать на новую информацию, быть готовыми к внесению изменений в свою деятельность. Т.е. оценка, как специальная деятельность в сфере детства, приобретает особую важность и смысл.

Более того, благодаря работам исследователей современного детства, мы можем выделить некоторые факторы, которые говорят нам не только о необходимости оценки как специальной деятельности в сфере детства, но и о необходимости непосредственного участия в этой деятельности детей.

Во-первых, это появление так называемых «новых возникающих потребностей». «Новые возникающие потребности» – это название для описания группы вызовов, возможностей, событий, проблем и угроз, которые имеют отношение к развитию детей, но с которыми до сих пор ни дети, ни общество не сталкивались, или если они и происходили, их частота значительно увеличилась» [2; 9]. Глобальные изменения в мире ведут к необходимости глобальных изменений в способах взаимодействия ребенка с этим миром, соответственно к потребности в овладении этими способами. И кто, как не дети, могут дать обратную связь реализаторам программ и проектов, сообщив, что то, что они получают благодаря участию в этих программах, безнадежно устарело и не актуально для них, либо, наоборот – помогает жить в этом стремительно меняющемся мире.

Во-вторых, детство начинает играть новую роль в устройстве общества. Оно становится значимой социальной силой, в которой заложено больше важной для развития человечества информации, чем есть у взрослых. Еще 45 лет назад Маргарет Мид назвала эту тенденцию «постфигуративным» устройством общества, когда для движения вперед нужно опираться на представления о будущем и взрослый должен скорее учиться у ребенка, чем наоборот [8]. И у каждого отдельного

ребенка появляется новая роль – ребенок становится все более самостоятельным участником социального процесса и отвоевывает свое место в качестве субъекта и партнера, а не объекта воздействия. Более того, во многих социальных процессах, в овладении многими способами взаимодействия с миром ребенок оказывается компетентнее и успешнее взрослого. Родитель перестает быть необходимым посредником в освоении ребенком окружающего мира.

Взрослый мир постепенно научается признавать мир детей как полноправного участника общественного устройства. Эта тенденция наиболее полно отражена в Конвенции о правах ребенка, одобренной Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 и ратифицированной Постановлением Верховного Совета СССР от 13.06.1990 № 1559-1.

Участие детей – это один из четырех руководящих принципов Конвенции по правам ребенка. Конвенция подтверждает право детей (подразумевая лиц, не достигших 18 лет) участвовать в принятии решений, которые могут сказаться на их жизни. Страны – участники Конвенции обязаны осуществлять это право в отношении детей в соответствии с законодательством. Статья 12 Конвенции гласит: Государства – участники Конвенции обязаны обеспечить ребенку, способному высказать собственный взгляд, право свободного выражения собственных суждений по всем вопросам, сказывающимся на жизни ребенка, и взглядам ребенка должен придаваться достаточный вес в соответствии с его возрастом и зрелостью. Дети составляют существенную часть гражданского общества, и им есть что предложить тем, кто управляет их миром (Статья 12 Конвенции о правах ребенка [12]).

Все менее понятным становится понятие нормы развития и все больше внимания практики и исследователи уделяют индивидуальным особенностям конкретного ребенка, индивидуальному подходу в практической и исследовательской работе с детьми. Программы, построенные на понятиях возрастной нормы и отклонений от нормы, перестают работать там, где индивидуальные различия более значимы, чем различия между возрастными группами. Возникает необходимость в развитии качественных методов исследования, с одной стороны, и большего участия детей в получении информации о работе программ и проектов [6].

Таким образом, активное участие детей, как конечных благополучателей результатов социальных проектов и программ, должно приводить к принятию более качественных решений, к созданию более адекватных программ, к достижению более устойчивых результатов и является важным с этической точки зрения. Специалистам всей социальной сферы необходимо перестраивать свою деятельность так, чтобы дети вместе с другими участниками процесса могли высказывать свои суждения и участвовать в разработке проектов и программ, в планировании деятельности, в ее реализации и оценке.

Участие ребенка может быть интегрировано в различные сферы, начиная с процессуальных слушаний об опекунов до принятия решений о лечении. Одной из наиболее быстро развивающихся сфер участия детей в принятии решений являются исследования/оценки с участием ребенка в силу встроеного механизма влияния полученных данных на социальные изменения.

В данной статье с опорой на обзор уже проведенных исследований мы попытались выяснить, как участие детей, декларируемое в причисленных выше документах, подкреплено наблюдениями исследователей о его влиянии на психологическое развитие.

Принимая во внимание неразвитость дискурса «нового детства», на сегодняшний день это одна из первых попыток систематизировать доказательства влияния участия ребенка в оценке результатов социальных программ на его развитие.

Что такое исследование с участием, ориентированное на практические преобразования?

Устоявшегося определения понятия исследования или оценки с участием, ориентированных на практические преобразования (participatory action research) сегодня не существует. Пока концептуальные границы между исследованиями с участием (participatory research), исследованиями с привлечением местного сообщества (community-based participatory research), исследованиями, ориентированными на практические преобразования (action research), партнерскими исследованиями (collaborative research) и исследованиями с фокусом на местном сообществе (community focused research), четко не определены [20; 34]. Под исследованием с участием, ориентированным на практическое преобразование, принято понимать подход к исследовательской деятельности, основанный на принципе совместного принятия решений исследователями и участниками (participatory approach), вовлечения участников на различных этапах разработки и реализации исследовательского проекта, взаимного обучения и развития потенциала, а также сочетания как исследовательской функции по созданию нового знания, так и практической функции по выработке шагов, ориентированных на социальное преобразование.

Данное исследование ориентировано на изучение влияния участия детей и подростков в исследованиях, ориентированных на практические преобразования (participatory action research with children and youth), на психологическое и социальное развитие ребенка. Авторы будут использовать исследование и оценку как взаимозаменяемые термины.

Стоит отметить, что такое решение не всегда оправдано, зачастую оценка (evaluation) и исследование (research) имеют разные задачи. В данном случае мы придерживаемся позиции взаимозаменяемости в силу природы объекта исследования — оба понятия в нашем случае сфокусированы на выработку шагов по социальным преобразованиям (social change).

Представленные в этой статье исследования опубликованы в научных журналах и написаны в формате исследовательского продукта. С другой стороны, все использованные исследования так или иначе были ориентированы на выполнение оценочных функций: измеряли результативность программ, оценивали потребности сообщества, использовали результаты оценки для дизайна новых программ. Поэтому мы считаем приемлемым приравнять исследования и оценку на концептуальном уровне в рамках данного исследования.

Метод поиска эмпирических доказательств

Данное исследование представляет собой интегрированный обзор доказательств (integrative review of evidence), основанный на системном методе, описанном Виттмор и Кналф (Whittmore & Knalf) [44] и Торрако (Torraso) [42]. Для сбора эмпирических доказательств был проведен скрининг 8 международных баз рецензируемых научных журналов, включая ProQuest, EBSCOhost, JSTOR, Project MUSE, Scopus, Web of Science, Pubmed. Используемые слова поиска включали «исследование с участием» (participatory research), «исследования с целью практических преобразований» (action research), «исследования с участием местного сообщества» (community-based participatory research), «молодежь» (youth), «дети» (children), «подростки» (teenagers/adolescents).

Предварительный отбор научных статей позволил исключить теоретические статьи, оценочные проекты, в которых принимали участие только взрослые, а также статьи с темами, которые выходили за пределы темы социальных программ (например, исследования с участием детей в стоматологии). Временные рамки собранных доказательств ограничены периодом с 2000 до 2016 г.

В результате было собрано 244 исследования, которые прошли указанные выше критерии. На этом этапе селекция статей происходила, исходя из наличия в них данных о влиянии участия детей в оценочных исследованиях на их развитие. Многие статьи не включали описание произошедших изменений, даже если такие изменения были целью исследования, возможно, их было сложно отследить. Причем, важным ценностным механизмом отбора также стало качество участия ребенка в этом процессе. В соответствии с лестницей детского участия (the ladder of participation), разработанной Хартом в 1992 г., авторы статьи отобрали исследования, которые включали ребенка в процесс оценки/исследования на более высоком уровне, чем как простого объекта сбора данных.

Типология Харта включает в себя 8 уровней участия, три первых уровня представляют собой псевдоучастие, основанное на манипуляции детьми и использовании их как декораций для принятия решений самими взрослыми [27]. В этом исследовании были использованы статьи, основанные на 4 верхних уровнях участия, где дети и подростки были включены как

консультанты или равные при принятии решений в проектах, управляемых взрослыми или другими детьми. В итоге 27 статей (11%) удовлетворили поставленные требования.

Описание исследований, включенных в обзор доказательств

Все исследования были основаны на качественных методах, 7 проектов включали количественные компоненты и, таким образом, использовали смешанные методы для получения ответов на поставленные практические вопросы. Включенные в обзор исследования проводились в 11 различных странах, включая США, Великобританию, Канаду, Филиппины, Гану, Малави, Южную Африку, Словакию, Китай, Австралию и Италию. В среднем, на одно выбранное исследование приходится 30 детей-активных участников. Причем, это число варьируется от 5 до 150 детей на одно исследование. Дети в возрасте от 5 лет были вовлечены в исследования как активные участники. Исследования с детьми до 18 лет были включены в обзор в соответствии с Конвенцией о правах ребенка. Если большинство участников исследования было старше 18 лет, то исследование было исключено из обзора.

Тематическое содержание исследовательских проектов, в которых дети приняли участие, также отличается большим разнообразием и включает оценки проектов в сфере доступа к здравоохранению, вопросов дружелюбности школьной среды, профилактики зависимостей, заболеваний, передающихся половым путем, СПИД/ВИЧ профилактики, доступа к здоровому питанию, транспорту, заботы об окружающей среде, домашнего насилия, проблем с законом и безопасности.

В 27 отобранных проектах дети принимали участие в исследовательских процессах, выходящими за пределы вовлечения ребенка как простого источника данных. Дети были включены в процессы определения проблемы, формулирования вопросов к оценке, подбора кандидатов на участие в оценке, сбора данных с участием своих сверстников, создания инструментов для сбора информации, анализа данных, составления рекомендаций по проведению социальных изменений, распространения результатов оценки, участия в роли консультантов по дизайну оценки, составлению итогового отчета, разработке новых программ и планов по внедрению результатов оценки. Такой широкий спектр привлечения детей сам по себе покрывает практически весь спектр вовлечения, который раньше воспринимался как прерогатива только взрослых.

Методы оценки в отобранных исследованиях также представляют собой достаточно широкий методологический спектр, включая как традиционные методы (интервью, опросы, фокус группы, геосоциальное картирование (GIS-mapping), методики ранжирования (rankings), вторичный анализ данных), так и методы, чувствительные к особенностям детского развития:

- Видеофильмы (Video-elicitation)
- Фотоголос (Photovoice)

• Визуальное картирование местного сообщества (Community Mapping)

- Дневники путешественника (Trip Journaling)
- Ребенок-гид, Ребенок-этнограф (специалист по своей собственной жизни и культуре) (ex. Child-led tours)
- Совместный анализ медиа ресурсов (газет, веб-сайтов)
- Театральные методики, написание стихотворений, создание коллажей. (Art-based approaches)

Результаты систематизации доказательств

В каждой статье была выявлена часть, в которой авторы описывали результаты использования полученных в ходе исследования данных. Описания влияния исследования на развитие ребенка как результат проведения оценки были систематизированы и представлены ниже. Данные о влиянии участия детей в исследованиях могут быть объединены в пять основных доменов воздействия участия детей в оценке на детское развитие:

1. Развитие навыков и повышение информированности

Несколько исследований приводят данные о повышении уровня осведомленности детей, принимавших участие в исследовании, о тематике этого проекта. Участие детей в оценке потребностей сообщества после природных катастроф, например, повышает их осведомленность о том, какие меры должны быть предприняты для снижения вреда, нанесенного природным катаклизмом [28; 46]. В США проект по вовлечению детей и подростков группы риска в дизайн программ по профилактике табакокурения повысил их информированность о последствиях курения [40]. Другая сторона развития информационных компетенций у детей и подростков, участвующих в оценке, – это развитие базовых навыков по работе с данными, включая их анализ [26; 45]. Важно, что при этом также формируются навыки совместной работы и участия [37; 40].

2. Выстраивание отношений между ребенком и местным сообществом

В большинстве изученных проектах отмечается повышение социальной связанности (social connectedness) с местным сообществом, развитие чувства принадлежности к местному сообществу (social belonging) и расширение социальных связей, и, как результат, развитие социального капитала, зачастую за счет либо ровесников, также принимавших участие в оценке, либо за счет приобретения связей со взрослыми, руководившими проектами и аудиторией, в которую были распространены результаты проведенного оценочного исследования [21; 23; 26; 35].

Такие взаимосвязи наиболее ценны для маргинальных групп детей и молодежи, так как приобретенный социальный капитал выступает для них важным ресурсом преодоления и смены маргинального статуса и повышения социального благополучия [16; 25].

3. Ребенок как агент социальных изменений

Через участие в оценочных исследованиях дети учатся навыкам критического мышления на основе доказа-

тельств, которые помогают им осмыслить свое собственное социальное положение и эмоциональную составляющую переживаемого опыта. Опять же, такое участие особенно важно для детей групп риска. Вдохновляющий эффект (empowerment) от участия в исследованиях состоит в осознании собственных прав и обязанностей [17; 21; 26; 30; 36; 45]. Так, например, участники сменили свои места работы на более благоприятные, поступили в университеты, построили успешно семью [24]. Механизм такого воздействия участия на социальные результаты для детей пока до конца не изучен. Возможно, что трансформационные парадигмы в оценке и исследованиях дают возможность детям и подросткам научиться рациональному принятию решений, осознанию собственных обязанностей и прав, что позволяет им проявлять чувствительность в вопросах социальной справедливости, начиная с своей собственной жизни и транслируя эту чувствительность в окружающие их сообщества, формируя у детей и подростков про-социальные модели поведения.

4. Социально-эмоциональное и когнитивное развитие

Результаты проведенных исследований также указывают на наличие определённого влияния от участия на уверенность в себе (self-confidence) и самодейственность (self-efficacy). Влияние на эти домены детского развития может позитивно сказываться на установлении ребенком горизонтов собственных целей, развитии коммуникативных навыков со сверстниками и взрослыми и навыков выхода из конфликтной ситуации [16; 18; 19; 26; 29; 35; 41].

Было установлено, что развитие у ребенка чувства уверенности в себе помогает ему в достижении поставленных целей во взрослом возрасте [14]. Такого рода групповые формы участия в исследованиях показали свое влияние на результаты коллективного психологического восстановления (как в случае с реабилитацией после природной катастрофы) [46], дети-участники проектов по оценке могут получить навыки перефокусировки своего места в обществе, осознать себя как активных его участников и осознать собственную идентичность.

5. Отношения со взрослыми

Взрослые как исторически и культурно сконструированная социальная группа имели больше социальной правоспособности и власти в сравнении с детьми [9]. Такое положение детей является социальной конструкцией, которую мы, взрослые, пытаемся всячески оберегать от изменений. Дети воспринимаются как будущие взрослые, а не как самостоятельный субъект социальных взаимоотношений. Поэтому преодоление социально сконструированного дисбаланса силы между взрослыми и детьми зачастую остается «за кадром» психологической науки.

Оценка с участием детей является одним из инструментов по выравниванию этого дисбаланса. Исследования показывают, что участие детей в оценке приводит к представлению детских интересов самими детьми, освоению ими пространств (социальные про-

граммы), которые раньше заведомо считались прерогативой взрослых [19; 38]. В ходе таких проектов дети получают навыки, которые помогают им представлять свои взгляды в наиболее эффективной форме через презентации, коммуникации со заинтересованными сторонами и участие в социальной адвокатуры (advocacy) [21; 24; 32; 38].

Ограничения

Позитивный дискурс о влиянии участия детей в оценочных исследованиях сегодня доминирует в академическом и профессиональном сообществе.

Стоит отметить, что немного опубликовано результатов исследований с рассуждениями о негативных последствиях такого участия. Например, загруженность детей их основной образовательной деятельностью и как это влияет на возможности их участия, неконструктивное использование участия детьми (оговорить директора школы) или вопросы выборки детей и манипуляций со стороны взрослых.

Стоит также отметить, что данный обзор ограничен статьями, представленными в академических рецензируемых журналах (academic peer-review journals). Для более полного составления доменов влияния участия детей в оценке, необходимы дополнительные исследования отчетов по оценке с участием, представленных в практической литературе или опубликованных отдельными организациями (grey literature).

Обзор 27 статей показал, что дети могут и должны принимать участие в исследованиях, нацеленных на социальные преобразования. Обзор позволил выделить ряд факторов, позитивно влияющих на психологическое развитие ребенка, а также раскрыть потенциальный спектр форм вовлечения детей в исследовательский процесс.

Участие детей в оценке социальных программ в России

Несмотря на очевидные позитивные эффекты вовлечения детей в оценку социальных программ, развитие оценочных исследований с участием (participatory evaluation) в России чаще всего происходит за счет административных механизмов, а не на основании доказательств их преимуществ, что представляет собой угрозу для истинного участия (см. обсуждение лестницы Хартра).

В России в последние годы повышение внимания к соблюдению прав детей стимулирует развитие методов, обеспечивающих участие детей в исследованиях. С 2009 года в Москве инициативной командой специалистов ведущих российских ВУЗов было проведено несколько независимых исследований по теме участия детей в принятии решений [5; 6]. На основе этих исследований были разработаны поправки в законодательство и сформулированы положения VII раздела («Дети – участники реализации Национальной стратегии») Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг. [14].

Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 гг. стала первым отечественным документом, отражающим задачу расширения участия детей в обсуждении и экспертизе решений, затрагивающих их интересы.

В 2014 году тем же авторским коллективом при поддержке государственного Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, были разработаны методические рекомендации по развитию участия детей в принятии решений, затрагивающих их интересы, в муниципальных образованиях [3; 7].

С 2012 года в Москве в рамках добровольного партнерства заинтересованных некоммерческих организаций работает профессиональная площадка по обсуждению актуальных проблем в области оценки программ в сфере детства [12]. Одно из ключевых направлений работы площадки – разработка процедур и этических норм участия детей в принятии решений, касающихся их интересов и прав (в том числе участие в оценке программ, реализуемых для детей).

Первым результатом сотрудничества в рамках партнерства стала разработка «Заявления о направлениях развития оценки социальных проектов и программ в сфере детства» [4] – документа, отражающего понимание нового подхода к оценке программ в сфере детства – подхода, основанного на уважении к детству как важнейшей эпохе человеческой жизни. В документе нашли отражение ценности, этические принципы и принципы оценки программ с участием (principles of participatory evaluation), реализуемых для детей.

В 2014–2015 гг. в рамках программы «Оценка социальных программ, проектов и услуг в сфере детства» Благотворительного фонда «Культура детства» при поддержке Министерства экономического развития РФ создан комплекс межотраслевых профессиональных сервисов, осуществляющих информационную, консультационную и методическую поддержку мониторинга и программной оценки проектов НКО в сфере детства. Одним из методических продуктов программы стал «Этический кодекс участия детей в оценке проектов и программ» [15].

Несмотря на значительный прогресс в теме участия детей, большая часть деятельности была направлена на создание инфраструктуры и регламентации участия. Исследования/оценки с участием, по-прежнему, являются большой редкостью в пространстве отечественных социальных практик. Оценка благополучия и соблюдения прав детей, учитывающая перспективу развития самих детей, в детских учреждениях проводится редко, несистематично, разрозненно и не позволяет получить адекватную картину жизни детей. Благополучие детей традиционно рассматривается, как нечто следующее из объективных условий детской жизни. Однако субъективные критерии являются такой же частью социальной реальности, как и «объективные».

В последние годы в сфере социальных наук растет понимание того, что использование объективных показателей и экспертных оценок в оценке сложных

социальных явлений и систем не позволяет раскрыть «истину» и не является «более правильным», чем привлечение мнений участников (субъектов).

Концепция благополучия детей в рамках новой социологии детства ориентируется, в значительной степени, на признание детей активными участниками социальных исследований. Дети считаются наиболее надежными источниками информации и, более того, экспертами, в том, что касается их повседневной жизни: мнения детей, с исследовательской точки зрения, становятся настолько же ценными, как и мнения взрослых.

В заключение было бы справедливо упомянуть одно из немногих российских исследований с участием детей, проведенное в 2015 г.,

В 2014–2015 гг. Региональная общественная организация социальных проектов в сфере благополучия населения «Стеллит» (г. Санкт-Петербург) при поддержке Некоммерческого фонда «Институт социально-экономических и политических исследований» в нескольких регионах Российской Федерации реализовала проект «Развитие системы мониторинга благополучия, соблюдения прав и содействия устройству в семье детей-воспитанников интернатных учреждений».

В рамках проекта были разработаны содержание и процедуры оценки благополучия и соблюдения прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, обоснованные современными научными представлениями о структуре субъективного благополучия детей. В рамках пилота был разработан и апробирован вопросник «Благополучие и соблюдение прав детей».

В основу философии исследования легло следующее рабочее определение благополучия ребенка [1]: состояние ребенка, при котором его/ее не беспокоят симптомы психических и физических расстройств, он/она обладает навыками и умениями, которыми гордится, имеет друзей и удовлетворён/а отношениями в школе, свободно общается с родными и другими значимыми взрослыми, чувствует себя в безопасности, и удовлетворен/а нынешними условиям проживания, имеет возможность контролировать свою жизнь и обладает жизненными целями.

Детская анкета была разработана в соответствии со структурой модели благополучия, принятой в проекте. В модели было выделено несколько сфер, в которых может быть измерено благополучие детей. В соответствии со сферами оценки были сформулированы вопросы и разработан инструментарий для сбора данных.

В разработке вопросника для детей авторы опирались на понимание возрастных особенностей детей, следовали идее уважения возможностей и интересов детей, а также рекомендациям по повышению надежности ответов детей. Вопросы были сформулированы в простой конкретной форме, без использования абстрактных и обобщающих понятий. Предварительная версия вопросника, разработанная в обычном текстовом формате, прошла несколько экспертных обсуждений с участием специалистов, имеющих квалификацию в сфере психологии и социологии. После этого

текст был переведен в доступную для детей привлекающую визуальную форму с использованием шкал, картинок и пиктограмм.

С использованием разработанного инструментария в марте – мае 2015 года было проведено пилотное исследование, которое позволило установить приемлемые возрастные границы для опроса детей; трудности, которые испытывают дети-участники оценки; условия и процедуры опроса детей; сформулировать предварительные выводы относительно благополучия детей – как ключевого субъективного фактора. В исследовании приняли участие 517 воспитанников детских учреждений (215 в Санкт-Петербурге, 124 в Екатеринбурге и 178 в Республике Башкортостан). Общее количество детских домов, принявших участие в пилотном проекте, составило 21 (9 в Санкт-Петербурге, 6 в Екатеринбурге и 6 в Республике Башкортостан). В выводах исследования представлено заключение об успешности применения выбранной методологии и о некоторых результатах оценки благополучия и соблюдения прав детей [1].

Отношение к детям, как к полноправному партнёру в области принятия решений, является важным шагом принятия европейских и общечеловеческих ценностей по соблюдению прав детей. Участие в принятии решений способствует формированию у детей активной гражданской позиции, росту потребности участия в жизни гражданского общества, развитию чувства собственного достоинства, способности брать на себя ответственность, повышению качества жизни детского и взрослого населения, защите их прав, свобод и законных интересов.

Авторы статьи видят следующие пути развития участия детей в оценке в России:

1. Вовлекать детей как активных участников исследования, а не как просто источников данных. Основываясь на результатах зарубежного опыта, можно говорить о том, что ребенок способен принимать участие практически на всех этапах исследований от дизайна до распространения результатов.

2. Развивать «истинное» участие без манипуляций со стороны взрослых, особенно важно участие детей из маргинальных групп.

3. Рассматривать возможности интеграции участия ребенка не только в оценке, но и во всем цикле социального проектирования.

4. Разрабатывать методологические инструменты для участия детей в исследованиях и оценке.

5. Проводить дальнейшее исследование влияния участия в оценке на психологическое развитие детей в культурном контексте России.

Заключение

Активное вовлечение детей как конечных благополучателей социальных и образовательных услуг в процесс принятия решений является значимой социальной инновацией, значимо расширяет сферу общественного участия в принятии управленческих решений в интересах различных социально-демографических групп и сокращает масштабы дискриминации по возрастному признаку при принятии решений. Участие детей в оценке качества и эффективности оказываемых государством медицинских, образовательных и социальных услуг послужит стимулом для создания доброжелательной по отношению к детям среды, сделает существенный вклад в развитие толерантности и снижение дискриминации по отношению к детям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Благополучие и соблюдение прав детей-сирот [Электронный ресурс]: Руководство по проведению опроса детей и отчет о пилотном исследовании / Русакова М.М., Одинокоева В.А., Захарова Ю.П. // Семья детям. Санкт-Петербург: ООО СПСБН «Стеллит», 2015. 124 с. URL: http://www.family2children.ru/upload/file/Methodichka_Blagopoluchie_sobludenie_Prav_detei_S.pdf (дата обращения: 09.06.2016).
2. Вазир Р., ван Оуденховен Н. Новое детство [Электронный ресурс]: Как изменились условия и потребности жизни детей. Москва: Университетская книга 2010. 200 с. URL: <http://psyjournals.ru/newchildhood/issue/56320.shtml> (дата обращения: 30.03.2016)
3. Драгункина З.Ф. Реализация Национальной стратегии действий в интересах детей должна быть продолжена и после 2017 года // Психологическая наука и образование. 2016. Том 21. № 1. С. 11–14. doi:10.17759/pse.2016210102
4. Заявление о направлениях развития оценки социальных проектов и программ в сфере детства [Электронный ресурс] / Под ред. Шмидт В. // Общие принципы в оценке социальных результатов программ в сфере защиты детства. 2015. 23 с. URL: <http://socialimp.files.wordpress.com/2013/02/d0bfd180d0bed0b3d180d0b0d0bcd0bcd0bdd0be5d0b5-d0b7d0b0d18fd0b2d0bbd0b5d0bdd0b8d0b5-04-02.pdf> (дата обращения: 09.06.2016).
5. Знание школьниками Москвы собственных прав и способов их защиты / Калабихина И.Е. [и др.] М.: ЮНИСЕФ, 2009. 256 с.
6. Калабихина И.Е., Ионцева С., Козлов В. Анализ моделей участия детей в процессах принятия решений по вопросам, затрагивающим интересы ребенка (на примере российских городов, присоединившихся к инициативе ЮНИСЕФ «Города, доброжелательные к детям»). М.: ЮНИСЕФ, 2010. 148 с.
7. Методические рекомендации по развитию участия детей в принятии решений, затрагивающих их интересы, в муниципальных образованиях [Электронный ресурс] / Под науч. ред. д.э.н. И.Е. Калабихиной М.: Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, 2014. 114 р. URL: <http://59313s018.edusite.ru/DswMedia/metodicheskie-rekomendacii-po-razvitiyu-uchastiya-detey-v-prinyatii-resheniy-zatravigivayushaix-ix-interesy-i-v-municipal-niux-obrazovaniya.pdf> (дата обращения: 10.06.2016).

8. Мид М. Культура и мир детства М.: Наука, 1988. 429 с.
9. Новикова Е.М., Базина О.А. Социальные исследования детей и молодежи [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2012. Том 1. № 2. С. 61–71. URL: <http://psyjournals.ru/jmfp/2012/n2/52273.shtml> (дата обращения: 28.05.2016).
10. Поливанова К.Н. Практики развития: взросление в современном мире [Электронный ресурс] // Материалы научно-экспертного семинара «Новое детство». 2012. URL: <http://psyjournals.ru/newchildhood/issue/56292.shtml> (дата обращения: 30.03.2016).
11. Оценка программ в сфере детства [Электронный ресурс] // Об оценке просто. 2014. URL: <http://ozenka.info/about/> (дата обращения: 09.06.2016).
12. Статья 12 [Электронный ресурс] // Конвенция о правах ребенка: Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 года URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 09.06.2016).
13. Указ Президента России от 1 июня 2012 года № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» [Электронный ресурс] // ГАРАНТ: Информационно-правовое обеспечение. URL: <http://base.garant.ru/70183566/> (дата обращения: 10.06.2016).
14. Шейнов В.П. Ассертивное поведение: преимущества и восприятие [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2014. Том 3. № 2. С. 107–120. URL: <http://psyjournals.ru/jmfp/2014/n2/70122.shtml> (дата обращения: 28.05.2016).
15. Этический кодекс в области оценки социальных программ, проектов и услуг в сфере детства [Электронный ресурс] // Об оценке просто. 2014. 7 с. URL: http://ozenka.info/usefuldata/metodics/eticheskij_kodeks/309_file_1.pdf (дата обращения: 09.06.2016).
16. Ardoin N.M., Castrechini S., Hofstedt M.K. Youth–community–university partnerships and sense of place: two case studies of youth participatory action research [Электронный ресурс] // Children’s Geographies. 2014. Vol. 12. № 4. P. 479–496. doi:10.1080/14733285.2013.827872
17. Bertozzi R.A Participatory approach to research with migrant working adolescents // Migration Letters. 2010. Vol. 7. № 1. P. 57–67.
18. Blazek M., Hraňová P. Emerging relationships and diverse motivations and benefits in participatory video with young people // Children’s Geographies. 2010. Vol. 10. № 2. P. 151–168. doi:10.1080/14733285.2012.667917
19. Chen P., Weiss F.L., Nicholson H.J. Girls Study Girls Inc.: Engaging girls in evaluation through participatory action research // American Journal of Community Psychology. 2010. Vol. 46. № 1–2. P. 228–37. doi: 10.1007/s10464-010-9328-7
20. Community-based participatory research: Lessons learned from the centers for children’s environmental health and disease prevention research [Электронный ресурс] / Israel B.A., [et al.] // Environmental Health Perspectives. 2005. Vol. 113. № 10. P. 1463–1471. URL: <http://www.jstor.org/stable/3436118> (дата обращения: 10.06.2016).
21. Conrad D. Education and Social Innovation: The youth uncensored project – A case study of youth participatory research and cultural democracy in action // Canadian Journal of Education. 2015. Vol. 38. № 1. P. 1–25.
22. Elkind D. School and family in the postmodern world // Journal Phi Delta Kappan. 1995. Vol. 77. № 1. P. 8–14.
23. Engaging and sustaining adolescents in community-based participatory research: Structuring a youth-friendly community-based participatory research environment / M. Merves, [et al.] // Family & Community Health. 2015. Vol. 38. № 1. P. 22–32. doi: 10.1097/FCH.0000000000000057
24. Engaging homeless youth in community-based participatory research: A case study from Skid Row, Los Angeles / A.P. Garcia., [et al.] // Health Promotion Practice. 2014. Vol. 5. № 1. P. 18–27. doi: 10.1177/1524839912472904
25. E-PAR Using technology and participatory action research to engage youth in health promotion / Flicker S., [et al.] // Action Research. 2008. Vol 6. № 3. P. 285–303. doi: 10.1177/1476750307083711
26. Expanding health literacy indigenous youth creating videos / Stewart S., [et al.] // Journal of Health Psychology. 2008. Vol. 13. № 2. P. 180–189. doi: 10.1177/1359105307086709
27. Hart R.A. Children’s participation: from tokenism to citizenship. Florence, Italy: UNICEF International Child Development Centre, 1992. 49 p.
28. Haynes K., Tanner T.M. Empowering young people and strengthening resilience: Youth-centered participatory video as a tool for climate change adaptation and disaster risk reduction // Children’s Geographies. 2015. Vol. 13. № 3. P. 357–371. doi:10.1080/14733285.2013.848599
29. Houghton C. Young people’s perspectives on participatory ethics: Agency, power and impact in domestic abuse research and policy-making // Child Abuse Review. 2015. Vol. 24. № 4. P. 235–248. doi: 10.1002/car.2407
30. Hutzel K. Reconstructing a community, reclaiming a Playground: A participatory action research study // Studies in Art Education. 2007. Vol. 48. № 3. P. 299–315. doi:10.1080/00393541.2007.11650107
31. Maglajlić R.A. Right to Know, UNICEF BiH-developing a communication strategy for the prevention of HIV/AIDS among young people through participatory action research // Child Care in Practice. 2004. Vol. 10. № 2. P.127–139. doi: 10.1080/13575270410001693358

32. *Malone K.* «The future lies in our hands»: Children as researchers and environmental change agents in designing a child-friendly neighborhood // *Local Environment*. 2013. Vol. 18. № 3. P. 372–395. doi: 10.1080/13549839.2012.719020
33. *Mathews J.R., Mathews T.L., Mwaja E.* «Girls Take Charge»: A community-based participatory research program for adolescent girls // *Progress in Community Health Partnerships*. 2010. Vol. 4. № 1. P. 17–24. doi: 10.1353/cpr.0.0101
34. *Minkler M., Wallerstein N.* Community-based participatory research for health from process to outcomes. 2008, San Francisco, CA: Jossey-Bass. 546 p.
35. *Morsillo J., Prilleltensky I.* Social action with youth: Interventions, evaluation, and psychopolitical validity // *Journal of Community Psychology*. 2007. Vol. 35. № 6. P. 725–740. doi: 10.1002/jcop.20175
36. Participatory action research and city youth: Methodological insights from the Council of Youth Research / M.A. Bautista, [et al.] // *Teachers College Record*. 2013. Vol. 115. № 10. P. 1–18.
37. Participatory photo mapping (PPM): Exploring an integrated method for health and place research with young people / S.F. Dennis, [et al.] // *Health & Place*. 2008. Vol. 15. № 2. P. 466–473. doi: 10.1016/j.healthplace.2008.08.004
38. *Reich S.M., Kay J.S., Lin G.C.* Nourishing a partnership to improve middle school lunch options: A community-based participatory research project // *Family & Community Health*. 2015. Vol. 38. № 1. P. 77–86. doi: 10.1097/FCH.0000000000000055
39. *Ren J.Y., Langhout R D.* A Recess Evaluation with the players: Taking steps toward participatory action research // *American Journal of Community Psychology*. 2010. Vol. 46. № 1–2. P. 124–38. doi: 10.1007/s10464-010-9320-2
40. *Ross L.* Sustaining youth participation in a Long-term Tobacco Control Initiative: Consideration of a social justice perspective // *Youth & Society*. 2011. Vol. 43. № 2. P. 681–704. doi: 10.1177/0044118X10366672
41. Taking the long view: temporal considerations in the ethics of children’s research activity and knowledge production / Hampshire K., [et al.] // *Children’s Geographies*. 2012. Vol. 10. № 2. P. 219–232. doi: 10.1080/14733285.2012.667921
42. *Torraco R.J.* Writing integrative literature reviews: Guidelines and examples // *Human Resource Development Review*. 2005. Vol. 4. № 3. P. 356–367. doi: 10.1177/1534484305278283
43. *Wartenweiler D., Mansukhani R.* Participatory action research with Filipino street youth: Their voice and action against corporal punishment // *Child Abuse Review*. 2015. doi: 10.1002/car.2421
44. *Whittemore R., Knafl K.* The integrative review: Updated methodology // *Journal of Advanced Nursing*. 2005. Vol. 52. № 5. P. 546–553. doi: 10.1111/j.1365-2648.2005.03621.x
45. Youths as partners in a community participatory project for substance use prevention / P.A. Kulbok, [et al.] // *Family & Community Health*. 2015. Vol. 38. № 1. P. 3–11. doi: 10.1097/FCH.0000000000000061
46. *Zeng E.J., Silverstein L.B.* China earthquake relief: Participatory action work with children // *School Psychology International*. 2011. Vol. 32. № 5. P. 498–511. doi: 10.1177/0143034311402921

System analysis of evidences of the impact of child involvement in evaluating social programs on their psychological development

Shamrova D.P.,

*doctoral candidate of the School of Social Work, University of Michigan, East Lansing, USA,
shamrova@msu.edu*

Tikhomirova A.V.,

*the head of the scientific-research center for probative social design, Moscow State University of Psychology and Education,
Moscow, Russia,
nutih@mail.ru*

Podushkina T.G.,

*senior research fellow of the scientific-research center for probative social design, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia,
podushkina@mail.ru*

This article discusses the development of children's participation in the evaluation of social programs and evidences of the positive impact of this kind of participation on the psychological development of children. The article includes the overview of 27 foreign studies concerning children and organizing the evidences of the impact provided by the child participatory behavior on his/her psychological development. The review shows that inclusion of children in the evaluation program can contribute to positive development of theirs. The authors also discuss the inclusion of children in the evaluation of social projects and programs, and the opportunity for development of this practice in Russia.

Keywords: evaluation with child participation, research involving the child, a systematic review of the evidence, child psychological development.

REFERENCES

1. Blagopoluchie i soblyudeniye prav detei-sirot [Electronic resource] [The well-being and rights of orphans]: Rukovodstvo po provedeniyu oprosa detei i otchet o pilotnom issledovanii. M.M. Rusakova, V.A. Odinkova, Yu.P. Zakharova. *Sem'ya detyam [Family children]*. Sankt-Peterburg: ROO SPSBN «Stellit», 2015. 124 p. Available at: http://www.family2children.ru/upload/file/Metodichka_Blagopoluchie_soblyudeniye_Prav_detei_S.pdf (Accessed 09.06.2016). (In Russ.).
2. Vazir R., van Oudenkoven N. Novoe detstvo [Electronic resource] [New childhood]: Kak izmenilis' usloviya i potrebnosti zhizni detei. Moscow: Universitetskaya kniga 2010. 200 s. Available at: <http://psyjournals.ru/newchildhood/issue/56320.shtml> (Accessed 30.03.2016). (In Russ.).
3. Dragunkina Z.F. Realizatsiya Natsional'noi strategii deistvii v interesakh detei dolzhna byt' prodolzheni i posle 2017 goda [Implementation of the National Strategy on Action for Children Should be Continued after 2017]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education]*, 2016. Vol. 21, no. 1, pp. 11–14. doi:10.17759/pse.2016210102. (In Russ. Abstr. in Engl.).
4. Zayavlenie o napravleniyakh razvitiya otsenki sotsial'nykh proektov i programm v sfere detstva [Electronic resource] [The application for directions of assessment of social projects and programs in the field of childhood]. V. Shmidt, ed. *Obshchie printsipy v otsenke sotsial'nykh rezul'tatov programm v sfere zashchity detstva [General principles for the assessment of the results of social programs in the field of child protection]*. 2015, 23 p. Available at: <http://socialimp.files.wordpress.com/2013/02/d0bfd180d0bed0b3d180d0b0d0bcd0bcd0b0d0bed0b5-d0b7d0b0d18fd0b2d0bbd0b5d0bdd0b8d0b5-04-02.pdf> (Accessed 09.06.2016). (In Russ.).
5. Znanie shkol'nikami Moskvy sobstvennykh prav i sposobov ikh zashchity [Knowledge of the students of Moscow of their rights and ways of their protection]. I.E. Kalabikhina, [et al.] Moscow: UNISEF, 2009. 256 p.
6. Kalabikhina I.E., Iontseva S., Kozlov V. Analiz modelei uchastiya detei v protsessakh prinyatiya reshenii po voprosam, zatragivayushchim interesy rebenka (na primere rossiiskikh gorodov, prisoyedinivshikhsya k initsiative YuNISEF «Goroda, dobrozhelatel'nye k detyam») [Analysis of models of children's participation in decision-making on matters affecting the interests of the child (for example, the Russian cities that have joined the initiative of UNICEF «Friendly Cities for Children»)]. Moscow: YuNISEF, 2010. 148 p.
7. Metodicheskie rekomendatsii po razvitiyu uchastiya detei v prinyatii reshenii, zatragivayushchikh ikh interesy, v munitsipal'nykh obrazovaniyakh [Electronic resource] [Guidelines on the development of children's participation in decisions that affect them, in the municipalities]. I.E. Kalabikhina, ed. Moscow: Fond podderzhki detei, nakhodyashchikhsya

- v trudnoi zhiznennoi situatsii, 2014. 114 p. Available at: <http://59313s018.edusite.ru/DswMedia/metodicheskie-rekomendacii-po-razvitiyu-uchastiya-detey-v-prinyatii-resheniy-zatragivayushaix-ix-interesy-i-v-municipal-nyix-obrazovaniya.pdf> (Accessed: 10.06.2016).
8. Mid M. Kul'tura i mir detstva [Culture and World Childhood]. Moscow: Nauka, 1988. 429 p.
  9. Novikova E.M., Bazina O.A. Sotsial'nye issledovaniya detei i molodezhi [Electronic resource] [Social research of children and youth]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya [Journal of Modern Foreign Psychology]*. 2012, tom 1, no. 2, pp. 61–71. Available at: <http://psyjournals.ru/jmfp/2012/n2/52273.shtml> (Accessed 28.05.2016). (In Russ., Abstr. in Engl.).
  10. Polivanova K.N. Praktiki razvitiya: vzroslenie v sovremennom mire [Electronic resource] [Practice development: growing up in the modern world]. *Materialy nauchno-ekspertnogo seminara «Novoe detstvo» [Proceedings of the expert workshop «New Childhood»]*. 2012. Available at: <http://psyjournals.ru/newchildhood/issue/56292.shtml> (Accessed 30.03.2016). (In Russ.).
  11. Otsenka programm v sfere detstva [Electronic resource] [Evaluation in the field of childhood programs]. *Ob otsenke prosto [On estimating simple]*. 2014. Available at: <http://ozenka.info/about/> (Accessed 09.06.2016).
  12. Stat'ya 12 [Electronic resource] [Article 12]. *Konventsia o pravakh rebenka: Prinyata rezolyutsiei 44/25 General'noi Assamblei ot 20 noyabrya 1989 goda [Convention on the Rights of the Child: Adopted by General Assembly resolution 44/25 of 20 November 1989]*. Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (Accessed 09.06.2016).
  13. Ukaz Prezidenta Rossii ot 1 iyunya 2012 goda №761 «O Natsional'noi strategii deistvii v interesakh detei na 2012–2017 gody» [Electronic resource] [Decree of the President of Russia on June 1, 2012, no. 761 «On the National Action Strategy for Children 2012–2017»]. *Garant.ru*. Available at: <http://base.garant.ru/70183566/> (Accessed 10.06.2016).
  14. Sheinov V.P. Assertivnoe povedenie: preimushchestva i vospriyatie [Electronic resource] [Assertive behavior: perceptions of the benefits and]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya [Journal of Modern Foreign Psychology]*, 2014. Vol. 3, no. 2, pp. 107–120. Available at: <http://psyjournals.ru/jmfp/2014/n2/70122.shtml> (Accessed 28.05.2016). (In Russ., Abstr. in Engl.).
  15. Eticheskii kodeks uchastiya detei v otsenke proektov i programm [Electronic resource] [The Code of Ethics of children's participation in the evaluation of projects and programs]. *Ob otsenke prosto [On estimating simple]*, 2014. 7 p. Available at: http://ozenka.info/usefuldata/metodics/eticheskii_kodeks/309_file_1.pdf (Accessed 09.06.2016).
  16. Ardoin N.M., Castrechini S., Hofstedt M.K. Youth–community–university partnerships and sense of place: Two case studies of youth participatory action research. *Children's Geographies*, 2014. Vol. 12, no. 4, pp. 479–496. doi:10.1080/14733285.2013.827872
  17. Bertozzi R.A. Participatory approach to research with migrant working adolescents. *Migration Letters*, 2010. Vol. 7, no. 1, pp. 57–67.
  18. Blazek M., Hraňová P. Emerging relationships and diverse motivations and benefits in participatory video with young people. *Children's Geographies*, 2010. Vol. 10, no 2, pp. 151–168. doi:10.1080/14733285.2012.667917
  19. Chen P., Weiss F.L., Nicholson H.J. Girls Study Girls Inc.: Engaging girls in evaluation through participatory action research. *American Journal of Community Psychology*, 2010. Vol. 46, no. 1-2, pp. 228–37. doi: 10.1007/s10464-010-9328-7
  20. Community-based participatory research [Electronic resource]: Lessons learned from the centers for children's environmental health and disease prevention research. B.A. Israel, [et al.]. *Environmental Health Perspectives*, 2005. Vol. 113, no. 10, pp. 1463–1471. URL: <http://www.jstor.org/stable/3436118> (дата обращения: 10.06.2016).
  21. Conrad D. Education and Social Innovation: The youth uncensored project – A case study of youth participatory research and cultural democracy in action. *Canadian Journal of Education*, 2015. Vol. 38, no. 1, pp. 1–25.
  22. Elkind D. School and family in the postmodern world. *Journal Phi Delta Kappan*, 1995. Vol. 77, no. 1, pp. 8–14.
  23. Engaging and sustaining adolescents in community-based participatory research: Structuring a youth-friendly community-based participatory research environment. M. Merves, [et al.]. *Family & Community Health*, 2015. Vol. 38, no. 1, pp. 22–32. doi: 10.1097/FCH.0000000000000057
  24. Engaging homeless youth in community-based participatory research: A case study from Skid Row, Los Angeles. A.P. Garcia, [et al.]. *Health Promotion Practice*, 2014. Vol. 5, no. 1, pp. 18–27. doi: 10.1177/1524839912472904
  25. E-PAR Using technology and participatory action research to engage youth in health promotion. S. Flicker, [et al.]. *Action Research*, 2008, vol 6, no. 3, pp. 285–303. doi: 10.1177/1476750307083711
  26. Expanding health literacy indigenous youth creating videos. S. Stewart, [et al.]. *Journal of Health Psychology*, 2008. Vol. 13, no. 2, pp. 180–189. doi: 10.1177/1359105307086709
  27. Hart R.A. Children's participation: from tokenism to citizenship. Florence, Italy: UNICEF International Child Development Centre, 1992, 49 p.
  28. Haynes K., Tanner T.M. Empowering young people and strengthening resilience: Youth-centered participatory video as a tool for climate change adaptation and disaster risk reduction. *Children's Geographies*, 2015. Vol. 13, no. 3, pp. 357–371. doi:10.1080/14733285.2013.848599
  29. Houghton C. Young people's perspectives on participatory ethics: Agency, power and impact in domestic abuse research and policy-making. *Child Abuse Review*, 2015. Vol. 24, no. 4, pp. 235–248. doi: 10.1002/car.2407
  30. Hutzell K. Reconstructing a community, reclaiming a Playground: A participatory action research study. *Studies in Art Education*, 2007. Vol. 48, no. 3, pp. 299–315. doi:10.1080/00393541.2007.11650107

31. Maglajlić R.A. Right to Know, UNICEF BiH—developing a communication strategy for the prevention of HIV/AIDS among young people through participatory action research. *Child Care in Practice*, 2004. Vol. 10, no. 2, pp.127–139. doi:10.1080/13575270410001693358
32. Malone K. «The future lies in our hands»: Children as researchers and environmental change agents in designing a child-friendly neighborhood. *Local Environment*, 2013. Vol. 18, no. 3, pp. 372–395. doi: 10.1080/13549839.2012.719020
33. Mathews J.R., Mathews T.L., Mwaja E. “Girls Take Charge”: A community-based participatory research program for adolescent girls. *Progress in Community Health Partnerships*, 2010. Vol. 4, no. 1, pp. 17–24. doi: 10.1353/cpr.0.0101
34. Minkler M., Wallerstein N. Community-based participatory research for health from process to outcomes. San Francisco, CA: Jossey-Bass, 2008. 546 p.
35. Morsillo J., Prilleltensky I. Social action with youth: Interventions, evaluation, and psychopolitical validity. *Journal of Community Psychology*, 2007. Vol. 35, no. 6, pp. 725–740. doi: 10.1002/jcop.20175
36. Participatory action research and city youth: Methodological insights from the Council of Youth Research / Bautista M.A., [et al.]. *Teachers College Record*, 2013. Vol. 115, no. 10, pp. 1–18.
37. Participatory photo mapping (PPM): Exploring an integrated method for health and place research with young people. Dennis S.F., [et al.]. *Health & Place*, 2008. Vol. 15, no. 2, pp. 466–473. doi:10.1016/j.healthplace.2008.08.004
38. Reich S.M., Kay J.S., Lin G.C. Nourishing a partnership to improve middle school lunch options: A community-based participatory research project. *Family & Community Health*, 2015. Vol. 38, no. 1, pp. 77–86. doi: 10.1097/FCH.0000000000000055
39. Ren J.Y., Langhout R D. A Recess Evaluation with the players: Taking steps toward participatory action research. *American Journal of Community Psychology*, 2010. Vol. 46, no. 1–2, pp. 124–38. doi: 10.1007/s10464-010-9320-2
40. Ross L. Sustaining youth participation in a Long-term Tobacco Control Initiative: Consideration of a social justice perspective. *Youth & Society*, 2011. Vol. 43, no. 2, pp. 681–704. doi: 10.1177/0044118X10366672
41. Taking the long view: temporal considerations in the ethics of children’s research activity and knowledge production / Hampshire K., [et al.]. *Children’s Geographies*, 2012. Vol. 10, no. 2. pp. 219–232. doi: 10.1080/14733285.2012.667921
42. Torraco R.J. Writing integrative literature reviews: Guidelines and examples. *Human Resource Development Review*, 2005. Vol. 4, no. 3, pp. 356–367. doi: 10.1177/1534484305278283
43. Wartenweiler D., Mansukhani R. Participatory action research with Filipino street youth: Their voice and action against corporal punishment. *Child Abuse Review*, 2015. doi: 10.1002/car.2421
44. Whittemore R., Knafl K. The integrative review: Updated methodology. *Journal of Advanced Nursing*, 2005. Vol. 52, no. 5, pp. 546–553. doi: 10.1111/j.1365-2648.2005.03621.x
45. Youths as partners in a community participatory project for substance use prevention / P.A. Kulbok, [et al.]. *Family & Community Health*, 2015. Vol. 38, no. 1, pp. 3–11. doi: 10.1097/FCH.0000000000000061
46. Zeng E.J., Silverstein L.B. China earthquake relief: Participatory action work with children. *School Psychology International*, 2011. Vol. 32, no. 5, pp. 498–511. doi: 10.1177/0143034311402921

Зарубежные исследования феномена эгоцентризма и социально-политических установок детей и подростков в современном социуме

Поляков П.В.,

студент факультета «Психология образования», ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
polyakovpetr@mail.ru

Статья посвящена анализу зарубежных публикаций, в которых рассматривается феномен подросткового эгоцентризма и социально-политических установок современных подростков. Статья состоит из двух частей. В первой части представлен обзор исследований подросткового эгоцентризма в ситуации школьного обучения, в нравственном развитии личности; отмечено отсутствие гендерных различий в проявлениях эгоцентризма у обследованных подростков (США, ЮАР). Эгоцентризм рассмотрен как альтернатива теории децентрации по Дж. Миду. Во второй части статьи по материалам зарубежных публикаций дан обзор политических интересов подрастающего поколения; представлены исследования вовлеченности подростков в общественную жизнь и их политическая идентичность. Рецензируемые статьи зарубежных авторов опубликованы в 2010–2015 годах.

Ключевые слова: эгоцентризм, подростки, воображаемая аудитория, личный миф, политическая идентичность, моральная идентичность.

Для цитаты:

Поляков П.В. Зарубежные исследования феномена эгоцентризма и социально-политических установок детей и подростков в современном социуме [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2016. Том 5. №2. С. 51–54. doi: 10.17759/jmfp.2016050206

For citation:

Polyakov P.V. Foreign studies of the phenomenon of egocentrism and socio-political attitudes of children and adolescents in modern society [Elektronnyi resurs]. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 2016, vol. 5, no. 2, pp. 51–54. doi: 10.17759/jmfp.2016050206 (In Russ., Abstr. in Engl.).

Феномен эгоцентризма, открытый в XX веке Ж. Пиаже, изучался в России Л.С. Выготским, Д.Б. Элькониным, П.Я. Гальпериным, Л.Ф. Обуховой, А.В. Фокиной, Т.В. Рябовой, Т.И. Пашуковой и др., за рубежом – англоязычными учеными М. Дональдсон, Д. Элкингом, Р. Энрайтом и многими другими. Проблема социально-политических установок и, в частности, политических интересов современных подростков, не столь широко освещена в нашей стране, исключение составляют работы В.С. Собкина [1]. Зарубежные ученые успешно работают в этой области и публикуют свои исследования в ведущих журналах.

Дж. Бестер (G. Bester) из ЮАР, в статье «Adolescent egocentrism in a learning context» («Подростковый эгоцентризм в контексте обучения») проанализировал следующую проблему: может ли эгоцентризм зависеть от ситуации, в которой находится подросток? Автор работал со школьниками с 8-го по 12-й классы. В исследовании было поставлено три задачи:

1) установить связь проявлений эгоцентричного поведения учеников с их школьной успеваемостью и достижениями;

2) определить, существуют ли гендерные различия в эгоцентричном поведении учащихся;

3) выяснить, существуют ли различия в эгоцентричном поведении между учениками разных годов обучения, от восьмого класса до окончания школы.

В исследовании Дж. Бестер использовал хорошо известный опросник Энрайта, который позволил выя-

вить и измерить такие характеристики личностного эгоцентризма, как «воображаемая аудитория», «личный миф» и «сфокусированность на себе». Было показано, что эгоцентрическое поведение существенно влияет на отношение к школьным успехам и достижениям. Установлено, что уровень эгоцентризма в старших классах значительно выше, чем в младших. По мнению автора, эгоцентризм вряд ли резко уменьшится при поступлении выпускника школы в высшее учебное заведение. Автор рекомендует продолжить анализ динамики эгоцентризма у студентов институтов и университетов. Гендерных различий в проявлениях эгоцентризма выявлено не было. В дополнение к уже изученным в литературе характеристикам эгоцентризма («воображаемая аудитория» и «личный миф») автор предложил использовать термин «переоценка собственной ответственности» [2, с. 394]. Данный термин органично вписывается в контекст обучения, так как обозначает тенденцию подростка считать свои собственные обязанности и выполняемую им работу более значимой, чем работу других.

В статье американских ученых Дж. Мартина (J. Martin) и Б. Сокола (B. Sokol) под названием «Generalized others and imaginary audiences: A neo-Meadian approach to adolescent egocentrism» («Обобщенные другие и воображаемая аудитория: неомидовский подход в изучении подросткового эгоцентризма») сделана попытка по-новому взглянуть на эгоцентрические феномены. Их, по мнению авторов,

следует интерпретировать не с точки зрения мыслительной дисфункции, а с точки зрения попытки подростка приспособиться и скоординировать свои представления об усложняющихся межличностных отношениях и социокультурных условиях. Для раскрытия данной проблемы используется оригинальный подход Джорджа Мида, базирующийся на идее развития психики, индивидуальности и психологической жизни через взаимодействие детей и подростков с другими людьми [6, с. 369]. В данном подходе авторы указывают на то, что феномен «воображаемая аудитория» стимулирует формирование образа «обобщенного другого» для скорейшего усвоения подростком перспектив будущего окружающего мира и отношений в нем. Эта особенность позволяет интерпретировать нео-мидовский подход как альтернативу теории децентрации.

Данное видение проблемы подросткового эгоцентризма отличается гуманистической направленностью и новизной, так как в большинстве отечественных и зарубежных исследований феномен эгоцентризма рассматривается в контексте преодоления сложностей, возникающих в результате воспитания и умственного развития.

Критический взгляд на теорию Джона Гиббса (J. Gibbs) об эгоцентризме в нравственном развитии излагается в статье Дж. Бум (J. Boom) «Egocentrism in moral development: Gibbs, Piaget, Kohlberg» («Эгоцентризм в нравственном развитии: Гиббс, Пиаже, Колберг»). Реконструируя теорию Дж. Гиббса, его использование идей Ж. Пиаже и Б. Инельдер, автор обнаруживает некоторые проблемные точки, на которые он обращает внимание. Исходя из предположения, что теория Дж. Гиббса развивает идеи Л. Колберга о моральном развитии в онтогенезе личности, автор статьи указывает на ряд противоречий. Дж. Гиббсу не удалось использовать потенциал теории Пиаже в полном объеме, т.к. он не учел того, что преодоление эгоцентризма является важным этапом на всех стадиях развития интеллекта от сенсомоторного периода до периода формального мышления [8]. Дж. Бум соглашается с Гиббсом в том, что в нравственном развитии все люди связаны между собой. Корни этой связи кроются в том, что человек просто не может актуализоваться и развиваться в изоляции, вне общества, (согласно Хабермасу и Миду). Поэтому, автор полагает, что Гиббсу следует более строго придерживаться линии аргументов Ж. Пиаже для создания более логичной точки зрения относительно морально-нравственного развития.

Вторая часть статьи содержит обзор работ ученых из Португалии и США, посвященных проблеме вовлеченности детей и подростков в гражданскую и политическую жизнь общества.

Цель португальских ученых-исследователей Терезы Сильва Диас (Teresa Silva Dias) и Изабеллы Менезис (Isabel Menezis) — понять развитие политической мысли и, в частности, как дети постигают понятие гражданства и вовлекаются в общественную жизнь.

В статье «Children and adolescents as political actors: Collective visions of politics and citizenship» («Дети и подростки как политические деятели: коллективное видение политики и гражданства») отмечается, что с точки зрения детей и подростков, политической моделью общества должна быть демократия. Для понимания механизмов развития политической мысли у молодого поколения авторы использовали два подхода. Первый подход опирается на концепцию Пиаже о когнитивном развитии человека, которая позволяет предположить, что развитие политических представлений, политической идентичности и предпочтений зависит от стадии развития интеллекта [7]. Второй подход опирается на понимание гражданства как инструмента для формирования политической идентичности и вовлеченности в общественную жизнь.

Их интересует вопрос: когда именно происходит зарождение политических представлений и понятия гражданства? Для исследования был выбран метод групповых дискуссий, основанный на методике Адельсон (Adelson). Перед группой участников в форме рассказа ставилась проблемная ситуация. Испытуемые попадают на необитаемый остров, с минимумом условий для выживания. На острове находится тысяча человек различных национальностей. Задача состояла в том, чтобы решить, как они будут жить и выживать в данных условиях. Участниками данного исследования были 97 детей, в возрасте от пяти до четырнадцати лет. Это позволяло выявить и проанализировать процесс формирования политических представлений и понятия гражданства у детей разных возрастов — от дошкольного до подросткового [4, с. 256]. Исследование позволяет раскрыть процесс развития политической мысли, который начинается еще до школьного обучения. Оно также показывает, что эволюция понятия гражданства и вовлеченности в общественную жизнь происходит параллельно. Широко использовавшийся метод обсуждения в фокус-группах показал, что даже пятилетние дети способны к самоорганизации на уровне демократического сообщества, соответственно своему пониманию жизни. С возрастом это понимание становится структурированным, широким и более сложным, отражая как интеллектуальное, так и политическое развитие человека. Благодаря методике Адельсон, авторы пришли к следующему выводу — активное участие в диалогах, диспутах, спорах, участие в обсуждении проблемных ситуаций может быть гораздо более эффективным, чем просто лекции на тему гражданства, политики и демократии.

Американский психолог Портер Тенель Дж. (Porter Tenelle J.) в статье «Moral and political identity and civic involvement in adolescents» («Моральная и политическая идентичность и гражданская вовлеченность подростков») рассмотрела различные подходы к пониманию моральной (нравственной) и политической идентичности. Изучалось понятие гражданской деятельности (civic action) в различных областях жизни подростков. Автор анализировала волонтерство, политические

протесты и акции. В процессе изучения моральной и политической идентичности, было отмечено, что молодые люди могут относиться к политике критически. В качестве примера приводился опрос, проведенный американским ученым (Walker, 2000), в котором он попросил своих учеников описать политику такой, какой они ее видят. Ученики описывали ее как «грязную, коррумпированную, нечестную, медленную, продажную» [9, с. 242], в то время как общественная (волонтерская) работа описывалась как «альтруистичная, великодушная, помогающая, самоотверженная». Учитывая этот факт, можно предположить, что нравственная идентичность по-разному будет влиять на вовлеченность в политическую и неполитическую деятельность. В исследовании Тенель Дж. Портер искала ответы на следующие вопросы:

- каковы отношения между нравственной и политической идентичностью подростков и их гражданской деятельностью в целом?
- каковы отношения между нравственной и политической идентичностью у подростков и их политической и неполитической деятельностью.

По результатам исследования можно судить, что подростки сильнее вовлечены в сферу волонтерской, чем в сферу политической деятельности. Моральная и политическая идентичность оказывает положительное влияние на общий уровень вовлеченности в обще-

ственную жизнь. Политическая идентичность (отождествление себя с политической группой и лидером, принятие их убеждений и идеологии) положительно связана с уровнем политической вовлеченности, но с неполитической деятельностью она практически не связана. Моральная идентичность (убеждения и ценности, важные для каждого конкретного индивида) положительно связана со сферой профессиональной деятельности и экспрессивным политическим вовлечением, но отрицательно соотносится с традиционной политической ориентацией. Под экспрессивным политическим вовлечением имеется в виду политическая агитация, использующая личные мотивы и убеждения людей для их привлечения на сторону определенного политического деятеля или партии.

Подводя итоги, можно сделать несколько выводов:

- В зарубежной психологии исследования эгоцентрических феноменов становятся все более практико-ориентированными.
- В современной науке возникают новые теории и концепции исследования и понимания эгоцентрических феноменов.
- Как показывают исследования, область социально-политических установок подрастающего поколения представляет собой не менее значимую проблему для развития социально-зрелой личности в быстро меняющейся мировой социально-политической обстановке.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Собкин В.С.* Старшеклассник в мире политики. Эмпирическое исследование. М.: ЦСО РАО, 1997. 318 с.
2. *Bester G.* Adolescent egocentrism in a learning context // *Africa Education Review*. 2013. Vol. 10. № 3. P. 393–409. doi: 10.1080/18146627.2013.853537
3. *Boom J.* Egocentrism in moral development: Gibbs, Piaget, Kohlberg: Cognitive Robotics and Reevaluation of Piaget Concept of Egocentrism / Jane Boom // *New Ideas in Psychology*. 2011. Vol. 29. № 3. P. 355–363. doi:10.1016/j.newideapsych.2010.03.007
4. *Dias T., Menezes I.* Children and adolescents as political actors: Collective visions of politics and citizenship [Электронный ресурс]: Highlighting Diversity and Intercultural Issues // *Journal of Moral Education*. 2014. Vol. 43. № 3. P. 250–268. doi: 10.1080/03057240.2014.918875
5. *Inhelder B., Piaget J.* The growth of logical thinking from childhood to adolescence. New York: Basic Books, 1958. 378 p.
6. *Martin J., Sokol B.* Generalized others and imaginary audiences: A neo-Meadian approach to adolescent egocentrism: Cognitive Robotics and Reevaluation of Piaget Concept of Egocentrism / J. Martin, B. Sokol // *New Ideas in Psychology*. 2011. Vol. 29. № 3. P. 364–375. doi: 10.1016/j.newideapsych.2010.03.006
7. *Piaget J.* The equilibration of cognitive structures: The central problem of intellectual development. Chicago: University of Chicago Press, 1985. 160 p.
8. *Piaget J.* *Etudes sociologiques*. Geneve: Librairie Droz, 1965. 202 p.
9. *Porter Tenelle J.* Moral and political identity and civic involvement in adolescents // *Journal of Moral Education*. 2013. Vol. 42. № 2. P. 239–255. doi:10.1080/03057240.2012.761133.

Foreign studies of the phenomenon of egocentrism and socio-political attitudes of children and adolescents in modern society

Polyakov P.V.,

*undergraduate of the faculty of educational psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
polyakovpetr@mail.ru*

The article is concerned with the analysis of foreign publications that discuss the phenomenon of adolescents' egocentrism and their socio-political attitudes. The article consists of two parts. The first part provides an overview of the studies of the adolescents' egocentrism in the situation of schooling and in moral development of a personality; it shows no gender differences in manifestations of egocentrism in adolescents participating in the study (United States). Egocentrism is considered as an alternative to the theory of decentration by J. Mead. In the second part of the article the materials of foreign publications are reviewed from the point of view of the political interests of the younger generation; the adolescents' involvement in public life and their political identity are presented. Peer-reviewed articles of foreign authors were published in 2010–2015.

Keywords: egocentrism, teenagers, an imaginary audience, personal myth, political identity, moral identity.

REFERENCES

1. Sobkin B.C. Starsheklassnik v mire politiki. Empiricheskoe issledovanie [High school student in the world of politics]. Moscow: TsSO RAO, 1997. 318 p.
2. Bester G. Adolescent egocentrism in a learning context. *Africa Education Review*, 2013. Vol. 10, no. 3, pp. 393–409. doi:10.1080/18146627.2013.853537
3. Boom J. Egocentrism in moral development: Gibbs, Piaget, Kohlberg: Cognitive Robotics and Reevaluation of Piaget Concept of Egocentrism. Jane Boom. *New Ideas in Psychology*, 2011. Vol. 29, no. 3, pp. 355–363. doi:10.1016/j.newideapsych.2010.03.007
4. Dias T., Menezes I. Children and adolescents as political actors: Collective visions of politics and citizenship: Highlighting Diversity and Intercultural Issues. *Journal of Moral Education*, 2014. Vol. 43, no. 3, pp. 250–268. doi:10.1080/03057240.2014.918875
5. Inhelder B., Piaget J. The growth of logical thinking from childhood to adolescence. New York: Basic Books, 1958, 378 p.
6. Martin J., Sokol B. Generalized others and imaginary audiences: A neo-Meadian approach to adolescent egocentrism: Cognitive Robotics and Reevaluation of Piaget Concept of Egocentrism. *New Ideas in Psychology*, 2011. Vol. 29, no. 3, pp. 364–375. doi:10.1016/j.newideapsych.2010.03.006
7. Piaget J. The equilibration of cognitive structures: The central problem of intellectual development. Chicago: University of Chicago Press, 1985. 160 p.
8. Piaget J. Etudes sociologiques. Geneve: Librairie Droz, 1965. 202 p.
9. Porter Tenelle J. Moral and political identity and civic involvement in adolescents. *Journal of Moral Education*, 2013. Vol. 42, no. 2, pp. 239–255. doi:10.1080/03057240.2012.761133

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ SOCIAL PSYCHOLOGY

Исследование повседневности современных подростков: присутствие в социальных сетях как неотъемлемая составляющая общения

Королева Д. О.,

младший научный сотрудник, Центр «Исследования современного детства» Институт образования
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Россия,
koroleva_dia@mail.ru

В статье представлены описания методик исследования повседневности современных подростков, одновременно фиксирующих события происходящие в реальном и виртуальном пространстве: «Дневник онлайн и оффлайн» и «15 минут». Данные пилотных исследований показали, что присутствие подростка онлайн в основном связано с общением в социальных сетях. Обнаружен факт конвергенции он- и оффлайн пространств взросления, их неразделимость самими респондентами. Благодаря активному использованию социальных сетей, современный подросток одновременно находится в разных социальных средах. Постоянная проверка новостей и сообщений в соцсетях является новым, свойственным подростковой повседневности, ритуалом. Так называемые «красные зоны», когда подросток по своему желанию отказывается от возможности «ухода» в параллельную реальность, связаны со значимыми событиями повседневности, в то время как ощущение скуки ведет к компенсации посредством «перемещения» в виртуальное пространство.

Ключевые слова: современное детство, подростковый возраст, интернет, социальная сеть, социальные медиа, мобильные технологии, дневник.

Для цитаты:

Королева Д. О. Исследование повседневности современных подростков: присутствие в социальных сетях как неотъемлемая составляющая общения [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2016. Том 5. №2. С. 55–61. doi: 10.17759/jmfp.2016050207

For citation:

Koroleva D.O. A study of the daily life of modern teenagers: the presence in social networks as an integral component of communication [Elektronnyi resurs]. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 2016, vol. 5, no. 2, pp. 55–61. doi: 10.17759/jmfp.2016050207 (In Russ., Abstr. in Engl.).

Введение

Повседневность подростка может быть рассмотрена с нескольких ракурсов: с одной стороны – это условия, создаваемые взрослыми для детей (нормативное пространство взросления), с другой – подростковая повседневность как практика, создаваемая самими подростками (реальное пространство взросления).

Говоря об исследовании пространств взросления независимо от выбранных методов – качественных, количественных, объективных, проективных, – психологическая и социальная науки сталкиваются с общей проблемой: «недоступностью» или «закрытостью» реального пространства взросления от глаз наблюдателя. Это связано с дефицитом методик, позволяющих действительно проникнуть в «подростковый мир», так как априори молодые люди в этом возрасте отдаляются от взрослых, у них проявляется нарастающая скрытность поведения. Такие основные методы получения фактов в психологии, как беседа, саморефлексия, анкетирование и др., ограничены цензурированностью ответов, отсутствием у подростка «языка» для описания происходящих с ним изменений.

Внешнему наблюдению, широко применяемому в психологии, недоступны скрываемые факты, а полученные результаты сложны в интерпретации и в любом случае оцениваются с позиции взрослого. Проективные методики выявляют только внутренние переживания индивида, связанные с событиями жизни, но не отражающие повседневность. Еще более неопределенная ситуация складывается с виртуальностью как элементом повседневности современных подростков. Молодые люди в метро и общественном транспорте в наушниках, с телефонами, жалобы учителей на постоянное присутствие гаджетов на уроке, беспокойство родителей по поводу интернет зависимости детей – все это иллюстрации, характерные для описания сегодняшней ситуации взросления подростков, но эмпирических данных, описывающих происходящие изменения, не так много.

Виртуальная и реальная жизни подростка

С появлением современных информационно-коммуникационных технологий противопоставление виртуальной жизни подростка реальной стало своего рода исследовательским трендом.

Вытеснение на периферию традиционных досуговых практик новыми компьютерно-опосредованными описано в ряде исследований [5; 1]. По наблюдениям специалистов центра «Перекресток», в Москве с улиц практически исчезли подростковые компании. Этот процесс шел одновременно с увеличением количества доступных подростку возможностей самореализации в сети [1].

Временной режим пребывания подростка в виртуальном пространстве представлен в коллективной работе [4]. В то же время, благодаря тому, что сегодняшние школьники в большинстве своем являются обладателями мобильных телефонов с выходом в интернет [Королева Д.О. 2016] можно предположить, что практики, создаваемые самими подростками онлайн и оффлайн, могут пересекаться. Подтверждение этому можно найти в зарубежных публикациях посвященных теме конвергенции виртуальной и реальной жизни современных молодых людей.

Распространенное заблуждение, что Интернет как-то радикально отделяется от повседневной жизни, изучено американскими исследователями [13]. В их статье описывается проблема традиционных этнографических конструкций, привязанных к «месту» и приводятся доводы в пользу развития этнографических методов, в основе которых лежит наблюдение и фиксация «перемещения» подростков в Интернете и в автономном режиме.

Исследователь Д. Бойд (D. Boyd) анализирует пересечение и взаимное отражение подростковых практик создаваемых в реальном и виртуальном пространствах [9]. В своей книге Бойд отмечает, что для подростков во все времена было свойственно находиться в «сетевых общественных средах» (networked publics); если для их родителей в качестве таких сред выступали парки, дворы, территория «за гаражами», то для сегодняшних молодых людей стало доступным еще одно место – социальная сеть.

Проблема дефицита методик, позволяющих получить объективные данные о поведении подростка в Сети, поднимается в работе Д. Фелдон и Я. Кафай (D.F. Feldon, Y.B. Kafai) [11]. Исследователи критикуют моно подход (mono-method studies), когда изучается только виртуальная или реальная жизнь индивида, отмечая, что для получения объективной информации необходимо использовать смешанные методы исследования и наблюдать процесс параллельно онлайн и оффлайн.

Схожий подход был реализован в исследовании использования компьютера в повседневной жизни подростков, проведенном в Швейцарии [7]. Используя драматургическую теорию И. Гофмана [Goffman, 1974, 1981] П. Арсанд (P.A. Aarsand) показал, что онлайн и оффлайн события в жизни современных юношей и девушек невозможно разделить на «основную» и «побочную» (вспомогательную) сцены, эти события для респондентов равнозначны.

Важно учитывать, что современные компьютерные и интернет-технологии развиваются чрезвычайно

динамично, появляются новые формы взаимодействия: социальные сети, форумы, мессенджеры и т.д. Также необходимо принимать во внимание влияние культурного контекста на общение в Сети.

Изучение механизмов и условий пересечения событий онлайн и оффлайн, характерных для повседневности современных российских подростков, составляет цель настоящего исследования.

Задачи исследования:

- Разработка методики изучения повседневности современных подростков фиксирующей события, происходящие в реальном и виртуальном пространстве.
- Получение актуального времени использования подростком гаджета и сервисов социальных медиа в течении дня.
- Выявление пересечений онлайн и оффлайн активностей современных подростков.
- Обнаружение причин смены режимов онлайн и оффлайн.
- Моменты и причины «выхода» в сеть.

Методика «Дневник онлайн и оффлайн»

Описание методики

С целью фиксации событий, происходящих в реальном и виртуальном пространстве взросления современного подростка, а также пересечений данных событий, разработана методика «Дневник онлайн и оффлайн».

Данная методика включает три основных части. Первая заключается в ведении подростком дневника в течении 5–7 дней, где фиксируется его повседневная жизнь и события, происходящие в реальной или виртуальной жизни. Это дневниковая методика широко применяемая в психологии, однако задачей ведения дневника является не интроспекция или наблюдение собственных психических процессов, а скорее фиксация материала для последующего анализа и обсуждения.

Вторая часть – интервью, где подробно обсуждаются события недели, описанные в дневнике, а также вместе с респондентом просматриваются и обсуждаются его профили в социальных сетях и публикации.

Выбор данной методики объясняется спецификой работы с респондентами подросткового возраста. При письменных или устных ответах подростки, как правило, дают крайне обтекаемую и общую информацию, характеризующую прошедший промежуток времени: «проснулся», «был в школе», «учился». Молодые люди зачастую не могут описать, что они делали в то или иное время. Представляется, что это связано с отсутствием «языка» описания и слабой рефлексией. Особенно ярко это заметно при попытке описать события, ненасыщенные, обыденные, не ассоциирующиеся с названиями мест и занятий и т.д. Благодаря записям в дневнике, обсуждение с респондентом строится относительно уже зафиксированных, а не абстрактных событий, информация социальных сетей дополняет материал дневника, таким образом интервью является крайне информативным. Кроме того,

удается «поймать» события происходящие онлайн и оффлайн, увидеть моменты пересечения и перехода.

Описание пилотного исследования

Пилотная группа была сформирована из 10 московских подростков—старшеклассников (5 юношей и 5 девушек 13–16 лет).

Школьникам в течение недели предлагалось вести дневник (в бумажном или электронном виде на усмотрение респондента), который представлял собой таблицу с двумя основными полями «онлайн» и «оффлайн» и подстолбцами: «событие /сцена», «место», «время» и т.д. (рис. 1). Подросток заносил в столбец «онлайн» все события, в которые он пользовался гаджетом или компьютером – обращался к интернету, общался в социальных сетях и т.д. Такие действия могли происходить как самостоятельные, отдельные, или быть параллельными оффлайн процессу. Столбец «оффлайн» отражает события, никак не связанные с использованием средств выхода в интернет.

По итогам заполнения дневника с подростком проводилось интервью, где подробнее обсуждались события недели описанные им, а также вместе с респондентом просматривался и обсуждался его профиль Вконтакте и посты за неделю.

Результаты пилотного исследования

Параллельность

Проведенное исследование показало, что онлайн и оффлайн общение современных подростков не являются изолированными процессами. Согласно анализу записей дневников большую часть дня подростки проводят перед ноутбуками, мобильными устройствами и прочими гаджетами, которые сегодня есть у большинства молодых людей (70–80% событий дневника). Онлайн активность, будь то просмотр сайтов, прослушивание музыки или общение в социальных сетях происходит параллельно с присутствием в школе на уроках, с общением с родителями, одноклассниками и друзьями, поездками в транспорте.

В качестве иллюстрации феномена пересечения онлайн и оффлайн активностей современных подростков далее представлены выдержки из интервью с участниками исследования.

Респондент: Обычно, когда я завтракаю, то есть, я приготовила завтрак, беру телефон, там, и, может быть, играю в игру и кушаю одновременно, вот. [Цитата из интервью с девушкой-подростком (13 лет) по итогам заполнения дневника].

Респондент: С 9.00 до 11.00 начались уроки, я зашел Вконтакт, слушаю, ну, уроки, школа, хорошее настроение без телефона. 11.10, сижу в столовой, пью чай с Аней, ааа, пью чай, тоже сидел Вконтакте. Ну, вот, это понятно.

Интервьюер: А на уроках не мешало тебе это? В смысле, учителя нормально к этому относятся?

Респондент: Ну, я, опять, я не так то, что сижу, он у меня, не знаю, как так назвать, просто вот так рядом и смотришь, что там происходит. 15.00 я пошел домой, ааа, опять зашел Вконтакт, зашел по дороге. [Цитата из интервью с юношей-подростком (15 лет) по итогам заполнения дневника].

Красные зоны

Материалы анализа дневников и проведенных интервью показали, что в подростковой повседневности, несмотря на обилие онлайн активностей, существуют и своего рода «красные зоны», когда подросток по своему желанию отказывается от возможности «ухода» в параллельную реальность.

Согласно анализу, подобных событий, зафиксированных в дневнике, довольно немного, как правило они связаны со значимыми событиями повседневности – когда происходит какое-то важное для респондента событие, во время общения со сверстниками и родителями, если в школе интересный или сложный урок, контрольная.

Ниже даны выдержки из интервью с подростком принимавшем участие в исследовании.

Респондент: Ну, потом я приезжаю в школу, слушаю музыку, пока иду до школы, прихожу туда, и пока я там поднимаюсь по лестнице, то есть вай-фай в школе, быстро захожу, что-то просматриваю, есть сообщения или нет, и все, вот. На уроках я обычно не пользуюсь.

Интервьюер: Ты не пользуешься интернетом?

Респондент: Если, да, ну, то есть, как бы мне незачем, либо я что-то пишу, либо я слушаю, вот, либо разговариваю с кем-то, как-то. [Цитата из интервью с девушкой-подростком (15 лет) по итогам заполнения дневника].

Скука – причина «выхода» в сеть

Анализ причин смены режимов онлайн и оффлайн и моментов «выхода» в Сеть показал, что нередко это связано со скукой. Подростки отмечают, что легко переключаются на общение в соцсети и другие виртуальные активности в момент, когда им становится скучно и неинтересно.

Для иллюстрации моментов перехода из оффлайн в онлайн, связанных с ощущением скуки, представлены выдержки из интервью с участниками исследования.

Оффлайн					Онлайн					
событие / сцена	место	время	описание	эмоции	событие/ сцена	место	время	media фон	описание	эмоции

Рис. 1. Дневник онлайн и оффлайн

Респондент: Это ask (...) Это так, знаете, это вопрос дня. Ну, я там читаю, бывает, редко захожу, читаю тех, кого я знаю, что им задают. Ну, иногда бывает скучно. И там вот вопросы дня; их можно листать, перемешивать. Когда сильно скучно, можно поотвечать на вопросы.

Интервьюер: Которые тебе задают?

Респондент: Нет-нет, в смысле мне люди их не задают. Просто компьютерский вопрос, стандартный для всех. (..) Когда сильно скучно, можно поотвечать. [Цитата из интервью с девушкой-подростком (15 лет) по итогам заполнения дневника].

Респондент: Да мы все дружим, нас шесть человек *смех*, вот. Иногда они разговаривают о чем-то таком, ну, то, что мне неинтересно, и поэтому я сижу в телефоне. [Цитата из интервью с девушкой-подростком (14 лет) по итогам заполнения дневника].

Результаты пилотного проекта подтвердили необходимость исследования повседневности подростковых активностей в реальном и виртуальном пространстве в совокупности. Показано, что 70–80% событий зафиксированных в дневниках участников исследования, относятся к графе онлайн, при этом подобные события происходят параллельно с активностями происходящими автономно, т.е. оффлайн. Присутствие онлайн в основном связано с общением подростков в социальных сетях.

Наблюдается растущая многозадачность деятельности молодого человека, легкое переключение и смена режимов онлайн/оффлайн. Так называемые «красные зоны», когда подросток по своему желанию отказывается от возможности «ухода» в параллельную реальность, связаны со значимыми событиями повседневности, в то время как ощущение скуки провоцирует компенсационные действия посредством «перемещения» в виртуальное пространство.

Методика «15 минут»

Описание методики

Методика базируется на внешнем наблюдении и самонаблюдении – рефлексии. Обсуждение проходит в формате группового (фокусированного) интервью. Группа подростков (10–15 человек) приглашается на интервью в аудиторию, класс или иное пространство, молодым людям дается 15 минут свободного времени, которое они могут занять тем, чем хотят. Это сделано для того, чтобы оценить, чем современные юноши и девушки займут появившееся «окно».

В первоначальном варианте планировалась видеосъемка процесса и дальнейшее обсуждение, однако, как показало пилотное исследование, внешнего наблюдения и самонаблюдения достаточно для работы по данной методике. По истечении 15 минут в формате группового обсуждения подростки рассказывают о том, чем занимались в этот небольшой отрезок времени, исследователи сопоставляют это с результатами внешнего наблюдения.

Благодаря данной методике можно увидеть, насколько насыщенным является 15 минутный отрезок

жизни современных подростков, что является основным видом их деятельности, как происходят смены режимов онлайн и оффлайн.

Описание пилотного исследования

Пилотная группа была сформирована из 12 московских подростков–старшеклассников (5 юношей 14–15 лет, 7 девушек 14–15 лет). Все участники исследования являлись учащимися одной школы, двух параллелей восьмых классов.

Школьники были приглашены на встречу в одном из кабинетов их учебного учреждения. Подростки знали об общей тематике исследования – «Современные технологии в жизни молодых людей», однако не имели представления, что от них потребуется. Молодым людям было предложено подождать 15 минут в аудитории, по причине того, что часть исследователей задерживается.

Привычное пространство классной комнаты было изменено, парты убраны, стулья расставлены полукругом. Несмотря на просьбу оставаться в классе, часть школьников (5 человек) покинули аудиторию, но вернулись через заданные 15 минут.

Согласно внешнему наблюдению, оставшиеся подростки (семь человек) распределились по классной комнате, в течение четверти часа школьники общались между собой, использовали мобильные телефоны, предположительно для просмотра информации в интернете. Через 15 минут в формате группового интервью с подростками обсуждалось: как они провели этот отрезок времени.

Результаты пилотного исследования

Одновременное общение в разных социальных кругах

Исследование показало, что основным видом активности респондентов в 15 минутный промежуток времени было общение. Интимно-личностное общение как ведущая деятельность подросткового возраста является одним из центральных понятий возрастной психологии, этот процесс достаточно хорошо описан [6]. Методика «15 минут» позволила выявить формы общения и пересечение социальных кругов подростка в один момент времени.

Подростки в своих интервью отмечали, что в 15 минутный перерыв они общались не только с одноклассниками, находящимися рядом, но и с друзьями из прежней школы, дачи, летнего лагеря, не прерывая «живого» (face to face) общения. В качестве иллюстрации подросткового общения одновременно происходящего в разных социальных кругах представлены выдержки из интервью, фиксирующие данный феномен.

Респондент: Последние 15 минут я говорила по телефону с подругой, а потом ответила на сообщение в контакте и пообщалась с одноклассниками.

Респондент: Последние пятнадцать минут я был с ними в столовой, кушал, потом пришёл сюда.

Интервьюер: Ну, то есть в соцсети вы не заходили, вы были в столовой?

Респондент: Я вот зашёл, проверил контакт и вышел сразу.

Интервьюер: И ты тут ещё смотрел, сидел с телефоном? (по результатам наблюдения в классе)

Респондент: Да, но вот я проверил контакт, там пару сообщений, ответил и вышел.

Интервьюер: А, сообщения, ты ответил кому? Это кому-то кого нет в школе сейчас?

Респондент: Да, друзьям.

Интервьюер: Из школы?

Респондент: Ну, они из предыдущей школы и с дачи.

Параллельность

Данные, полученные с помощью методики «15 минут», как и дневниковой методики, подтвердили, что онлайн и оффлайн общение современных подростков не являются изолированными процессами. Респонденты-подростки быстро переключаются с одного процесса на другой, ведут коммуникацию параллельно.

По результатам внешнего наблюдения все школьники оставшиеся в классе хотя бы раз «заглядывали» в мобильный телефон в течении отведенных 15 минут, как объясняют сами подростки, они проверяли сообщения в социальной сети, ленту новостей не прерывая при этом живого общения со сверстниками.

В качестве иллюстрации феномена пересечения онлайн и оффлайн активностей современных подростков, зафиксированного с помощью методики «15 минут», далее представлены выдержки из интервью с участниками исследования.

Респондент: Последние 15 минут я спустилась на первый этаж, поднялась обратно на третий этаж, ээ, села рядом с Машей и Катей. Мы разговаривали, потом я зашла сюда, и всё. Ну, за это время я, наверное, один раз зашла вконтакт, посмотрела сообщения, и всё. А, ну, еще в Инстаграм и Вконтакте, да. В Инстаграмме я почти ничего не посчу, только смотрю ленту и какие-то фотографии знакомых. Есть Фейсбук, но я даже пароль уже не помню от него. В Яндекске просто почту проверяю, пожалуй, всё.

Потребность в постоянной событийности

В своих интервью подростки отмечают, что постоянная проверка сообщений, обновление ленты новостей – это неотъемлемая часть их повседневной жизни, привычка. Записи дневников также свидетельствуют о том, что молодые люди регулярно проверяют обновление информации в социальных сетях. В отведенный пятнадцати минутный отрезок времени респонденты также производили подобные действия.

Ниже представлены выдержки из интервью с участниками исследования.

Респондент: Последние 15 минут я стоял у выхода, ну, стоял на первом этаже, значит, в холле, с попытками выйти из школы сквозь стены и железные затворы, и медные трубы, а, ну, естественно пока, ну, как бы

пока сидишь, то есть выжидаешь нужного момента, делать нечего, просто выходишь, ну, как бы, как вот заходишь в вк, просто сидишь, стену дёргаешь. *смех*

Респондент: Да, мы тоже сидела в столовой, но у меня нету сейчас гаджета, с которого можно было зайти, поэтому я не заходила в инет.

Интервьюер: А давно у тебя нет гаджета?

Респондент: (...) Ну, да, примерно месяц.

Интервьюер: Он у тебя сломался что ли?

Респондент: Да.

Интервьюер: А до этого был?

Респондент: Да. Ну, до этого, конечно, если есть вай-фай, это ежедневно, там проводишь время, опять же таки просто листаешь ленту, так, чисто психологически, как-то уже привычка.

Методика «15 минут» позволила детально рассмотреть события составляющие этот небольшой отрезок времени в подростковой повседневности. Этот промежуток времени для молодых людей был заполнен общением со сверстниками, которое между тем происходило параллельно в разных социальных кругах. Подростки вели коммуникацию онлайн с бывшими одноклассниками и друзьями, продолжая при этом живое общение со сверстниками находящимися рядом.

Наблюдение демонстрирует приспособленность молодых людей к информационному шуму, отсутствие привязки к месту, умение вести несколько процессов одновременно. Сами подростки в интервью отметили постоянную необходимость в получении новой «порции информации» в сети, таким образом можно отметить потребность в постоянной событийности, которую подростки удовлетворяют в социальной сети.

Заключение

Представим, что повседневность современного подростка – это сложная карта, в которой переплетаются различные виды активности, нормативное и реальное пространства взросления. Дневниковая методика, описанная ранее, позволяет фрагментировать пятидневный или недельный промежуток времени из жизни современного подростка, давая таким образом возможность исследователям рассмотреть «вблизи» в более крупном масштабе события, составляющие повседневность.

С целью еще большего «приближения», более детального описания условий пересечения событий онлайн и оффлайн, характерных для повседневности современных подростков, разработана методика «15 минут».

С помощью указанных методик было установлено время использования подростком гаджета и сервисов социальных медиа в течение дня, пересечение и смена режимов онлайн- и оффлайн-активностей, моменты и причины «выхода» в сеть.

Проведенное пилотное исследование показало, что присутствие подростка онлайн в основном связано с общением в социальных сетях, при этом реальное и виртуальное общение современных подростков кон-

вергентны. Респонденты быстро переключаются с одного процесса на другой, ведут коммуникацию параллельно. При этом подросток одновременно находится в разных социальных кругах.

Контакты социальной сети накапливаются как снежный ком, технология позволяет сохранить свой «маленький мир», например, из прошлой школы, двора, дачи, тем самым существенно расширяя количество контактов одного пользователя. Это задает совершенно иную рамку реального пространства взросления, мы получаем новый взгляд на социальные среды [10] в которых живет современный молодой человек.

Анализ причин смены режимов онлайн и оффлайн и моментов «выхода» в Сеть показал, что нередко это связано со скукой. Подростки отмечают, что легко переключаются на общение в соцсети и другие виртуальные активности в момент, когда им становится скучно и неинтересно.

Постоянную проверку новостей и сообщений в соцсетях можно рассматривать как новый, свойственный подростковой повседневности ритуал, как попытку решения незаполненности времени [8]. В таком

случае, если на одном полюсе – скука и желание заполнить «вакуум» через событийность социальных сетей, на другом полюсе – своего рода «красные зоны», когда подросток по своему желанию отказывается от возможности «ухода» в параллельную реальность – если в школе интересный или сложный урок, когда происходит какое-то важное событие, во время общения со сверстниками и родителями.

Данный инструментарий находится на стадии разработки, в связи с этим, требуются дополнительные процедуры по валидации и тестированию процедур, способов фиксации и обработки полученных данных.

Тем не менее, с помощью разработанных методик были получены эмпирические данные, касающиеся подростковой повседневности, дающие основание для постановки новых исследовательских задач. Важным является тезис о том, что разделение в анализе и противопоставление онлайн и оффлайн общения с развитием мобильных технологий практически невозможно, так как эти два процесса конвергентны.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта №16-06-00916

ЛИТЕРАТУРА

1. Кондрашкин А.В., Хломов К.Д. Постановка проблемы: девиантное поведение подростков, социальная ситуация и Интернет [Электронный ресурс] // Юридическая психология. 2013. № 1. С. 18–24. URL: https://psy-journal.hse.ru/data/2013/10/30/1283395448/Kondrashkin_Hlomov_9-03pp102-113.pdf (дата обращения: 03.06.2016).
2. Королева Д.О. Всегда онлайн: использование мобильных технологий и социальных сетей современными подростками дома и в школе [Электронный ресурс] // Вопросы образования. 2016. № 1. С. 205–224. doi: 10.17323/1814-9545-2016-1-205-224
3. Павлов С.В. Досуговые практики городских подростков в современной России [Электронный ресурс] // Диссертационное исследование ВАК 22.00.06. Москва, 2013. 30 р. URL: http://emsu.ru/face/dissert/avtoreferat_pavlovsv.pdf (дата обращения: 03.06.2016).
4. Роль виртуальных социальных сетей в жизни современного школьника. Отчет по итогам НИР / Е.В. Аржаных [и др.]. Москва, 2014. 107 с.
5. Цымбаленко С.Б. Влияние Интернета на российских подростков и юношество в контексте развития российского информационного пространства [Электронный ресурс]: Результаты социологического исследования. // Медиа. Информация. Коммуникация. 2012. URL: <http://mic.org.ru/4-nomer-2012/162-vliyanie-interneta-na-rossijskikhpodrostkovi-yunoshestvo-v-kontekste-razvitiya-rossijskogo-informatsionnogo-prostranstva> (дата обращения: 06/06/2016).
6. Эльконин Д.Б. К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте // Психическое развитие в детских возрастах: Избранные психологические труды / Д.Б. Эльконин; под редакцией Д.И. Фельдштейна. М.: Институт практической психологии; Воронеж: МОДЭК, 1997. С. 66–86. URL: <http://psychlib.ru/mgppu/EPr-1997/EPR-0661.htm> (дата обращения: 03.06.2016).
7. Aarsand P.A. Around the screen: Computer activities in children's everyday lives [Электронный ресурс] // Digitala Vetenskapliga Arkivet. Linköping: The Department of Child Studies; Linköping University, 2007. 76 p. URL: <http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:23606/FULLTEXT01.pdf> (дата обращения: 03.06.2016).
8. Berne E. Games people play: the psychology of human relationships. New York: Grove Press, 1964. 216 p. Publ. for the San Francisco Social Psychiatry Seminars.
9. Boyd D. It's complicated: The social lives of networked teens. Нью-Хейвен, СТ, USA: Yale University Press, 2014. 296 p.
10. Bronfenbrenner U., Condry Jr.J.C. Two worlds of childhood: US and USSR. New York: Russell Sage Foundation 1970. 190 p.
11. Feldon D.F., Kafai Y.B. Mixed methods for mixed reality: understanding users' avatar activities in virtual worlds [Электронный ресурс] // Educational Technology Research and Development. 2008. Т. 56. № 5–6. С. 575–593. URL: <http://link.springer.com/article/10.1007/s11423-007-9081-2> (дата обращения: 03.06.2016).
12. Goffman E. Forms of talk. Philadelphia, Pa: University of Pennsylvania Press, 1981. 115 p.
13. Leander K.M., McKim K.K. Tracing the everyday 'sitings' of adolescents on the internet: A strategic adaptation of ethnography across online and offline spaces [Электронный ресурс] // Education, Communication & Information. 2003. Т. 3. № 2. P. 211–240. doi:10.1080/14636310303140

A study of the daily life of modern teenagers: the presence in social networks as an integral component of communication

Koroleva D.O.,

junior research fellow, "Center for Research of Modern Childhood", Institute of Education National Research University
Higher School of Economics, Moscow, Russia,
koroleva_dia@mail.ru

The article introduces the methodologies of the study of the everyday life of modern teenagers which can simultaneously be used to everyday events tracking occurring in real and virtual space: "Online and offline diary" and «15 minutes». The data of pilot studies showed that the teenager's online performance is mainly presented in a form of communication in social networks. We have discovered that the on- and offline convergence of space for growth is inseparable from respondents themselves. Through the active use of social networks, a modern teenager is able to be present in different social environments simultaneously. Constant checking news and posts in social networks is a new, peculiar to teenage daily ritual. The so-called «red zones», where a teenager consciously waives the possibility of «escape» into a parallel reality, are linked to significant events in everyday life, while a feeling of boredom brings to life the compensation through «getting about» in virtual space.

Keywords: modern childhood, adolescence, Internet, social network, social media, mobile technology, diary.

This work was supported of the Russian Foundation for Humanities (project № 16-06-00916).

REFERENCES

1. Kondrashkin A.V., Khlomov K.D. Postanovka problemy: deviantnoe povedenie podrostkov, sotsial'naya situatsiya i Internet [Electronic resource] [Problem: deviant behavior of adolescents, the social situation and the Internet] *Yuridicheskaya psikhologiya [Legal psychology]*, 2013, no. 1. pp. 18–24. Available at: https://psy-journal.hse.ru/data/2013/10/30/1283395448/Kondrashkin_Hlomov_9-03pp102-113.pdf (Accessed 03.06.2016). (In Russ.).
2. Koroleva D.O. Vsegda online: ispol'zovanie mobil'nykh tekhnologii i sotsial'nykh setei sovremennymi podrostkami doma i v shkole [Electronic resource] [Always online: the use of mobile technologies and social networks with modern teenagers at home and at school]. *Voprosy obrazovaniya [Problems of Education]*, 2016, no. 1, pp. 20–224. doi: 10.17323/1814-9545-2016-1-205-224. (In Russ., Abstr. in Engl.).
3. Pavlov C.V. Dosugovye praktiki gorodskikh podrostkov v sovremennoi Rossii [Electronic resource] [leisure practices of urban adolescents in contemporary Russia]. *Dissertatsionnoe issledovanie VAK [The thesis is VAK]* 22.00.06. Moscow, 2013. 30 p. Available at: http://emsu.ru/face/dissert/avtoreferat_pavlovsv.pdf (Accessed 03.06.2016). (In Russ.).
4. Rol' virtual'nykh sotsial'nykh setei v zhizni sovremennogo shkol'nika. Otchet po itogam NIR [The role of virtual social networks in the modern student. Report on the results of research]. E.V. Arzhanykh [et al.]. Moscow, 2014. 107 p. (In Russ.).
5. Tsymbalenko S.B. Vliyanie Interneta na rossiiskikh podrostkov i yunoshestvo v kontekste razvitiya rossiiskogo informatsionnogo prostranstva. Reaul'taty sotsiologicheskogo issledovaniya. [Elektronnyi resurs] [The impact of the Internet on the Russian adolescents and young people in the context of development of the Russian information space. Reaultaty sociological research]. *Media. Informatsiya. Kommunikatsiya [Media. Information. Communication]*. 2012. URL: <http://mic.org.ru/4-nomer-2012/162-vliyanie-interneta-na-rossiiskikhpodrostkovi-yunoshestvo-v-kontekste-razvitiya-rossiiskogo-informatsionnogo-prostranstva> (Accessed 06/06/2016). (In Russ.).
6. El'konin D.B. K probleme periodizatsii psikhicheskogo razvitiya v detskom vozraste: Izbrannye psikhologicheskie trudy [Electronic resource] [On the problem of periodization of mental development in childhood: Selected psychological works]. Moscow: Institut prakticheskoi psikhologii; Voronezh: MODEK, 1989. pp. 66–86. Available at: <http://psychlib.ru/mgppu/EPr-1997/EPR-0661.htm> (Accessed 03.06.2016). (In Russ.).
7. Aarsand P.A. Around the screen: Computer activities in children's everyday lives [Electronic resource] // *Digitala Vetenskapliga Arkivet*. Linköping: The Department of Child Studies; Linköping University, 2007. 76 p. Available at: <http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:23606/FULLTEXT01.pdf> (Accessed 03.06.2016).
8. Berne E. Games people play: the psychology of human relationships. New York: Grove Press, 1964. 216 p. Publ. for the San Francisco Social Psychiatry Seminars.
9. Boyd D. It's complicated: The social lives of networked teens. Нью-Хейвен, СТ, USA: Yale University Press, 2014. 296 p.
10. Bronfenbrenner U., Condry Jr.J.C. Two worlds of childhood: US and USSR. New York: Russell Sage Foundation 1970. 190 p.
11. Feldon D.F., Kafai Y.B. Mixed methods for mixed reality: understanding users' avatar activities in virtual worlds [Electronic resource]. *Educational Technology Research and Development*, 2008, t. 56, no. 5–6, pp. 575–593. Available at: <http://link.springer.com/article/10.1007/s11423-007-9081-2> (Accessed 03.06.2016).
12. Goffman E. Forms of talk. University of Pennsylvania Press, 1981. 115 p.
13. Leander K.M., McKim K.K. Tracing the everyday 'sittings' of adolescents on the internet: A strategic adaptation of ethnography across online and offline spaces [Electronic resource]. *Education, Communication & Information*, 2003. Vol. 3, no. 2, pp. 211–240. doi:10.1080/14636310303140

Родительство в современном мире – новые тренды

Ланцбург М.Е.,

кандидат биологических наук, доцент кафедры возрастной психологии факультета психологии образования, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
lantsburgme@mgppu.ru

XX столетие обозначило целый ряд существенных сдвигов в социальном развитии человечества, значительные изменения произошли и в развитии института семьи. Но если кризису семьи посвящено много публикаций, то новым трендам связанным с родительством, уделяется мало внимания. В данной статье представлен обзор зарубежных и отечественных исследований, направленных на констатацию и понимание появившихся в XX веке и получивших широкое распространение в XXI веке феноменов, относящихся к родительству, таких как снижение рождаемости, добровольный отказ от рождения детей, откладывание рождения первого ребенка, применение вспомогательных репродуктивных технологий. В статье также представлены результаты исследований, выполненных под руководством автора.

Ключевые слова: современное детство, психология родительства, психология репродуктивной сферы, чайлдфри, вспомогательные репродуктивные технологии, экстракорпоральное оплодотворение.

Для цитаты:

Ланцбург М.Е. Родительство в современном мире – новые тренды [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2016. Том 5. № 2. С. 62–66. doi: 10.17759/jmfp.2016050208

For citation:

Lantsburg M.E. Parenting in today's world – new trends [Elektronnyi resurs]. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 2016, vol. 5, no. 2, pp. 62–66. doi: 10.17759/jmfp.2016050208 (In Russ., Abstr. in Engl.).

В XX веке наметились новые тенденции в развитии института семьи и отношении к родительству, получившие свое продолжение и распространение в XXI веке. Во-первых, были отодвинуты традиционные возрастные границы рождения первого ребенка и был выделен новый период возрастного развития человека, следующий за юношеским, названный «emerging adulthood» [5]. Впервые феномен был описан американским исследователем, однако мы наблюдаем его и в крупных городах России. Указанный период имеет границы от 18 до 25 лет. Если раньше в этом возрасте молодые люди обычно создавали семьи и заводили первых детей, то сегодня их социальное поведение характеризуется поиском себя, экспериментированием с переменой видов деятельности и сменой партнеров, а также сохраняющейся зависимостью от родителей. Возникновение данного периода не должно вызывать удивления у людей, знакомых с возрастной психологией, оно логично вытекает из фактов увеличения продолжительности жизни и пролонгирования детства с развитием цивилизации. В эту общую тенденцию вписывается снижение рождаемости и откладывание рождения первого ребенка. Как указывает демограф А.Г. Вишневский [1], с увеличением продолжительности жизни и снижением смертности необходимость в рождении большого количества детей и раннем начале деторождения отпала. Изменение возрастного профиля рождаемости, его «постарение» – общеевропейская тенденция, возникшая в 1970-е годы. Россия стала соответствовать ей позднее, в 2008 году возрастная группа женщин 25–34 лет впервые превзошла по уровню рождаемости группу 20–24 года и разница между ними стала увеличиваться [3].

Общемировая статистика такова: средний возраст рождения первого ребенка отодвигается ближе к 30 годам, а матерей, родивших первого ребенка в возрасте между 30 и 40 годами, сейчас в три раза больше, чем 20 лет назад [8].

За последние десять лет в России увеличилось число женщин, которые хотят сначала получить достойное образование, сделать карьеру, а только потом родить ребенка. Этот выбор многим кажется спорным, врачи говорят об ухудшении здоровья первородящих, однако необходимо отметить и положительные стороны такого решения – женщиной движет чувство ответственности перед будущим малышом. В этом случае мама может уделить ребенку больше времени и, ни от кого не завися, обеспечить его всем необходимым.

Отмечена закономерность: чем более образована женщина, тем позже она рождает. Если женщины, не окончившие школу, чаще рожают до 20 лет, то женщины с высшим образованием – ближе к 30 годам. Сократился в России и средний интервал между рождениями. «В 2014 году наблюдался минимальный интервал между первым и вторым рождениями за обозримую историю – отмечает заместитель директора Института демографии НИУ ВШЭ С.В. Захаров. – Даже за весь послевоенный период едва ли был такой интервал – в среднем существенно менее четырех лет». Однако ускоренные темпы формирования семей, как отметил ученый, касаются, прежде всего, сельских жителей, причем с вполне определенными социодемографическими и этнокультурными характеристиками [4].

С другой стороны, с повышением благосостояния общества среди людей периода средней зрелости 30–50 лет (**middle youth**) выделилась группа тех, кто, выйдя по паспортному возрасту за рамки юности, продолжает вести образ жизни, характерный для менее зрелых возрастов: путешествия, активный образ жизни, погоня за впечатлениями, и не желает брать на себя ответственность и обзаводиться детьми. Зачастую такие люди отмечают, что испытали на себе жестокое отношение со стороны родителей в детстве и, обретая независимость и финансовую самостоятельность, стали наверстывать упущенное, гоняясь за удовольствиями. Психологическая защита срабатывает в этом случае таким образом, что вырвавшемуся на свободу внутреннему состоянию «Ребенок» (по классификации Э. Берна) потенциальный ребенок видится конкурентом. Еще в прошлом веке оформилось движение «**childfree**» — людей, сознательно отказывающихся от родительства, широко представленное сегодня в социальных сетях, в том числе имеющее несколько десятков тысяч своих представителей в русскоязычном сегменте. При этом к причинам, по которым этот отказ происходит, не относятся проблемы, связанные со здоровьем, в том числе бесплодие, низкое материальное положение, неудовлетворительные жилищные условия, отсутствие постоянного партнера или супруга. Речь идет о сознательном нежелании иметь детей, невзирая ни на какие обстоятельства. Достаточно образно некоторые мотивы отказа выражены в высказываниях знаменитых людей. Так, драматург Джордж Бернард Шоу говорил: «Молодость — чудесная вещь. Какое преступление — растрчивать ее на детей!»; актёр Кристофер Уокен: «Я слишком эгоистичен для того, чтобы иметь детей. К тому же у моей жены хватает забот и со мной»; балерина Майя Плисецкая (на вопрос, почему у нее нет детей): «Женщин с детьми много, Майя Плисецкая — одна». В самом начале этого движения в 70–х годах прошлого столетия в США, люди, желающие стать добровольно бездетными, декларировали мотив отказа нежеланием увеличивать и без того большую численность населения. Они утверждали, что человек является основным источником загрязнения окружающей среды и он не должен размножаться [6]. В настоящее время в качестве причин отказа от деторождения все чаще называется желание собственного комфорта и личностного роста. Самыми распространенными причинами быть чайлдфри являются: нежелание жертвовать личным пространством ради ребенка, нежелание терять время, активное отвращение к детям, удовлетворенность домашними животными и наблюдением за детьми родственников или друзей [6; 7; 10; 11].

Дж. Виверс (J. Veivers) разделила чайлдфри на два типа с точки зрения основных мотиваций бездетности — реджекторы и афексьонады [12].

Реджекторы испытывают отвращение к процессу рождения детей и к детям как таковым. Им неприятно все, что связано с процессом беременности, родов

и грудного вскармливания. Таких людей немного, но они были всегда. До эпохи сексуальной революции 60-х годов и последующего развития феминизма, реджекторы искали различные способы избежать появления детей. К ним могли относиться люди, уходившие в монастырь, либо остававшиеся вне брака.

Афексьонады — люди, которых привлекают прелести беззаботного бездетного образа жизни — путешествия, артистическая, богемная жизнь, развлечения и т. д. То есть они не испытывают отвращения к детям, но предпочитают бездетный образ жизни. Число афексьонадов увеличилось, начиная с 60-х годов прошлого века, когда материальное благосостояние общества выросло, а общественное давление, требующее, чтобы все были одинаковыми, ослабло. и стало возможным выбирать образ жизни, заниматься творчеством и любимым делом. Отмечено, что в семьях творческих людей дети часто не появлялись и в более ранние эпохи, на них просто не хотели тратить время

В исследовании Дж. Виверс упоминались и домохозяйки, которые сознательно решались на бездетность, чтобы дети не портили им дом. Исследование Дж. Виверс также показало, что в паре, где один из ее членов — убежденный чайлдфри, а второй колеблется, побеждает чайлдфри и дети не рождаются.

Аналогичную классификацию приводит и Р. Джиллеспи (Gillespie, R) [9], дифференцируя чайлдфри на две группы: тех, кому свойственно «отторжение, отвращение к детности» и тех, для кого важнее «привлекательность, притягательность бездетности».

Отмечается, что сторонников отказа от деторождения отличает от средней выборки более высокий уровень образования, более высокий уровень дохода, большая профессиональная востребованность и более высокие должности, а также проживание в больших городах.

Под моим руководством было выполнено несколько работ, посвященных изучению откладывания рождения первого ребенка и чайлдфри. В дипломной работе Г.А. Ефимовой проводилось сравнение ценностной ориентации (посредством Ценностного опросника (ЦО) Ш. Шварца) женщин 30–45 лет, родивших первого ребенка в возрасте старше 30 лет и бездетных женщин того же возраста. Большинство бездетных были не замужем, в то время как все матери находились в зарегистрированном браке. Совокупная выборка составила 30 человек. Почти половина опрошенных матерей являлись домохозяйками или служащими среднего звена, в то время как бездетные женщины занимали более высокий статус. Материальное положение у бездетных женщин было несколько выше, чем у матерей, и хотя они чаще проживали на съемной площади, но метраж, приходящийся на одного человека, был выше у бездетных. У бездетных женщин были выявлены существенно более высокие показатели самостоятельности, а у матерей — более высокие показатели универсализма и безопасности. Интересен тот факт, что для

15% бездетных женщин была важна власть, тогда как когда для матерей этот фактор не играл никакой роли. Бездетные женщины достоверно чаще указывали на наличие свободного времени, многообразных желаний и возможностей для реализации своих потребностей, целей и задач.

В другом исследовании (дипломная работа Косенковой Е. А.) сравнивались ценностные ориентации (по методике М. Рокича) матерей и представителей движения «чайлдфри» 27–44 лет. Участницы группы «Чайлдфри» не имели проблем со здоровьем и не страдали бесплодием.

Психологический портрет чайлдфри выглядел следующим образом: женщина, состоящая в гражданском или зарегистрированном браке, довольная своей семейной жизнью. Образование не ниже высшего. Большинство выросло в полной семье, где они были единственным ребенком. Своих отцов респонденты характеризовали «положительными» и «теплыми», матерей же «холодными». Все участники отмечали, что не переносят, когда их окружают дети и раздражаются и злятся, когда дети капризничают и плачут. Такие факторы, как плохая окружающая среда, боязнь испортить отношения с партнером, работа, финансовое положение не влияли на их решение не иметь детей. Так же все респонденты считали, что они не видят причин, по которым они могли бы родить ребенка, а так же они испытывали недовольство и неудовлетворенность в ситуациях, когда полностью не принадлежали себе.

Наибольшие различия в терминальных ценностях наблюдались в отношении параметров «Интересная работа» (чайлдфри – 2 место, матери – 17), «Развлечения» (чайлдфри 3 место, матери – 16), а также «Счастливая семейная жизнь» (чайлдфри – 18 место, матери – 1), «Любовь» (17 и 2 место соответственно).

Среди инструментальных ценностей наблюдались наибольшие различия в отношении параметров «Высокие запросы» (чайлдфри – 2-е место, а группа с детьми – 18-е место), «Независимость» (1 и 15 места соответственно), «Ответственность» («чайлдфри» – 18 место, группа «с детьми» – 1 место) и «Непримиримость к недостаткам» (3 и 17 места соответственно).

Недавно исследователи выделили еще две категории тех, кто в конце концов оказывается бездетным по своей воле [3]. Первая — «**постоянные откладыватели**» (с юности или с начала брака/партнерства применяют контрацепцию, но изначально не отказываются от идеи иметь ребенка). Они стремятся сначала сделать карьеру, хорошо пожить, а уже потом рожать детей. Со временем постоянное откладывание перерастает в невозможность забеременеть. Такие люди либо становятся бесплодными, либо таким образом выстраивают удовлетворяющий их образ жизни, что дети в него просто уже не вписываются. Вторая категория — «**волнообразные отказники**», у которых бывают периоды, когда они хотят детей, но всегда находится что-то, что мешает и «перевешивает».

Нередко, достигнув возраста за 40 «откладыватели» прибегают к вспомогательным репродуктивным технологиям.

Таким образом, родительство не является сегодня необходимым и важнейшим свидетельством ценности и зрелости личности, как это было в традиционном обществе, а относится к категории выбора. Назовем совокупность обстоятельств, способствующих изменению модели родительства.

Предпосылки изменения модели родительства:

1. Увеличение продолжительности жизни.
2. Увеличение периода детства, появление периода *emerging adulthood*, появление свободного времени и развитой индустрии развлечений.
3. Снижение детской смертности.
4. Устранение экономической необходимости в детях.
5. Ресурсоемкость воспитания ребенка в современном мире.
6. Возможность управлять репродуктивным поведением.
7. Упрощение быта за счет внедрения бытовой техники, что существенно сокращает время на рутинные процедуры ухода.
8. Доступность дошкольных учреждений, что позволяет совмещать родительство с профессиональной деятельностью, в том числе при отсутствии помощи со стороны прародителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вишневский А.Г. После демографического перехода: дивергенция, конвергенция или разнообразие? // Общественные науки и современность. 2015. № 2. С. 112–129.
2. Исупова О.Г. «Чайлдфри», или добровольная бездетность // Демоскоп Weekly. 2010. № 427–428. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2010/0427/gender01.php> (дата обращения: 24.04.2016).
3. Рождаемость / Вишневский А.Г. [и др.] // Население России 2013: двадцать первый ежегодный демографический доклад / Рук.: С.В. Захаров, А.Г. Вишневский; отв. ред.: С.В. Захаров. М. : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2015. С. 81–181.
4. Традиционная семья переживает ренессанс [Электронный ресурс] // Экспертный сайт Высшей школы экономики. URL: <http://ores.hse.ru/1893286.html> (дата обращения: 24.04.2016).
5. Arnett J.J. The psychology of globalization // American Psychologist. 2002. Vol. 57. № 10. P. 774–783. doi: 10.1037/0003-066X.57.10.774
6. Biddlecom A., Marti S. Childless in America // Contexts. 2006. Vol. 5. № 4. P. 54–54. doi: 10.1525/ctx.2006.5.4.54
7. Gore A.L. I Don't Want Any Children... Ever: Gender Differences in Voluntary Childlessness in the US. Tallahassee: Florida State University, 2002. 17 p. URL: <http://paa2008.princeton.edu/papers/80315> (дата обращения: 24.04.2016).
8. Educational differences in early childbearing: A cross-national comparative study / Raymo J.M., [et al.] // Demographic research. 2015. Vol.33. Article 3. P. 65–92. doi: 10.4054/DemRes.2015.33.3
9. Gillespie R. Childfree and feminine: Understanding the gender identity of voluntarily childless women // Gender and Society. 2003. Vol. 17. № 1. P. 122–136. doi: 10.1177/0891243202238982
10. Kneale D. Fertility, Living Arrangements, Care and Mobility // Fertility, Living Arrangements, Care and Mobility: Understanding Population Trends and Processes Vol. 1. / J. Stillwell, E. Coast, D. Kneale. New York: Springer, 2008. P. 1–22.
11. Kneale D., Joshi H. Postponement and childlessness – Evidence from two British cohorts // Demographic research. 2008. Vol.19. Article 58. P. 1935–1968.
12. Veivers J.E. The Social Meanings of Parenthood // Psychiatry: Interpersonal and Biological Processes. 1973. Vol. 36. № 3. P. 291–310. doi: 10.1521/00332747.1973.11023764

Parenting in today's world – new trends

Lantsburg M.E.,

candidate of biological sciences, Associate Professor of Chair of Developmental Psychology, Department of Psychology of Education, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia,
lantsburgme@mgppu.ru

The twentieth century marked a number of significant changes in the social development, there have been significant changes in the development of the institution of the family. But if a family crisis was the subject of many articles and books, some new trends with regard to human parenthood paid not much attention. This article provides an overview of foreign and Russian research aimed at ascertaining and understanding appeared in the twentieth century and have been widely used in the twenty-first century phenomena related to parenthood, such as the decline in fertility, the voluntary renunciation of child birth, delaying the birth of their first child, the use of assisted reproductive technologies. The article also presents the results of research carried out under the supervision of the author

Keywords: modern childhood, Psychology of Parenting & Parenthood, psychology of Reproduction, childfree, assisted reproductive technologies, in vitro fertilization.

REFERENCES

1. Vishnevskii A.G. Posle demograficheskogo perekhoda: divergentsiya, konvergentsiya ili raznoobrazie? [After the demographic transition: the divergence, convergence or diversity?] *Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social studies and the present]*, 2015, no. 2, pp. 112–129. (In Russ.).
2. Isupova O.G. "Chaildfri", ili dobrovol'naya bezdetnost' ["Childfree" or voluntary childlessness]. *Demoskop Weekly [Demoscope Weekly]*, 2010, no. 427–428. Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2010/0427/gender01.php> (Accessed: 24.04.2016). (In Russ.).
3. Rozhdaemost' [Fertility]. Vishnevskii A.G. [et al.]. *Naselenie Rossii 2013: dvadtsat' pervyi ezhegodnyi demograficheskii doklad [The population of Russia 2013: twenty-first annual demographic report]*. S.V. Zakharov, ed. Moscow: HSE, 2015, pp. 81–181. (In Russ.).
4. Traditsionnaya sem'ya perezhivaet renessans [The traditional family is experiencing a renaissance] [Elektronnyi resurs]. *Ekspertnyi sait Vysshei shkoly ekonomiki [Expert site Higher School of Economics]*. Available at: <http://opec.hse.ru/1893286.html> (Accessed: 24.04.2016). (In Russ.).
5. Arnett J.J. The psychology of globalization. *American Psychologist*, 2002. Vol. 57, no. 10, pp. 774–783. doi: 10.1037/0003-066X.57.10.774
6. Biddlecom A., Marti S. Childless in America. *Contexts*. 2006. Vol. 5, no. 4, pp. 54–54. doi: 10.1525/ctx.2006.5.4.54
7. Gore A.L. I Don't Want Any Children... Ever: Gender Differences in Voluntary Childlessness in the US. Tallahassee: Florida State University, 2002. 17 p. Available at: <http://paa2008.princeton.edu/papers/80315> (Accessed: 24.04.2016).
8. Educational differences in early childbearing: A cross-national comparative study. Raymo J.M., [et al.]. *Demographic research*, 2015. Vol.33, article 3, pp. 65-92. doi: 10.4054/DemRes.2015.33.3
9. Gillespie R. Childfree and feminine: Understanding the gender identity of voluntarily childless women. *Gender and Society*, 2003. Vol. 17, no. 1, pp. 122–136. doi: 10.1177/0891243202238982
10. Kneale D. Fertility, Living Arrangements, Care and Mobility. *Fertility, Living Arrangements, Care and Mobility. Vol. 1*. J. Stillwell, E. Coast, D. Kneale. New York: Springer, 2008., pp. 1–22.
11. Kneale D., Joshi H. Postponement and childlessness – Evidence from two British cohorts. *Demographic research*, 2008. Vol. 19, article 58, pp. 1935–1968.
12. Veever J.E. The Social Meanings of Parenthood. *Psychiatry: Interpersonal and Biological Processes*, 1973. Vol. 36, no. 3, pp. 291–310. doi: 10.1521/00332747.1973.11023764

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ CLINICAL PSYCHOLOGY

Исследования психосоматических аспектов гинекологических и андрологических заболеваний и бесплодия: обзор современных зарубежных исследований

Ланцбург М.Е.,

кандидат биологических наук, доцент кафедры возрастной психологии факультета психологии образования,
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
lantsburgme@mgppu.ru

Крысанова Т.В.,

выпускница программы профессиональной переподготовки «Психологическая подготовка будущих родителей к воспитанию ребенка (в перинатальном периоде, младенчестве и раннем возрасте)», ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
robotnovatv@mail.ru

Соловьева Е.В.,

старший научный сотрудник Центра прикладных психолого-педагогических исследований,
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
solovevaev@mgppu.ru

В последние десятилетия в связи с возрастанием во всем мире проблем в репродуктивной сфере людей, весьма актуальной стала проблема сохранения репродуктивного здоровья населения, что требует объединения усилий со стороны медицины и психологии. В данной статье представлен обзор более 70 современных англоязычных научных публикаций, посвященных изучению психологических и психосоматических особенностей мужчин, женщин и семейных пар с репродуктивными нарушениями, а также психологических предикторов и последствий данных проблем. Выделены наиболее и наименее изученные психологические аспекты нарушения репродуктивного здоровья, описаны результаты исследований, упомянут метод психотерапевтической работы с женщинами по предупреждению преждевременных родов Р. Линдера. Статья состоит из двух частей: в первой части представлены результаты исследований психосоматических аспектов заболеваний репродуктивной сферы у женщин и мужчин, в том числе бесплодия; вторая часть посвящена психологическим и психосоматическим нарушениям у женщин в период беременности и родов.

Ключевые слова: нарушение репродуктивного здоровья, бесплодие, стресс, психосоматика, тревожность, осложненная беременность, акушерские осложнения, невынашивание беременности, преждевременные роды, психология репродуктивной сферы.

Для цитаты:

Ланцбург М.Е., Крысанова Т.В., Соловьева Е.В. Исследования психосоматических аспектов гинекологических и андрологических заболеваний и бесплодия [Электронный ресурс]: Обзор современных зарубежных исследований // Современная зарубежная психология. 2016. Том 5. № 2. С. 67–77. doi: 10.17759/jmfp.2016050209

For citation:

Lantsburg M.E., Krysanova T.V., Solovyeva E.V. Investigation of psychosomatic aspects of gynecological and andrological diseases and infertility [Elektronnyi resurs]: A review of contemporary international researches. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 2016, vol. 5, no. 2, pp. 67–77. doi: 10.17759/jmfp.2016050209 (In Russ., Abstr. in Engl.).

Репродуктивная сфера (по определению Г.Г. Филипповой) представляет собой систему физиологических и психических механизмов реализации задач репродукции, в которую у человека входит: зачатие, вынашивание, рождение ребенка, его выращивание и воспитание [1]. Физиологическая и психическая составляющие тесно связаны между собой, вследствие чего они действуют сопряженно.

У женщин нарушения репродуктивной функции могут проявляться в таких формах как нарушения полового влечения, менструального цикла, гинеколо-

гические заболевания, бесплодие, невынашивание беременности, задержки внутриутробного развития ребенка, гестозы, акушерские осложнения в родах, осложнения во время менопаузы и др. При этом частота встречаемости и омоложение этих нарушений в последние годы неуклонно растет. Нарушения репродуктивной функции у мужчин проявляются в заболеваниях мочеполовой системы, бесплодии, нарушениях полового влечения и сперматогенеза.

Первые попытки изучения связи нарушений менструального цикла с психическими расстройствами

эндогенного круга были предприняты немецкими психиатрами в конце XIX века. Начиная с первой четверти XX века на теоретической платформе психоанализа зародилось психосоматическое направление в гинекологии. Широкое распространение исследования, базирующиеся на различных методологических основаниях и посвященные связи индивидуально-типологических особенностей и психологического состояния женщин и мужчин с нарушенной репродуктивной функцией, получили с семидесятых годов XX века. По сей день данное направление научных изысканий остается весьма востребованным ввиду неоднозначности и противоречивости результатов.

Подходы к определению понятия «соматизация»

Говоря о предикторах заболевания, необходимо иметь в виду следующие понятия: психосоматика, соматизация, соматоформные расстройства.

Понятие соматизации было впервые введено в психоанализе (W. Steckel; 1943) для обозначения истероформных соматических нарушений, понимаемых как символическое выражение бессознательного конфликта. Соматизация рассматривается в психоанализе как один из механизмов психологической защиты, при котором отвергнутое переживание преобразуется в соматический симптом. Позднее произошло расширение этого понятия. Под соматизацией сегодня понимается феномен возникновения физических симптомов болезни, обусловленных не органическими структурными дефектами, но, в первую очередь, психическими процессами.

Базовая идея интегративного (психодинамического, когнитивно-поведенческого и системного) подхода заключается в том, что лежащий в основе соматизации психический процесс понимается как цикл обработки сигналов, в котором компоненты, отвечающие за восприятие, интерпретацию и эффективное поведение, взаимодействуют дисфункционально. Соматические заболевания, в происхождении которых большая роль отводится психологическим факторам, стали называться психосоматическими, а функциональные расстройства, обусловленные длительным действием этих факторов – соматизированными. Нозологические формы базового механизма соматизации разнообразны и отличаются по месту локализации и интенсивности проявления симптомов, что отражено в существующих классификациях МКБ-10 (Международная классификация болезней, десятый пересмотр) и ДСРПЗ-IV (Диагностическое и статистическое руководство по психическим заболеваниям, том IV) [7; 18].

При этом необходимо разграничивать соматизированные расстройства, которым сопутствуют объективно констатируемые функциональные нарушения от соматоформных расстройств, когда человек настойчиво предъявляет соматические симптомы, несмотря на отрицательные результаты медицинских обследований, когда наблюдается тенденция «переживать и опи-

сывать телесные симптомы, не имеющие физиологического объяснения, ошибочно относить их на счет некоего заболевания и обращаться за медицинской помощью» [6].

При самой широкой трактовке термина соматизация понимается как базовый способ телесно-душевного взаимодействия, при котором психосоциальный стресс находит свое отражение в телесных симптомах. В этом контексте соматизация есть нормативная составляющая поведения человека [19].

Соматизированные расстройства в акушерстве и гинекологии

Процесс соматизации и клиническая картина связанных с ним расстройств особенно ярко наблюдается в акушерстве и гинекологии, чему есть ряд причин.

Во-первых, во многих исследованиях конца прошлого века было показано, что у женщин соматизированные формы нарушений репродуктивного здоровья встречаются чаще, чем у мужчин [14; 15; 21].

Во-вторых, циклы функционирования репродуктивной сферы (половое созревание, беременность, роды, послеродовой период, климакс) в значительной мере характеризуют как развитие организма, так и личностное развитие женщины. Поэтому вопросы развития женственности, сексуальной идентичности, формирования положительного отношения к своему телу непосредственно связаны с ее собственной субъективной интерпретацией и оценкой сигналов, поступающих от тела, когда женщина решает, являются ли происходящие изменения нормальными или патологическими, здорова она или больна [27].

В-третьих, у женщин существует тесная связь между эндокринной и нервной системами, что порождает психоэндокринные состояния, которые могут восприниматься как телесные или психические симптомы, не имеющие отношения к структурным органическим нарушениям [31].

Наконец, эпизоды насилия (или воспринимаемые как насильственные) и связанные с ними ощущение вторжения в свое тело, переживание бессилия и беспомощности нередко создают основу для нарушения цикла взаимодействия тела, разума и окружающего мира. Как следствие, это может приводить к нарушениям репродуктивного функционирования [32; 45].

Дж. Битцер считает, что в акушерстве и гинекологии соматизированные расстройства и в количественном, и в качественном отношении представлены достаточно широко, а сами патогенетические факторы зависят от специфических гендерных биопсихосоциальных условий, психоэндокринного фактора и субъективных переживаний сексуального характера, опосредованных нормами и традициями культуры, к которой принадлежит женщина [5].

Проведя анализ большого количества клинических случаев, Дж. Битцер с коллегами разработал свою классификацию соматизированных заболеваний. Было выделено три группы:

1. специфические соматические реакции, возникающие в течение специфических жизненных фаз или во время переходных периодов;
2. психоэндокринные расстройства;
3. соматоформные заболевания органов женской репродуктивной системы.

В своем научном труде Дж. Битцер дает представление о патогенетических путях, сопутствующих заболеваниям, специальных диагностических методах и терапевтических приемах [5].

Изучение качества жизни людей с репродуктивными нарушениями

Известно, что гинекологические и андрологические заболевания и бесплодие приводят не только к физическому дискомфорту человека, но и фрустрируют его в психосоциальном плане, существенно снижая качество жизни.

Говоря о любых заболеваниях, мы приходим к одному из основных вопросов, который задают себе врачи, психологи, социальные работники и близкие пациентов — как живет этим людям?

Введение понятия «качество жизни» в анамнез пациента определило новое направление научных исследований в области психосоматики еще в 70-е годы прошлого века. Оно до сих пор развивается и усложняется с каждым новым исследованием внутренней оценки пациентами собственной жизни.

В крупном обзоре исследований конца прошлого века, посвященных изучению качества жизни и эффекта парадоксального благополучия, написанном П. Хершбахом [17], приводятся данные о том, что в большинстве работ показано отсутствие статистически значимой связи между объективной степенью тяжести заболевания и качеством жизни пациентов.

Частично этот результат был подтвержден более поздними исследованиями. Например, К. Вейднер, Ф. Эйнсле и соавт. [33] изучили психологические и физиологические факторы, влияющие на качество жизни пациенток гинекологического отделения одного из госпиталей в Германии. Были сформированы 3 группы испытуемых: первая — пациентки с осложненной беременностью, вторая — с гинекологическими заболеваниями, не включающими онкологию, третья — имеющие онкологические заболевания в области гинекологии. Из этих трех групп по оценке физиологической составляющей качества жизни самые низкие показатели продемонстрировали пациентки с проблемами протекания беременности, а по оценке психологической составляющей — пациентки с онкологическими заболеваниями. Однако, несмотря на крайне низкие показатели физиологической и психологической составляющих качества жизни пациенток первой группы, данное состояние рассматривалось ими как временное, в связи с чем физиологическое благополучие переживалось легче.

Работа с женщинами, страдающим гинекологическими заболеваниями психосоматического генеза, при-

вела врачей, клинических психологов и психотерапевтов к пониманию необходимости создания интегративной модели оказания помощи таким пациенткам.

Исследование М. Нейсер, П. Малевиски и И. Ватермана [28] было посвящено оценке эффективности консультирования в рамках данной модели. Работа проводилась в трех группах пациенток: первая группа — пациентки, имеющие психосоматические проблемы в связи с зачатием/беременностью/родами; вторая — пациентки, страдающие онкологическими заболеваниями соматопсихического характера; третья — пациентки с нарушениями менструального цикла, соматизированными и сексуальными расстройствами. По результатам анализа, самой высокой эффективности удалось добиться в первой группе.

Таким образом, большей способностью справляться с физиологическим недомоганием и негативными переживаниями обладают пациентки, проходящие лечение в связи с осложнениями протекания беременности. Авторы объясняют этот результат тем, что такие женщины рассматривают свое состояние как временное, легче идут на контакт при групповой и индивидуальной работе, стремятся получить больше информации от врачей и психологов, что способствует эффективности психокоррекционного воздействия и в конечном итоге повышает удовлетворенность достигнутыми результатами.

Исследования психологических аспектов бесплодия

Согласно данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), в мире частота бесплодных пар составляет около 15% и не имеет тенденции к снижению. Всего ВОЗ выделяет 22 фактора женского и 16 факторов мужского бесплодия. Считается, что при бесплодии имеет место сочетанное действие факторов физического нездоровья, социального и психологического неблагополучия.

Изучение бесплодия в последние десятилетия ведется в различных областях биологии, медицины, психологии, психиатрии, социологии. Понимание серьезности проблемы со стороны правительств многих стран позволило создать условия для активной разработки, развития и усовершенствования методов диагностики и лечения бесплодия, в том числе внедрения вспомогательных репродуктивных технологий. Временным критерием постановки диагноза бесплодия, обозначенным Всемирной Организацией Здравоохранения, считается срок, равный 12 месяцам, в течение которого пара при регулярных незащищенных половых контактах терпит неудачи в попытках зачать ребенка.

Информация об эффективной психологической помощи указанному контингенту людей в научных публикациях встречается сравнительно редко. Однако после появления данных, которые подтвердили эффективность психотерапевтического вмешательства, стали разрабатываться мультидисциплинарные программы

оказания помощи, которые предполагают сотрудничество врачей и психологов на этапах диагностики, лечения, использования вспомогательных репродуктивных технологий, дальнейшего сопровождения беременности и родов [8].

При изучении бесплодия было выявлено, что женский фактор служит причиной бесплодия в браке в 40% случаев, мужской – также в 40%; оставшиеся 20% примерно в равных долях представлены случаями репродуктивных нарушений у обоих партнеров и случаями так называемого идиопатического бесплодия (т.е. бесплодия неясного происхождения, при котором установить физиологическую причину невозможности зачатия не удается). Процент идиопатического бесплодия на протяжении последних сорока лет остается стабильным, а общее количество бесплодных пар стремительно увеличивается.

Изучением *психологических причин идиопатического бесплодия* активно занимаются представители психоаналитической школы. Из современных публикаций следует выделить работы А. Ферро [11], Р. Ломбарди [26], Н. Кулиш [22] и А. Аббаси [2], которые описывают проблему соматизации и глубоких личностных конфликтов, лежащих в основе бесплодия. Отметим отдельно работы по изучению вторичного бесплодия [4]. М. Нотман [29] и М. Винери [43; 44] анализируют использование вспомогательных репродуктивных технологий и их последствия. В этих работах авторы приводят фантазии клиентов о соматических переживаниях, анализируют их представления об этимологии этих переживаний, описывают мифологию и смыслы бесплодия как отказа от возможности иметь детей, а также аналитическую среду, в которой происходит работа. Также рассматривается связь функционального бесплодия у женщин с трудностями их матерей в принятии своей женственности (например, [20]).

Большой интерес, чем поиск психологических причин бесплодия, сегодня вызывает тема *личностных особенностей женщин и мужчин, страдающих бесплодием*. Для знакомства с ней мы отобрали несколько основных исследований, которые рассмотрим подробно.

Т. Вишман и соавторы [37] на протяжении нескольких лет собирали и анализировали данные, полученные ими в ходе работы с 564 супружескими парами. Целью работы было создание и классификация типичных психологических профилей бесплодных пар.

При помощи опросников были получены данные о социодемографическом статусе, выявлены мотивы рождения ребенка, степень удовлетворенности жизнью и отношениями с партнером, физические и психологические жалобы; также оба партнера заполняли личностный опросник. Специфическими особенностями выборки оказались высокий образовательный уровень участников и частая представленность идиопатической формы бесплодия (27%).

В итоге было выявлено, что женщины, страдающие бесплодием, демонстрировали более высокие показатели по шкалам депрессии и тревожности, чем женщи-

ны контрольной группы. По всем другим психологическим показателями между парами с бесплодием и парами из контрольной группы статистически значимых различий не оказалось. Также не было обнаружено статистически значимых различий между психологическими показателями пар с идиопатической формой бесплодия и пар с другими формами бесплодия. В результате был сделан вывод о невозможности определения типичного психологического профиля бесплодной пары с помощью стандартных психометрических методов.

Позднее группа исследователей, возглавляемая Т. Вишманом [38], отказавшись от попыток создать типичный личностный профиль бесплодной пары, продолжила свою работу с супругами, проходящими консультацию по поводу бесплодия. Было обследовано почти 2000 мужчин и женщин, снова собраны данные о социодемографических условиях жизни семей, мотивах рождения ребенка, форме бесплодия, степени удовлетворенности жизнью и отношениями с партнером, физических и психических жалобах. Далее было проведено сравнение полученных данных в трех группах: проходящих в данный момент консультацию, планирующих пройти консультацию и тех, кто не желал посещать консультации клинических психологов.

В результате в группе проходящих консультацию оказалось больше пар, переживающих бесплодие как тяжелый стресс. Женщин, желавших пройти курс консультирования, отличал от пациенток, не обратившихся к психологу, более высокий уровень психологического стресса, причиной которого были переживания по поводу невозможности иметь ребенка и/или, что особенно интересно, субъективная высокая оценка собственной востребованности.

Авторы предположили, что подобное ощущение «повышенного спроса» могло быть одной из причин бесплодия у таких женщин. Более высокий уровень стресса был зафиксирован и у мужчин этой группы, что проявлялось в неудовлетворенности семейными и сексуальными отношениями, а также в фиксации на депрессии своих партнерш.

Т. Вишман пришел к выводу, что для многих пар кризисная ситуация, связанная с невозможностью зачатия, является причиной кумулятивной психологической травмы, и они, действительно, нуждаются не только в медицинском лечении, но и в курсе психотерапии.

Группа европейских ученых во главе с А. Галхардо поставила цель изучить психологические характеристики супружеских пар, имеющих диагноз бесплодие, в зависимости от выбора ими одной из стратегий действий: лечения бесплодия или усыновление ребенка [34; 41]. Авторы провели сравнительное исследование, предметом которого стало индивидуальное психологическое функционирование и супружеская совместимость партнеров. Были сформированы три группы: ЗГ – контрольная группа здоровых пар, БГ – пары с диагнозом

бесплодие, проходящие лечение, УГ – бесплодные пары, являющиеся кандидатами на усыновление.

У участников этих групп были собраны данные об уровне депрессии, копинг-стратегиях, самопринятии, самообвинении, переживании стыда и вины, степени близости семейных отношений, приспособлении партнеров друг к другу и удовлетворенности интимными отношениями. Результаты показали, что представители БГ, по сравнению с ЗГ и УГ, демонстрировали более высокий уровень депрессии и тревоги, более высокие показатели переживания стыда перед окружающими и стыда перед собой, а также преобладание эмоционально-фокусированных копинг-стратегий по типу избегания. В то же время, показатели шкал самопринятия и самосострадания у них были ниже, чем в остальных двух группах. В группе УГ были выявлены самые высокие баллы по показателю «приспосабливаемость партнеров друг к другу» и проблемно-фокусированные рациональные копинг-стратегии по типу эмоционального отстранения. Обе группы, в которые входили пары с бесплодием (БГ и УГ), по сравнению с контрольной группой, показали более высокие психопатологические показатели и более низкие позитивные/охранительные показатели психологического функционирования.

По показателю «сексуальное функционирование» статистически значимых различий между группами не было выявлено, однако в обеих группах с бесплодием была зафиксирована более высокая степень близости между партнерами. Авторы полагают, что фактором, обуславливающим эмоциональное сплочение в паре во время лечения, могло выступать само состояние бесплодия.

Спустя год тем же коллективом было проведено повторное исследование защитных механизмов эмоционального регулирования у пациентов, страдающих бесплодием. Полученные данные подтвердили предыдущие результаты – в бесплодных парах показатели самообвинения, стыда перед окружающими и стыда перед собой оказались статистически значимыми предикторами депрессивной симптоматики. Что же касается гендерных различий, то женщины с диагнозом бесплодие в целом демонстрировали более высокий уровень депрессивных и тревожных симптомов по сравнению с группой фертильных женщин или кандидатов на усыновление.

Таким образом, упомянутые выше исследования подчеркивают важность изучения процессов эмоционального регулирования, чувств стыда и вины, направленных вовне и на себя, для понимания психопатологической симптоматики у пациентов с бесплодием.

Тревожность и стрессовые состояния, переживаемые женщинами и мужчинами с диагнозом бесплодие, являются предметом изучения большинства зарубежных научных работ.

Традиционно, рассматривая причинно-следственную связь между уровнем психосоциального стресса и бесплодием, выделяются три основные гипотезы [39]:

1. психосоциальный стресс провоцирует развитие бесплодия;

2. бесплодие провоцирует возникновение психосоциального стресса;

3. психосоциальный стресс и бесплодие взаимобусловлены.

В течение длительного времени – уже более 40 лет – гипотеза о том, что психосоциальный стресс может послужить причиной бесплодия, не имеет однозначного доказательства или опровержения. Например, Дж. Полсон и соавторы [3] получили результаты, доказывающие, что психосоциальный стресс не является причиной возникновения бесплодия. А в опубликованных позднее исследованиях психологических предикторов мужского бесплодия, проведенных Ю. Юревичем и соавторами [30; 40] получен противоположный результат: профессиональный стресс и особенности семейного функционирования могут влиять на сперматогенез и качество спермы.

Гипотеза о том, что бесплодие провоцирует возникновение психосоциального стресса, подтверждена множеством исследований, проведенных на выборках женщин [25], мужчин [13; 16; 23; 35] и семейных пар с диагнозом бесплодие [9; 10; 12; 24].

Ряд исследований посвящен поиску **гендерных различий при переживании стресса, связанного с бесплодием**. Так, Дж. Бурепе с коллегами показали, что в целом мужчины имеют более выраженный внутренний локус контроля, меньшие показатели по шкалам самообвинения и чувства вины по поводу бесплодия, чем женщины [36]. Б. Петерсон, исследуя копинг-стратегии у людей с бесплодием, пришел к выводу, что мужчины чаще, чем женщины, используют следующие стратегии: дистанцирование (восприятие ситуации в более позитивном свете), самоконтроль (контейнирование переживаний по поводу бесплодия и недопущение их в повседневную жизнь), проблемно-ориентированное планирование (поиск информации и способов решения проблемы). Показатели «поиск социальной поддержки» и «разговоры с друзьями и врачами» были представлены в группах мужчин и женщин в равной степени [12]. Однако следует упомянуть и тот факт, что группа шведских исследователей под руководством А. Хельмстеда семью годами ранее получила результаты, согласно которым мужчины значительно реже, чем женщины, делились своими проблемами, связанными с бесплодием, с другими людьми [13].

Существуют также различия в переживании стресса, связанного с бесплодием, в зависимости от его причины. Так, известно, что женщины, не имеющие возможности зачать ребенка в связи с мужским бесплодием, демонстрируют статистически более высокий уровень ситуативной тревожности и социального стресса, чем женщины, страдающие бесплодием в связи с женским фактором, обоюдным фактором или идиопатической формой. Последние, в свою очередь, имеют более высокие показатели личностной тревожности [42].

Количество исследований в области генеза бесплодия в последние годы растет, а новые данные активно используются практикующими врачами и клиниче-

скими психологами для создания мультидисциплинарных программ оказания помощи людям с диагнозом бесплодие.

Авторы выражают благодарность кандидату медицинских наук В.И. Брутману за ценные замечания и консультации при подготовке статьи.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №16-06-00916.

Словарь медицинских терминов

Стр. 64.

Идиопатическая форма бесплодия (бесплодие неясного генеза) – диагноз, выставляемый в случае неспособности пары зачать ребенка, когда медицинское обследование не выявило у пациентов наличия патологии, и причины нарушения фертильности остаются неясными.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Филиппова Г.Г.* Психология репродуктивной сферы человека: методология, теория, практика. [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2011. № 6. URL: http://medpsy.ru/mprij/archiv_global/2011_6_11/nomer/nomer05.php (дата обращения: 12.05.2016).
2. *Abbasi A.* «Where Do the Ova Go?» An Analytic Exploration of Fantasies Regarding Infertility [Электронный ресурс] // Psychoanalytic Inquiry. 2011. Vol. 31. № 4. P. 366–379. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/07351690.2010.516228> (дата обращения: 20.11.2015). doi: 10.1080/07351690.2010.516228
3. An investigation of the relationship between emotional maladjustment and infertility / *J. Paulson, B. Haarmann, R. Salerno, P. Asmar* // Fertility and Sterility. 1988. Vol. 49. № 2. P. 258–262. doi: 10.1016/S0015-0282(16)59712-X
4. *Andrews I.* Secondary Infertility and Birth Mothers [Электронный ресурс] // Psychoanalytic Inquiry. 2010. Vol. 30. № 1. P. 80–93. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/07351690903200184> (дата обращения: 11.11.2015). doi: 10/1080/07351690903200184
5. *Bitzer J.* Somatization disorders in obstetrics and gynecology [Электронный ресурс] // Archives of Women's Mental Health. 2003. № 6. P. 99–107. URL: <http://link.springer.com/article/10.1007/s00737-002-0150-6#page-2> (дата обращения: 20.11.2015). doi: 10.1007/s00737-002-0150-6
6. *Calabrese L.* Approach to the patient with multiple physical complaints // The MGH guide to psychiatry in primary care / *T.A. Stern, J.B. Herman, P.L. Slavin*. New York: McGraw-Hill; Health Professions Division. 1998. P. 89–103.
7. *Cloninger C.R.* Somatization disorder. In: *Widiger T.A., Frances A.J., Pincus H.A.* DSM-IV sourcebook, Vol 2. Washington, DC : American Psychiatric Association, 1996. P. 885–892.
8. *Deka P., Sarma S.* Psychological aspects of infertility [Электронный ресурс] // British Journal of Medical Practitioners. 2010. Vol. 3. № 3. P. 336–338. URL: <http://www.bjpm.org/content/psychological-aspects-infertility> (дата обращения: 20.11.2015).
9. Distress and concerns in couples referred to a specialist infertility clinic / *K.M. Anderson, M. Sharpe, A. Rattray, D.S. Irvine* // Journal of Psychosomatic Research. 2003. Vol. 54. № 4. P. 353–355. doi: 10.1016/S0022-3999(02)00398-7
10. *Edelmann R.J., Connolly K.J.* Gender differences in response to infertility and infertility investigation: real or illusory // British Journal of Health Psychology. 2000. Vol. 5. № 4. P. 365–375. doi: 10.1348/135910700168982
11. *Ferro A.* Creativity in the Consulting Room: Factors of Fertility and Infertility [Электронный ресурс] // Psychoanalytic Inquiry. 2012. Vol. 32. № 3. P. 257–274. URL: <http://opensample.info/creativity-in-the-consulting-room-factors-of-fertility-and-infertility> (дата обращения: 11.11.2015). doi: 10.1080/07351690.2011.609059
12. Gender differences in how men and women who are referred to IVF cope with infertility stress [Электронный ресурс] / *B.D. Peterson, C.R. Newton, K.H. Rosen, G.E. Skaggs* Human Reproduction. 2006. Vol. 21. № 9. P. 2443–2452. URL: <http://humrep.oxfordjournals.org/content/21/9/2443.long> (дата обращения: 20.11.2015).
13. Gender differences in psychological reactions to infertility among couples seeking IVF- and CSI-treatment [Электронный ресурс] / *A. Hjelmstedt, L. Andersson, A. Skoog-Svanberg, T. Bergh, J. Boivin* [et al.] // Acta Obstetrica et Gynecologica Scandinavica. 1999. Vol 78. № 1. P. 42–50. URL: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/9926891> (дата обращения: 20.11.2015). doi: 10.1034/j.1600-0412.1999.780110.x
14. Gender differences of symptom reporting and medical health care utilization in the German population [Электронный ресурс] / *K.H. Ladewig, B. Marten-Mittag, B. Formanek, G. Dammann* // European Journal of Epidemiology. 2000. Vol. 16. № 6. P. 511–518. URL: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/11049093> (дата обращения: 20.11.2015). doi: 10.1023/A:1007629920752
15. *Golding J.M., Smith G.R., Kashner T.M.* Does somatization disorder occur in men? Clinical characteristics of women and men with multiple unexplained somatic symptoms // Archives Of General Psychiatry. 1991. Vol. 48. № 3. P. 231–235. doi: 10.1034/j.1600-0412.1999.780110.x
16. *Hadley R., Hanley T.* Involuntarily childless men and the desire for fatherhood [Электронный ресурс] // Journal of Reproductive and Infant Psychology. 2011. Vol. 29. № 1. P. 56–68. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/02646838.2010.544294> (дата обращения: 15.11.2015). doi: 10.1080/02646838.2010.544294

17. *Herschbach P.* The “Well-being paradox” in quality-of-life research [Электронный ресурс] // *Psychotherapie Psychosomatik Medizinische Psychologie*. 2002. Mar-Apr. Vol. 52. № 3–4. P. 141–150. URL: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/11941521> (дата обращения: 17.11.2015).
18. *Kaplan H.I., Sadock B.J.* Comprehensive textbook of psychiatry IV. 6th edn. Baltimore: Williams and Wilkins. 1995. 480 p.
19. *Kellner R.* Somatization and hypochondriasis. New York: Praeger-Greenwood. 1986. 426 p.
20. *Kipper D.A., Zadik H.* Functional infertility and femininity: A comparison of infertile women and their mothers // *Journal of Clinical Psychology*. 1996. Vol. 52. № 4. P. 375–382. doi: 10.1002/(SICI)1097-4679(199607)52:4<375::AID-JCLP1>3.0.CO;2-P
21. *Kirmayer L.J., Robbins G.M.* Three forms of somatization in primary care: prevalence, cooccurrence and sociodemographic characteristics // *Journal of Nervous and Mental Disease*. 1991. Vol. 179. № 11. P. 647–655.
22. *Kulish N.* On Childlessness [Электронный ресурс] // *Psychoanalytic Inquiry*. 2011. № 31. P. 350–365. URL: <http://www.pep-web.org/document.php?id=pi.031.0350a&type=hitlist&num=6&query=zone1%2Cparagraphs|zone2%2Cparagraphs|whocitedthis%2Cjpp.083.0085a> (дата обращения: 15.11.2015).
23. *Lee T.Y., Chu T.Y.* The Chinese experience of male infertility [Электронный ресурс] // *Western Journal of Nursing Research*. 2001. Vol. 23. № 7. P. 714–739. URL: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/11675797> (дата обращения: 15.11.2015).
24. *Lee T.Y., Sun G.H., Chao S.C.* The effect of an infertility diagnosis on the distress, marital and sexual satisfaction between husbands and wives in Taiwan [Электронный ресурс] // *Human Reproduction*. 2001. №16. P. 1762-1769. URL: <http://humrep.oxfordjournals.org/content/16/8/1762.full> (дата обращения: 20.11.2015). doi: 10.1093/humrep/16.8.1762
25. *Lin J.L., Lin Y.H., Chuen K.H.* Somatic symptoms, psychological distress and sleep disturbance among infertile women with intrauterine insemination treatment [Электронный ресурс] // *Journal of Clinical Nursing*. 2014. Vol 23. № 11–12. P. 1677–1684. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/jocn.12306/full> (дата обращения: 20.11.2015). doi: 10.1111/jocn.12306
26. *Lombardi R.* The Body, Feelings, and the Unheard Music of the Senses [Электронный ресурс] // *Contemporary Psychoanalysis*. 2011. Vol. 47. № 1. P. 3–24. URL: <http://www.wawhite.org/uploads/Journals/CP47-1-LOMBARDI.pdf> (дата обращения: 20.11.2015).
27. *Mechanic D.* Sex, illness, illness behavior, and the use of health services // *Journal of human stress*. 1976. Vol. 2. № 4. P. 29–40. doi: 10.1080/0097840X.1976.9936072
28. *Neises, M., Malewski, P., Watermann, E.* Psychosocial Conditions and Psychosomatic Disorders in Gynecology // *Journal of Psychosomatic Obstetrics and Gynecology*. BOOK OF ABSTRACTS: XV International Congress of ISPOG. 2007. № 28. P. 36.
29. *Notman M.T.* Some Thoughts About the Psychological Issues Related to Assisted Reproductive Technology [Электронный ресурс] // *Psychoanalytic Inquiry*. 2011. Vol. 31. № 4. P. 380–391. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/07351690.2010.516230> (дата обращения: 10.11.2015). doi: 10.1080/07351690.2010.516230
30. Occupational, life stress and family functioning: does it affect semen quality? [Электронный ресурс] / *J. Jurewicz, M. Radwan, D. Merez-Kot, W. Sobala, D. Ligocka, P. Radwan, M. Bochenek, W. Hanke* // *Annals of Human Biology*. 2014. Vol. 41 № 3. P. 220–228. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.3109/03014460.2013.849755> (дата обращения: 20.11.2015). doi: 10.3109/03014460.2013.849755
31. *Pearlstein T.B.* Hormones and depression. What are the facts about premenstrual syndrome. Menopause and hormone replacement therapy? [Электронный ресурс] // *American Journal of Obstetrics and Gynecology*. 1995. Vol. 173. № 2. P. 646–653. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S000293789590297X> (дата обращения: 15.11.2015). doi: 10.1016/0002-9378(95)90297-X
32. *Piccinelli M., Simon G.* Gender and cross-cultural differences in somatic symptoms associated with emotional distress: An international study in primary care [Электронный ресурс] // *Psychological Medicine*. 1997. Vol. 27. № 2. P. 433–444. URL: <http://journals.cambridge.org/action/displayAbstract?fromPage=online&aid=25325> (дата обращения: 20.10.2015). doi: 10.1017/S0033291796004539
33. Psychological and physical factors influencing the health-related quality of life patients of a department of gynecology in a university hospital [Электронный ресурс] / *K. Weidner, F. Einsle, F. Siedentopf, Y. Stobel-Richter, W. Distler, P. Joraschky* // *Journal of Psychosomatic Obstetrics and Gynecology*. 2006. Vol. 27. № 4. P. 257–265. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/01674820600999795?journalCode=ipob20> (дата обращения: 20.10.2015). doi: 10.1080/01674820600999795
34. Psychological aspects in coupled with infertility [Электронный ресурс] / *A. Galhardo, M. Cunha, M. Matos, Pinto-Gouveia, J.* // *Sexologies*. 2011. № 20. P. 224–228. URL: <http://www.bjmp.org/content/psychological-aspects-infertility> (дата обращения: 15.11.2015). doi: 10.1016/j.sexol.2011.08.006
35. Psychological Characteristics of Tunisian Infertile Men [Электронный ресурс] / *B. Amamou, Kissi Y. El, S Hidar, S. Bannour, K. Idrissi, H. Khairi, Hadj Ali B. Ben* // *Men and Masculinities*. 2013. Vol. 16 № 5. P. 579–586. URL: <http://jmm.sagepub.com/content/16/5/579.short> (дата обращения: 20.11.2015). doi: 10.1177/1097184X13511255

36. Psychosocial adjustment to infertility and its treatment: male and female responses at different stages of IVF/ET treatment / Jones M. Beaurepaire, P. Thiering, D. Saunders, C. Tennant // *Journal of Psychosomatic Research*. 1994. Vol. 38. № 3. P. 229–240. doi: 10.1016/0022-3999(94)90118-X
37. Psychosocial characteristics of infertile couples: a study by the «Heidelberg Fertile Consultation Service» [Электронный ресурс] / T. Wischmann, H. Stammer, Gerhard I. Scherg, R. Verres // *Human Reproduction*. 2001. № 16 (8). P. 1753–1761. URL: <http://humrep.oxfordjournals.org/content/16/8/1753.full> (дата обращения: 20.11.2015). doi: 10.1093/humrep/16/8/1753
38. Psychosocial characteristics of women and men attending infertility counseling [Электронный ресурс] / T. Wischmann, H. Scherg, Th. Strowitzki, R. Verres // *Human Reproduction*. 2009. Vol. 24. № 2. P. 378–385. URL: <http://humrep.oxfordjournals.org/content/24/2/378.full> (дата обращения: 17.11.2015). doi: 10.1093/humrep/den401
39. Psychosocial distress and infertility: a review of controlled research counseling [Электронный ресурс] / J. Wright, M. Allard, A. Lecours, S. Sabourin // *International Journal of Fertility and Sterility*. 1989. Vol. 34. № 2. P. 126–142. URL: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/2565316> (дата обращения: 20.11.2015).
40. The effect of stress on the semen quality [Электронный ресурс] / J. Jurewicz, W. Hanke, W. Sobala, D. Merez, M. Radwan // *Медусуна Працу*. 2010. Vol. 61. № 6. P. 607–613. URL: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/21452563> (дата обращения: 20.11.2015).
41. The impact of shame and self-judgment on psychopathology in infertile patients [Электронный ресурс] / A. Galhardo, M. Cunha, M. Matos, J. Pinto-Gouveia // *Human Reproduction*. 2011. Vol. 26. № 9. P. 2408–2414. URL: <http://humrep.oxfordjournals.org/content/early/2011/07/04/humrep.der209.full> (дата обращения: 10.11.2015). doi: 10.1093/humrep/der209
42. The impact of infertility diagnosis on psychological status of women undergoing fertility treatment / K. Lykeridou, K. Gourounti, A. Deltsidou, D. Loutradis, G. Vaslamatzis // *Journal of Reproductive and Infant Psychology*. 2009. Vol. 27. № 3. P. 223–237. doi 10.1080/02646830802350864
43. *Vigneri M.* Children who comes from the cold. On the infertile woman and the new procreative frontiers // *Rivista di Psicoanalisi*. 2011. Vol. 57. № 3. P. 117–145.
44. *Vigneri M.* Children who come from the cold, second part – new reproductive frontiers: post-mortem conception // *Rivista di Psicoanalisi*. 2011. Vol. 57. № 3. P. 655–670.
45. *Walker E.A., Gelfand A.N., Gelfand M.D.* Chronic pelvic pain and gynecological symptoms in women with irritable bowel syndrome [Электронный ресурс] // *Journal of Psychosomatic Obstetrics and Gynecology*. 1996. Vol. 17. № 1. P. 39–46. URL: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/8860885> (дата обращения 20.11.2015).

Investigation of psychosomatic aspects of gynecological and andrological diseases and infertility: a review of contemporary international researches

Lantsburg M.E.,

*Candidate of biological sciences, Associate Professor of Chair of Developmental Psychology, Department of Psychology
of Education, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia,
lantsburgme@mgppu.ru*

Krysanova T.V.,

*graduate of the professional development program “Psychological preparation of future parents for child upbringing
(in the perinatal period, infancy and early age)”, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia,
rabortnovatv@mail.ru*

Solovyeva E.V.,

*Senior Research Associate, Center for Applied Psychological and Educational Research, Moscow State University
of Psychology and Education, Moscow, Russia,
solovevaev@mgppu.ru*

In recent decades, the increasing worldwide problems in the reproductive sphere of people, the problem of preserving reproductive health of the population has become very topical, it requires joint medical and psychological efforts. This article presents a review of more than 70 modern English-language scientific publications devoted to the study of psychological and psychosomatic peculiarities of men, women and couples with reproductive disorders and psychological predictors and consequences of these problems. The best known and the least explored psychological aspects of reproductive disorders are highlighted, the results of research are described, also R. Linder's psychotherapeutic method of preventing premature births is outlined. The article has two parts: the first part presents the research of psychosomatic aspects of male and female reproductive diseases, including infertility; the second one is devoted to psychological and psychosomatic disorders of women during pregnancy and childbirth.

Keywords: reproductive disorders, infertility, stress, psychosomatics, anxiety, high-risk pregnancy, obstetrics complications, habitual miscarriage, premature birth, psychology of reproduction.

The publication is prepared with the support of Russian Foundation for Humanities (project №16-06-00916)

REFERENCES

1. Filippova G.G. Psikhologiya reproductivnoi sfery cheloveka: metodologiya, teoriya, praktika [Elektronnyi resurs] [Psychology of human reproductive system: methodology, theory, practice]. *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii: elektron. nauch. zhurn [Medical psychology in Russia: the electron. scientific. zh.]*, 2011. No. 6. Available at: http://medpsy.ru/mprj/archiv_global/2011_6_11/nomer/nomer05.php (Accessed 12.05.2016). (In Russ.).
2. Abbasi A. «Where Do the Ova Go?» An Analytic Exploration of Fantasies Regarding Infertility [Electronic resource]. *Psychoanalytic Inquiry*, 2011. Vol. 31, no. 4, pp. 366–379. Available at: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/07351690.2010.516228> (Accessed: 20.11.2015). doi: 10.1080/07351690.2010.516228
3. An investigation of the relationship between emotional maladjustment and infertility. J. Paulson, B. Haarmann, R. Salerno, P. Asmar. *Fertility and Sterility*. 1988. Vol. 49, no. 2, pp. 258–262. doi: 10.1016/S0015-0282(16)59712-X
4. Andrews I. Secondary Infertility and Birth Mothers [Electronic resource]. *Psychoanalytic Inquiry*, 2010. Vol. 30, no. 1, pp. 80–93. Available at: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/07351690903200184> (Accessed: 11.11.2015). doi: 10/1080/07351690903200184
5. Bitzer J. Somatization disorders in obstetrics and gynecology [Electronic resource]. *Archives of Women's Mental Health*, 2003, no. 6, pp. 99–107. Available at: <http://link.springer.com/article/10.1007/s00737-002-0150-6#page-2> (Accessed: 20.11.2015). doi: 10.1007/s00737-002-0150-6
6. Calabrese L. Approach to the patient with multiple physical complaints. *The MGH guide to psychiatry in primary care*. T.A. Stern, J.B. Herman, P.L. Slavin. New York: McGraw-Hill; Health Professions Division. 1998, pp. 89–103.
7. Cloninger C.R. Somatization disorder. In: Widiger T.A., Frances A.J., Pincus H.A. DSM-IV sourcebook, Vol 2. Washington, DC : American Psychiatric Association, 1996, pp. 885–892.
8. Deka P., Sarma S. Psychological aspects of infertility [Electronic resource]. *British Journal of Medical Practitioners*, 2010. Vol. 3, no. 3, pp. 336–338. Available at: <http://www.bjmp.org/content/psychological-aspects-infertility> (Accessed: 20.11.2015).

9. Distress and concerns in couples referred to a specialist infertility clinic. K.M. Anderson, M. Sharpe, A. Rattray, D.S. Irvine. *Journal of Psychosomatic Research*, 2003. Vol. 54, no. 4, pp. 353–355. doi: 10.1016/S0022-3999(02)00398-7
10. Edelmann R.J., Connolly K.J. Gender differences in response to infertility and infertility investigation: real or illusory. *British Journal of Health Psychology*, 2000. Vol. 5, no. 4, pp. 365–375. doi: 10.1348/135910700168982
11. Ferro A. Creativity in the Consulting Room: Factors of Fertility and Infertility [Electronic resource]. *Psychoanalytic Inquiry*, 2012. Vol. 32, no. 3, pp. 257–274. Available at: <http://opensample.info/creativity-in-the-consulting-room-factors-of-fertility-and-infertility> (Accessed: 11.11.2015). doi: 10.1080/07351690.2011.609059
12. Gender differences in how men and women who are referred to IVF cope with infertility stress [Electronic resource]. B.D. Peterson, C.R. Newton, K.H. Rosen, G.E. Skaggs. *Human Reproduction*, 2006. Vol. 21, no. 9, pp. 2443–2452. Available at: <http://humrep.oxfordjournals.org/content/21/9/2443.long> (Accessed: 20.11.2015).
13. Gender differences in psychological reactions to infertility among couples seeking IVF- and CSI-treatment [Electronic resource]. A. Hjelmstedt, L. Andersson, A. Skoog-Svanberg, T. Bergh, J. Boivin [et al.]. *Acta Obstetrica et Gynecologica Scandinavica*, 1999. Vol 78, no. 1, pp. 42–50. Available at: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/9926891> (Accessed: 20.11.2015). doi: 10.1034/j.1600-0412.1999.780110.x
14. Gender differences of symptom reporting and medical health care utilization in the German population [Electronic resource]. K.H. Ladewig, B. Marten-Mittag, B. Formanek, G. Dammann. *European Journal of Epidemiology*, 2000. Vol. 16, no. 6, pp. 511–518. Available at: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/11049093> (Accessed: 20.11.2015). doi: 10.1023/A:1007629920752
15. Golding J.M., Smith G.R., Kashner T.M. Does somatization disorder occur in men? Clinical characteristics of women and men with multiple unexplained somatic symptoms. *Archives Of General Psychiatry*, 1991. Vol. 48, no. 3, pp. 231–235. doi: 10.1034/j.1600-0412.1999.780110.x
16. Hadley R., Hanley T. Involuntarily childless men and the desire for fatherhood [Electronic resource]. *Journal of Reproductive and Infant Psychology*, 2011. Vol. 29, no. 1, pp. 56–68. Available at: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/02646838.2010.544294> (Accessed: 15.11.2015). doi: 10.1080/02646838.2010.544294
17. Herschbach P. The “Well-being paradox” in quality-of-life research [Electronic resource]. *Psychotherapie Psychosomatik Medizinische Psychologie*, 2002. Vol. 52, no. 3–4, Mar–Apr, pp. 141–150. Available at: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/11941521> (Accessed: 17.11.2015).
18. Kaplan H.I., Sadock B.J. Comprehensive textbook of psychiatry IV. 6th edn. Baltimore: Williams and Wilkins. 1995. 480 p.
19. Kellner R. Somatization and hypochondriasis. New York: Praeger-Greenwood. 1986. 426 p.
20. Kipper D.A., Zadik H. Functional infertility and femininity: A comparison of infertile women and their mothers. *Journal of Clinical Psychology*, 1996. Vol. 52, no. 4. P. 375–382. doi: 10.1002/(SICI)1097-4679(199607)52:4<375::AID-JCLP1>3.0.CO;2-P
21. Kirmayer L.J., Robbins G.M. Three forms of somatization in primary care: prevalence, cooccurrence and sociodemographic characteristics. *Journal of Nervous and Mental Disease*, 1991. Vol. 179, no. 11, pp. 647–655.
22. Kulish N. On Childlessness [Electronic resource]. *Psychoanalytic Inquiry*, 2011, no. 31, pp. 350–365. Available at: <http://www.pep-web.org/document.php?id=pi.031.0350a&type=hitlist&num=6&query=zone1%2Cparagraphs|zone2%2Cparagraphs|whocitedthis%2Cijp.083.0085a> (Accessed: 15.11.2015).
23. Lee T.Y., Chu T.Y. The Chinese experience of male infertility [Electronic resource]. *Western Journal of Nursing Research*, 2001. Vol. 23, no. 7, pp. 714–739. Available at: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/11675797> (Accessed: 15.11.2015).
24. Lee T.Y., Sun G.H., Chao S.C. The effect of an infertility diagnosis on the distress, marital and sexual satisfaction between husbands and wives in Taiwan [Electronic resource]. *Human Reproduction*, 2001, no. 16, pp. 1762–1769. Available at: <http://humrep.oxfordjournals.org/content/16/8/1762.full> (Accessed: 20.11.2015). doi: 10.1093/humrep/16.8.1762
25. Lin J.L., Lin Y.H., Chuen K.H. Somatic symptoms, psychological distress and sleep disturbance among infertile women with intrauterine insemination treatment [Electronic resource]. *Journal of Clinical Nursing*, 2014. Vol 23, no. 11–12, pp. 1677–1684. Available at: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/jocn.12306/full> (Accessed: 20.11.2015). doi: 10.1111/jocn.12306
26. Lombardi R. The Body, Feelings, and the Unheard Music of the Senses [Electronic resource]. *Contemporary Psychoanalysis*, 2011. Vol. 47, no. 1, pp. 3–24. Available at: <http://www.wawwhite.org/uploads/Journals/CP47-1-LOMBARDI.pdf> (Accessed: 20.11.2015).
27. Mechanic D. Sex, illness, illness behavior, and the use of health services. *Journal of human stress*, 1976. Vol. 2, no. 4, pp. 29–40. doi: 10.1080/0097840X.1976.9936072
28. Neises, M., Malewski, P., Watermann, E. Psychosocial Conditions and Psychosomatic Disorders in Gynecology. *Journal of Psychosomatic Obstetrics and Gynecology. BOOK OF ABSTRACTS: XV International Congress of ISPOG*, 2007, no. 28, pp. 36.
29. Notman M.T. Some Thoughts About the Psychological Issues Related to Assisted Reproductive Technology [Electronic resource]. *Psychoanalytic Inquiry*, 2011. Vol. 31, no. 4, pp. 380–391. Available at: <http://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/07351690.2010.516230> (Accessed: 10.11.2015). doi: 10.1080/07351690.2010.516230

30. Occupational, life stress and family functioning: does it affect semen quality? [Electronic resource]. J. Jurewicz, M. Radwan, D. Merez-Kot, W. Sobala, D. Ligocka, P. Radwan, M. Bochenek, W. Hanke. *Annals of Human Biology*, 2014. Vol. 41 № 3, pp. 220–228. Available at: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.3109/03014460.2013.849755> (Accessed: 20.11.2015). doi: 10.3109/03014460.2013.849755
31. Pearlstein T.B. Hormones and depression. What are the facts about premenstrual syndrome. Menopause and hormone replacement therapy? [Electronic resource]. *American Journal of Obstetrics and Gynecology*, 1995. Vol. 173, no. 2, pp. 646–653. Available at: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S000293789590297X> (Accessed: 15.11.2015). doi: 10.1016/0002-9378(95)90297-X
32. Piccinelli M., Simon G. Gender and cross-cultural differences in somatic symptoms associated with emotional distress: An international study in primary care [Electronic resource]. *Psychological Medicine*, 1997. Vol. 27, no. 2, pp. 433–444. Available at: <http://journals.cambridge.org/action/displayAbstract?fromPage=online&aid=25325> (Accessed: 20.10.2015). doi: 10.1017/S0033291796004539
33. Psychological and physical factors influencing the health-related quality of life patients of a department of gynecology in a university hospital [Electronic resource]. K. Weidner, F. Einsle, F. Siedentopf, Y. Stobel-Richter, W. Distler, P. Joraschky. *Journal of Psychosomatic Obstetrics and Gynecology*, 2006. Vol. 27, no. 4, pp. 257–265. Available at: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/01674820600999795?journalCode=ipob20> (Accessed: 20.10.2015). doi: 10.1080/01674820600999795
34. Psychological aspects in coupled with infertility [Electronic resource]. A. Galhardo, M. Cunha, M. Matos, J. Pinto-Gouveia. *Sexologies*. 2011, no. 20, pp. 224–228. Available at: <http://www.bjmp.org/content/psychological-aspects-infertility> (Accessed: 15.11.2015). doi: 10.1016/j.sexol.2011.08.006
35. Psychological Characteristics of Tunisian Infertile Men [Electronic resource]. B. Amamou, Kissi Y. El, S Hidar, S. Bannour, K. Idrissi, H. Khairi, Hadj Ali B. Ben. *Men and Masculinities*, 2013. Vol. 16 № 5, pp. 579–586. Available at: <http://jmm.sagepub.com/content/16/5/579.short> (Accessed: 20.11.2015). doi: 10.1177/1097184X13511255
36. Psychosocial adjustment to infertility and its treatment: male and female responses at different stages of IVF/ET treatment. Jones M. Beaurepaire, P. Thiering, D. Saunders, C. Tennant. *Journal of Psychosomatic Research*, 1994. Vol. 38, no. 3, pp. 229–240. doi: 10.1016/0022-3999(94)90118-X
37. Psychosocial characteristics of infertile couples: a study by the «Heidelberg Fertile Consultation Service» [Electronic resource]. T. Wischmann, H. Stammer, Gerhard I. Scherg, R. Verres. *Human Reproduction*, 2001. Vol. 16, no. 8, pp. 1753–1761. Available at: <http://humrep.oxfordjournals.org/content/16/8/1753.full> (Accessed: 20.11.2015). doi: 10.1093/humrep/16/8/1753
38. Psychosocial characteristics of women and men attending infertility counseling [Electronic resource]. T. Wischmann, H. Scherg, Th. Strowitzki, R. Verres. *Human Reproduction*, 2009. Vol. 24, no. 2, pp. 378–385. Available at: <http://humrep.oxfordjournals.org/content/24/2/378.full> (Accessed: 17.11.2015). doi: 10.1093/humrep/den401
39. Psychosocial distress and infertility: a review of controlled research counseling [Electronic resource]. J. Wright, M. Allard, A. Lecours, S. Sabourin. *International Journal of Fertility and Sterility*, 1989. Vol. 34, no. 2, pp. 126–142. Available at: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/2565316> (Accessed: 20.11.2015).
40. The effect of stress on the semen quality [Electronic resource]. J. Jurewicz, W. Hanke, W. Sobala, D. Merez, M. Radwan. *Medycyna Pracy*, 2010. Vol. 61, no. 6, pp. 607–613. Available at: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/21452563> (Accessed: 20.11.2015).
41. The impact of shame and self-judgment on psychopathology in infertile patients [Electronic resource]. A. Galhardo, M. Cunha, M. Matos, J. Pinto-Gouveia. *Human Reproduction*, 2011. Vol. 26, no. 9, pp. 2408–2414. Available at: <http://humrep.oxfordjournals.org/content/early/2011/07/04/humrep.der209.full> (Accessed: 10.11.2015). doi: 10.1093/humrep/der209
42. The impact of infertility diagnosis on psychological status of women undergoing fertility treatment. K. Lykeridou, K. Gourounti, A. Deltsidou, D. Loutradis, G. Vaslamatzis. *Journal of Reproductive and Infant Psychology*, 2009. Vol. 27, no. 3, pp. 223–237. doi 10.1080/02646830802350864
43. Vigneri M. Children who comes from the cold. On the infertile woman and the new procreative frontiers. *Rivista di Psicoanalisi*, 2011. Vol. 57, no. 3, pp. 117–145.
44. Vigneri M. Children who come from the cold, second part – new reproductive frontiers: post-mortem conception. *Rivista di Psicoanalisi*, 2011. Vol. 57, no. 3, pp. 655–670.
45. Walker E.A., Gelfand A.N., Gelfand M.D. Chronic pelvic pain and gynecological symptoms in women with irritable bowel syndrome [Electronic resource]. *Journal of Psychosomatic Obstetrics and Gynecology*, 1996. Vol. 17, no. 1, pp. 39–46. Available at: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/8860885> (Accessed 20.11.2015).

Психологические и психосоматические нарушения в период беременности и родов: обзор современных зарубежных исследований

Ланцбург М.Е.,

кандидат биологических наук, доцент кафедры возрастной психологии факультета психологии образования
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
lantsburgme@mgppu.ru

Крысанова Т.В.,

выпускница программы профессиональной переподготовки «Психологическая подготовка будущих родителей к воспитанию ребенка (в перинатальном периоде/ младенчестве и раннем возрасте)»,
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
rabortnovatv@mail.ru

Соловьева Е.В.,

старший научный сотрудник Центра прикладных психолого-педагогических исследований
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
solovevaev@mgppu.ru

В последние десятилетия в связи с возрастанием во всем мире проблем в репродуктивной сфере людей, весьма актуальной стала проблема сохранения репродуктивного здоровья населения. Это требует объединения усилий медицины и психологии. В статье представлен обзор современных англоязычных научных публикаций, посвященных изучению психологических и психосоматических особенностей мужчин, женщин и семейных пар с репродуктивными нарушениями, а также исследованию психологических предикторов и последствий данных проблем. Выделены наиболее и наименее изученные психологические аспекты нарушения репродуктивного здоровья, описаны результаты исследований и метод психотерапевтической работы с женщинами по предупреждению преждевременных родов Р. Линдера. Статья состоит из двух частей: в первой представлены результаты исследований психосоматических аспектов заболеваний репродуктивной сферы у женщин и мужчин, в том числе бесплодия; вторая посвящена психологическим и психосоматическим нарушениям в период беременности и родов.

Ключевые слова: нарушение репродуктивного здоровья, бесплодие, стресс, психосоматика, тревожность, осложненная беременность, акушерские осложнения, невынашивание беременности, преждевременные роды, психология репродуктивной сферы.

Для цитаты:

Ланцбург М.Е., Крысанова Т.В., Соловьева Е.В. Психологические и психосоматические нарушения в период беременности и родов [Электронный ресурс]: Обзор современных зарубежных исследований // Современная зарубежная психология. 2016. Том 5. № 2, С. 78–87. doi: 10.17759/jmfp.2016050210

For citation:

Lantsburg M.E., Krysanova T.V., Solovyeva E.V. Psychological and psychosomatic disorders during pregnancy and childbirth [Elektronnyy resurs]: A review of contemporary international researches. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 2016, vol. 5, no. 2, pp. 78–87. doi: 10.17759/jmfp.2016050210 (In Russ., Abstr. in Engl.).

Изучению связи психического развития ребенка и личностных характеристик его матери посвящено много работ, однако индивидуальные особенности женщины, как фактор, влияющий на течение беременности и родов, стали предметом исследований относительно недавно. Еще двадцать лет назад наличие патологии беременности и родов рассматривалось исключительно как состояние, зависящее от здоровья женщины, ее образа жизни и компетенции врачей, а ее переживания не учитывались, не придавалось должного внимания и психологической помощи беременным. В последнее десятилетие стало появляться все больше научных публикаций, авторы которых с позиций психосоматического подхода обратили внимание на то,

что личностные характеристики женщин и качество их отношений с близкими влияют на протекание беременности и родов.

Психологические факторы, влияющие на вынашивание ребенка и его развитие

Нарушение репродуктивной функции у женщин в ходе беременности может проявляться в трех основных аспектах: *невынашивание беременности, задержки внутриутробного развития плода и гестозы.*

Актуальность проблемы невынашивания беременности обусловлена ее стабильной и достаточно высокой частотой встречаемости в мире. Статистические показатели варьируют в разных странах, но в среднем

достигают значения 10–20% от числа всех беременностей. Более того, фактически частота самопроизвольных прерываний беременности значительно выше, так как в это число входит также большое количество ранних, субклинически протекающих выкидышей.

Этиологические факторы невынашивания беременности сложны и многообразны. Их можно условно разделить на социально-биологические и медицинские. Среди медицинских факторов основополагающими являются генетические детерминанты, активно изучаемые в последнее время.

Среди психологических факторов невынашивания наиболее часто выделяют личностные особенности женщин [17; 21] и неадекватные механизмы реагирования на стресс [6; 26]. Как показано в работе Дж. Аплина, половина невынашиваний беременности без аномалий кариотипа, прервавшихся в первом триместре, обусловлена патологией имплантации [3]. Исследование А. Гравантиса с соавторами обнаружило в эндометрии матки стрессовые гормоны, местное действие которых вызывает нарушение децидуализации эндометрия и имплантации бластоцисты [27].

Таким образом, можно сказать, что неэффективные копинг-стратегии и/или низкая стрессоустойчивость приводят к возникновению особого эндокринного состояния, которое сопутствует переживанию стресса. Это, в свою очередь, может вызывать описанный выше механизм патологии имплантации и приводить к прерыванию беременности на раннем сроке. Кроме того, неадекватные механизмы реакции на стресс могут быть одной из причин развития плацентарной недостаточности, так как действие гормонов стресса может провоцировать ограничение инвазии трофобласта поверхностными слоями [19].

Иммунная система беременной женщины также весьма чувствительна к ее психологическому состоянию. Депрессивные симптомы и стресс – это предикторы нагнетания действия фактора ингибирования миграции макрофагов (MIF) в организме беременной. Данные, полученные в ходе исследования Л. Кристиан и ее коллег [5], подтверждают, что депрессивные симптомы связаны с активацией воспалительной реакции и женщины с выраженной депрессивной симптоматикой могут быть более уязвимы для осложнений инфекционных заболеваний, протекающих во время беременности.

Показано, что повышение уровня MIF во время беременности влечет за собой риск развития гестоза второй половины беременности [9] и преждевременных родов [25]. В ходе другого исследования [18], в котором сравнивались беременные с клинической депрессией и беременные без депрессивной симптоматики, было выявлено статистически значимое повышение уровня MIF в сыворотке крови первых. Таким образом, оказалось, что депрессивные состояния и стресс имеют непосредственное отношение к повышению риска преэклампсии и преждевременных родов.

Со второй половины XX века отмечается значительное учащение пороков развития плода, особенно в развитых странах. В связи с этим возник повышенный интерес к изучению влияния психосоциальных факторов на уровень MIF во время вынашивания.

Так как отслойка плаценты, задержка внутриутробного развития плода и преэклампсия имеют схожие патофизиологические механизмы и факторы риска, была выдвинута гипотеза о том, что материнский стресс может быть связан с риском возникновения отслоения плаценты. Для подтверждения этой гипотезы К.Д. Лазло и соавт. [14] изучили взаимосвязь утраты, перенесенной матерью во время беременности, и отслоения плаценты и выяснили, что утрата ребенка за год до беременности или в течение первого триместра беременности ассоциативно связана с возрастанием риска отслоения плаценты, особенно среди женщин, страдающих хронической гипертензией.

Гестоз второй половины беременности и депрессия – две самых распространенные и наиболее часто исследуемые проблемы, оказывающие неблагоприятное влияние на будущую мать и вынашиваемого ребенка. В лонгитюдном исследовании Й. Номуры было рассмотрено отрицательное влияние двух упомянутых заболеваний, пришедшихся на время беременности, на дальнейшее состояние диады «мать-ребенок», включая неблагоприятный исход родов, младенческую смертность и темперамент ребенка в возрасте трех месяцев. Гестоз второй половины беременности коррелировал с более чем 5-кратным возрастанием риска младенческой смертности и в 3–7 раз повышал риск неблагоприятного исхода родов, угнетения ЦНС и стресса у новорожденного. Также было доказано, что у детей, чьи матери во второй половине беременности страдали гестозом и демонстрировали депрессивные симптомы, статистически чаще встречались трудные типы темперамента. Исходя из этого, авторы сделали вывод, что гестоз и депрессия у беременной оказывают негативное влияние на нервно-психическое развитие ребенка после его рождения [29].

Депрессии послеродового периода изучаются уже больше полувека и их симптоматика подробно описана психиатрами. Современные испанские исследователи предприняли попытку отыскать прогностические параметры послеродового расстройства в индивидуальных особенностях матери и выявили единственный предиктор послеродовой депрессии – нейротизм [15].

Психологические факторы, влияющие на течение родов

Биомеханизм родов и факторы, сопутствующие благоприятному или неблагоприятному их исходу, изучаются давно. Но, так же, как в случае с беременностью, психологические аспекты (личность женщины, ее эмоциональное состояние и индивидуально-типологические черты) в течение долгого времени не рассматривались как значимые факторы течения и исхода родов.

В настоящее время в отношении родов изучаются в основном те же психологические составляющие, что и в связи с беременностью. К одной из основных причин акушерских осложнений в родах относят повышенный уровень гормонов стресса в организме женщины: катехоламинов и кортикостероидов. Это позволяет рассматривать тревожность как форму возбуждения, влияющую на гормональный статус, и, следовательно, как косвенную причину акушерских осложнений.

В работе Н. Кинг с соавторами показано, что высокие показатели реактивной и личностной тревожности женщины во время беременности сопряжены с возрастанием как риска осложненных родов, так и неврологических проблем у ребенка [2]. В ряде исследований подтверждено, что повышенная тревога, вызванная конкретными факторами: психосоциальным стрессом, нарушением отношений в семье или страхом родов, может стать причиной специфических осложнений, таких как затяжные роды или экстренное кесарево сечение [1; 10; 11; 23]. Однако отметим, что не было выявлено прямой связи в целом между тревожностью женщины во время беременности и осложнениями в родах. По мнению Р. Джонсона и П. Слэйда [10], попытки подтвердить эту гипотезу встречаются с рядом методологических трудностей, таких как: неразработанность понятийного аппарата и критериев оценки акушерских результатов, особенно ввиду применения разноплановых показателей; неоднозначная концептуализация понятия «тревожность» и его характеристик; невозможность в полной мере учесть факторы, которые оказывают влияние на ход родов и могут исказить результат, а также сложность получить достаточную выборку в соответствии со строгими требованиями статистики.

Установки женщины относительно исхода родов

Отдельная группа исследований посвящена выявлению личностных и социальных факторов, влияющих на установки женщины относительно исхода беременности и родов.

Показано, что чем выше у женщины уровни тревожности, нейротизма, сенситивности, депрессии и неудовлетворенности отношениями с партнером и чем ниже ее самооценка и уровень получаемой социальной поддержки, тем чаще у нее диагностируются тревожные переживания за исход беременности и страх родов [23]. В свою очередь, установки будущих матерей в отношении родов могут детерминировать как запрос на помощь в ходе родов, так и, собственно, их исход.

В результате лонгитюдного проекта, проведенного в Швеции под руководством С. Рубертссон [30], были выделены три группы женщин в связи с их установками в отношении родов. Женщины группы «*Self determiners*» («Все определяю сама») имели четкие установки относительно родов как природного, естественного процесса; страхи, связанные с родами, в этой группе не были отмечены. Участницы группы «*Take it as it comes*» («Будь что будет») при отсутствии страха родов показали низ-

кий уровень согласия с любыми утверждениями относительно установок и представлений о родах. В группе «*Fearful*» («Полна опасений») женщины демонстрировали страх родов, переживания по поводу боли в родах, опасения относительно безопасности и отсутствию контроля в родах; низкий уровень согласия с высказываниями, постулирующими свободный выбор женщин или видение родов как природного процесса. На сроке 18–20 недель беременности большинство женщин из группы «*Fearful*» в сравнении с женщинами из группы «*Self determiners*» демонстрировали предпочтение кесарева сечения, редко говорили о позитивных переживаниях в отношении беременности, предстоящих родов и первых недель жизни своих детей. Опрос, проведенный спустя два месяца после родов, показал, что женщины из группы «*Fearful*» имели самые высокие показатели по проведению не обязательного с медицинской точки зрения кесарева сечения, а в случае самостоятельных родов они чаще прибегали к эпидуральной анестезии. Родовую боль они воспринимали как более интенсивную по сравнению с женщинами из двух других групп, были склонны рассказывать о негативных переживаниях в родах. Женщины из группы «*Take it as it comes*» также имели высокие показатели по вероятности элективного (т.е. проведенного по желанию роженицы) кесарева сечения. Авторы заключают, что понимание установок и страхов женщин поможет акушерам и врачам выстроить с ними более эффективное взаимодействие в родах.

Страх родов — одна из главных тем, которой посвящены психологические исследования родов. Крупнейшее исследование в данной области было проведено в Финляндии Т. Саисто [23]. Выборку составили 278 пар (женщины со сроком беременности до 30 недель, и их партнеры). Автор поставила цели:

- установить наличие связи между психосоциальными характеристиками женщины, ее предыдущим опытом родов (или индивидуальным болевым порогом) и страхом родов;

- исследовать возможности терапии женщин, страдающих страхом родов и, как следствие, сократить количество запросов о проведении кесарева сечения, снизить уровень чрезмерной тревоги во время беременности и связанные с ней опасения;

- выяснить, имеют ли прогностическую ценность психологические характеристики, страх и тревога, связанная с беременностью и родами, в отношении актуального разочарования, испытываемого женщинами в ходе родов, и послеродовой депрессии;

- сравнивая болевую выносливость у женщин, имеющих и не имеющих страха родов, и их реакцию на боль в ходе холодового прессорного теста по оценкам показателей норадреналина, адренкортикотропного гормона и бета-эндорфина, проверить теорию врожденной сенситивности и работу механизмов, ответственных за возникновение боли.

В результате была установлена связь между экстренным кесаревым сечением и вакуум-экстракцией

плода в ходе первых родов с возрастающим риском страха последующих родов. Множественный регрессионный анализ показал, что самый существенный прогностический фактор возникновения тревоги, связанной с беременностью – это повышенная личностная тревожность при отсутствии социальной поддержки. Сочетание этих параметров более всего способствовало возникновению страха перед родами, главным образом за счет неудовлетворенности отношениями с партнером. Но при этом неудовлетворенность женщины своей жизнью и взаимоотношениями с партнером были независимыми факторами риска. Как во время беременности, так и после родов женщины, имеющие страх родов, демонстрировали меньшую выносливость в ходе холодового прессорного теста. Время, в течение которого они могли переносить боль, связанную с холодовым воздействием, было статистически меньшим, чем у контрольной группы.

Тем не менее, взаимосвязь страха родов и кесарева сечения до сих пор неоднозначна. Если, исследуя шведских рожениц, С. Рубертссон пришла к выводу, что женщины, демонстрировавшие страх родов, чаще прибегали к кесареву сечению, – не имея на то медицинских показаний, чем женщины, не испытывающие страха родов [30], – то ее английские коллеги Р. Джонсон и П. Слэйд [10] не нашли аналогичных доказательств в ходе своего исследования. Ими было показано: несмотря на возросшую в Великобритании частоту кесаревых сечений за последние 15 лет (с 10 до 22%), сам факт родоразрешения путем кесарева сечения все же статистически связан с предыдущими операциями родами, количеством предыдущих родов, возрастом женщины и причинами медицинского характера, но не с переживанием страха родов или тревогой. Авторы не выявили различий в отношении страха родов между группами женщин, у которых были спонтанные роды в головном предлежании плода, теми, у кого в ходе родов использовались акушерские щипцы или вакуум-экстрактор, и теми, кто перенес плановое или экстренное кесарево сечение.

Таким образом, было подтверждено, что страх родов, тревога, предчувствие возникновения осложнений в родах и низкий уровень позитивных ожиданий от предстоящих родов не коррелируют со способом родоразрешения.

Однако акушеров беспокоит возросшее в последние годы **количество кесаревых сечений «по запросу»**.

Международные исследования приводят следующие данные: 4–18% от общего числа кесаревых сечений приходится на долю операций, которые были проведены по просьбе рожениц при отсутствии медицинских показаний.

М. Сахлин с коллегами [7], изучая первородящих женщин, попытались выяснить основания таких просьб и в целом выделили четыре группы женщин, которые:

1. «всегда знали», что никаких вариантов, кроме кесарева сечения, для них не существует;

2. воспринимали кесарево сечение как более безопасный и контролируемый способ родоразрешения;

3. имели негативный опыт обращения в органы здравоохранения;

4. боялись осуждения со стороны ближнего окружения, активно склоняющего их в сторону кесарева сечения как наилучшего варианта родов.

Таким образом, авторы заключают, что за добровольным отказом от физиологических родов могут стоять различные основания.

В то же время согласно данным итальянских ученых [4], за просьбой о проведении кесарева сечения без медицинских оснований стоит страх боли.

Психологические факторы применения медикаментозного обезболивания в родах

Изучением мотивации женщин, использующих медикаментозное обезбоживание в родах, занимались французские специалисты. Их данные свидетельствуют о том, что чем сильнее представление женщины о болезненности будущего родового процесса, тем выше вероятность, что она в итоге прибегнет к эпидуральной анестезии [24].

Другое исследование взаимосвязи между пренатальным материнским стрессом, обезбоживанием в родах и экстренным кесаревым сечением было осуществлено в США.

Рабочей гипотезой послужило предположение, что женщины с высоким уровнем пренатального стресса чаще, чем те, кто не переживает такого стресса, прибегают к обезбоживающим процедурам во время родов (внутривенным инъекциям опиатосодержащих препаратов или эпидуральной анестезии), вследствие чего возрастает вероятность проведения экстренного кесарева сечения. Диагностика пренатального материнского стресса проводилась в трех триместрах беременности по следующим показателям: специфический стресс, непосредственно связанный с беременностью; стрессогенные события, такие как ограбление, автокатастрофа, смерть близких; стресс от трудных жизненных ситуаций; уровень ситуативной тревоги; субъективное ощущение стресса.

Результаты диагностики были сопоставлены с данными медицинского анамнеза рожениц: способ родоразрешения, использование обезбоживания во время родов, отклонения в частоте сердечных сокращений плода.

Было выявлено, что женщины, демонстрировавшие более высокий уровень пренатального стресса, чаще прибегали к обезбоживанию в родах; а те, кто прибегал к обезбоживанию, имел выше вероятность проведения экстренного кесарева сечения. Также обезбоживание коррелировало с нарушениями частоты сердечных сокращений плода, что в свою очередь также повышало вероятность экстренного кесарева сечения. Женщинам, получавшим двойное обезбоживание (и эпидуральную анестезию, и внутривенное обезбоживание), чаще проводили экстренное кесарево сечение: треть этой группы

прошли через данную операцию. Исходя из этого, исследователи сделали основной вывод: женщины с более высоким уровнем пренатального стресса чаще рожают путем экстренного кесарева сечения по причине его взаимосвязи с применением обезболивающих препаратов во время родов [20].

Психологические предикторы преждевременных родов

Важной темой научных исследований являются психологические предикторы преждевременных родов. Исследователи в основном концентрируют свое внимание на анализе различных составляющих пренатального материнского стресса и его влиянии на риск преждевременных родов.

Крупнейшим исследованием в Латинской Америке стала работа группы ученых из Перу под руководством С. Санчеца по изучению риска преждевременных родов в связи с психологическими и психиатрическими симптомами матерей, выявленными во время беременности. Данное исследование, проведенное методом case study (изучения случаев), охватило 479 случаев преждевременных родов и 480 – срочных. Все женщины прошли индивидуальное интервью с целью оценки их депрессивных и тревожных переживаний, а также выявления симптомов стресса. Для этого были использованы Опросник здоровья пациента (Patient Health Questionnaire, PHQ-9) и Шкала депрессии, тревоги и стресса (Depression Anxiety Stress Scales, DASS-21). На высоком уровне значимости ($p < 0.001$) авторы выявили прямую зависимость для каждого из трех факторов: риск преждевременных родов тем выше, чем более выражены у женщин симптомы депрессии, тревожности и стресса [22]. К аналогичному выводу пришли и их аргентинские коллеги, которые показали, что между пренатальным материнским стрессом и риском преждевременных родов существует прямая положительная связь [28].

В многочисленных медицинских исследованиях показано, что социально неблагополучные женщины более склонны к рождению детей с весом ниже нормы, а также к родам на несколько недель раньше срока, чем социально благополучные. Однако о природе связанности материнского социального неблагополучия и исхода родов известно немного.

Ученые США поставили задачу выяснить, действительно ли психосоциальный стресс в период беременности, употребление психоактивных веществ и состояние здоровья являются связующим звеном между социальным неблагополучием матери и исходом ее родов. Для этого у более чем 2000 пациенток клиник путем анкетирования были собраны данные об их психосоциальном статусе и поведении в отношении здоровья, а также социально-демографических характеристиках. Впоследствии эти сведения были соотнесены с информацией об исходе родов. Статистический анализ показал, что социальное неблагополучие матерей действительно является предвестником неблаго-

приятного исхода родов (то есть, рождения ребенка весом ниже нормы и/или раньше срока), а связующее звено между этими моментами – состояние здоровья матери во время беременности [8].

Подавляющее большинство исследований связи психологических характеристик личности с течением беременности и родов фокусируются на негативных переживаниях женщины и их неблагоприятных последствиях. Нам удалось найти лишь одно исследование *влияния положительных эмоций* на течение беременности. Немецкие специалисты провели обследование почти 200 женщин в трех триместрах беременности и, сопоставив результаты с данными медицинского анамнеза, пришли к выводу, что положительный эмоциональный фон и яркие позитивные эмоции во время беременности коррелируют с оптимальным сроком гестации и со снижением риска преждевременных родов. Исходя из этого, авторы рекомендуют медицинским работникам и консультантам обратить внимание на повышение положительного эмоционального фона у беременных женщин, что, в свою очередь, окажет позитивное влияние на внутриутробное развитие ребенка [16].

Учитывая необходимость профилактики преждевременных родов, риск которых, как было убедительно доказано выше, связан с негативными переживаниями женщины, Руперт Линдер, известный немецкий перинатальный и клинический психолог, в ходе практической работы с беременными и роженицами в Центре акушерства, гинекологии и психотерапии (г. Биркенфилд), разработал метод, позволивший существенно снизить число преждевременных родов. Актуальный процент преждевременных родов в его акушерско-гинекологическом учреждении в течение последних 15 лет держится в районе 1% против 7% в среднем по Германии.

Группа специалистов под руководством Р. Линдера выявила, что угроза преждевременных родов должна рассматриваться как совокупность физических и эмоциональных процессов. В своих работах Р. Линдер [12; 13] пишет, что в отличие от традиционного медицинского подхода, симптомы не расцениваются им и его коллегами как проблемы, которые следует немедленно устранить, но скорее интерпретируются как важные сигналы, подсказывающие необходимость осуществления более подходящих моделей поведения.

Такой взгляд дает возможность в ходе психотерапевтической работы с женщиной взглянуть на ее эмоции в отношении предыдущего перинатального опыта, и, в случае необходимости, отделить его от нынешнего. Это помогает улучшить эмоциональное и физическое состояние будущей матери и оградить еще не родившегося ребенка от ее бессознательных попыток ухудшить свое здоровье. Достигаются подобные изменения путем поощрения диалога между матерью, отцом и их внутриутробным ребенком. «Встраивание» ребенка в психическую реальность родителей осуществляется как на осознанном уровне, так и на бессознательном, включая

работу с «внутренним ребенком» у самих отца и матери. Главные установки в ходе психопрофилактической работы направлены на поощрение будущих матерей внимательнее прислушиваться к своему эмоциональному и физическому состоянию и вступать в контакт со своим еще находящимся в утробе ребенком [12; 13].

Данный обзор показывает, насколько широка область исследований на пересечении перинатальной и клинической психологии, медицины и социологии, посвященных влиянию психики на состояние репродуктивной системы человека, течение беременности, исход родов и развитие ребенка. Знакомство с работами такого рода способствует формированию у специалистов целостной системы представлений о тонком и сложном взаимодействии психики женщины и физиологических процессов, регулирующих течение беременности и родов.

Однако мы видим, что, несмотря на большой объем научных разработок по данной тематике в Европе и Азии, Северной и Южной Америке, по сей день результаты изучения психологических причин нарушения репродуктивной функции остаются неполными и по ряду аспектов достаточно противоречивыми. Большинство зарубежных исследований по рассматриваемой тематике сосредоточено на измерении уровня тревожности и стресса, выраженности депрессивной симптоматики, а также на выявлении копинг-стратегий, используемых при фрустрации.

Однако такой подход не раскрывает всей глубины психологической картины переживаний людей, встре-

чающихся с препятствиями при зачатии ребенка, практически не уделяется внимания изучению ценности, потребности и личностных смыслов родительства для изучаемой группы населения.

Кроме того, в настоящее время исследование психологических причин бесплодия проводится главным образом, в рамках психоаналитической школы, а при этом подходе результаты в основном представляются в виде анализа частных случаев; на больших выборках полученные данные не проверяются и статистического подтверждения не имеют.

Подводя итог, остается добавить, что в настоящее время в мире каждый год реализуется более пяти тысяч исследовательских проектов, запускаемых по государственному и частному инициативам, так или иначе связанных с рассматриваемой нами проблематикой. Заявляя о себе со все большим размахом — как в экономически развитых, так и в развивающихся странах — проблемы репродуктивного здоровья заставляют задуматься и тревожат как специалистов, так и потенциальных родителей.

Сегодня все яснее становится, что бурное развитие медицинских технологий само по себе не способно справиться с вызовами времени, и роль психологии и психотерапии в решении проблем репродуктивного здоровья будет лишь возрастать, способствуя лучшему пониманию и фасилитации переживаний будущих родителей.

Авторы выражают благодарность кандидату медицинских наук В.И. Брутману за ценные замечания и консультации при подготовке статьи

Словарь медицинских терминов

Стр. 73.

Гестоз — патологические состояния второй половины беременности, характеризующиеся триадой основных симптомов: отеки, протеинурия (наличие белка в моче), стойкое повышение артериального давления.

Стр. 74

Система мать-плацента-плод — единая функциональная система, которая образуется сразу же после зачатия и обеспечивает поддержание оптимальных условий развития эмбриона и плода в организме беременной женщины. Нарушение формирования системы мать-плацента-плод на ранних этапах гестации рассматривается как фактор, во многом определяющий развитие осложнений во время беременности. Особая роль в формировании системы «мать-плацента-плод» отводится механизму цитотрофобластической инвазии, то есть процессам миграции клеток трофобласта (поверхностного слоя клеток бластоцисты — ранней формы зародыша) в эндометрий и миометрий матки, благодаря чему создаются условия для формирования маточно-плацентарного кровообращения на ранних сроках беременности. Если данный процесс по тем или иным причинам нарушается, то возникают препятствия для имплантации эмбриона в полость матки.

Кариотип — совокупность признаков (число, размеры, форма и т.д.) полного набора хромосом, присущая клеткам данного биологического вида (видовой кариотип), данного организма (индивидуальный кариотип).

Бластоциста — самая ранняя стадия развития зародыша человека (до прикрепления его к стенке матки).

Имплантация бластоцисты — прикрепление зародыша к стенке матки.

Эндометрий — внутренняя слизистая оболочка тела матки, выстилающая полость матки и обильно снабжённая кровеносными сосудами.

Миометрий — мышечная оболочка матки.

Инвазии трофобласта поверхностными слоями (цитотрофобластическая инвазия) — процессы миграции клеток трофобласта (поверхностного слоя клеток бластоцисты) в эндометрий и миометрий, благодаря чему создаются условия для формирования

маточно-плацентарного кровообращения на ранних сроках беременности. Ограничение инвазии трофобласта поверхностными слоями вызывает нарушение имплантации эмбриона в полость матки.

Децидуализация эндометрия (децидуальные изменения клеток эндометрия) – это особое состояние эндометрия, фактически подготовка матки к принятию плодного яйца.

Плацента (детское место) – это орган, образующийся у женщины во время беременности и выходящий из ее организма в конце родов. Плацента связывает между собой два организма – матери и плода, обеспечивая его необходимыми питательными веществами. Плацента образуется чаще всего в слизистой оболочке задней стенки матки из эндометрия и цитотрофобласта.

Плацентарная недостаточность – нарушение функции плаценты, при котором плоду поступает недостаточно кислорода и возможно возникновение задержки развития плода.

Фактор ингибирования миграции макрофагов (Macrophage migration inhibitory factor, MIF) – гормон гипофиза и медиатор системного ответа организма на стресс, вызывает усиление воспалительных реакций и торможение активности гормонов противовоспалительного и иммуностимулирующего действия

Преэклампсия – заболевание, возникающее во время беременности, родов и в послеродовой период, при котором артериальное давление достигает такого высокого уровня, что появляется угроза жизни матери и ребёнка. Форма позднего токсикоза беременности.

Стр. 75.

Холодовой прессорный тест (cold pressor test) – используется для функциональной оценки микрососудистого русла, осуществляется в форме погружения кисти в ванну с холодной водой на время от нескольких до 30 минут, что вызывает мощную симпатическую активацию, сужение сосудов и сопутствующее повышение давления. По результатам теста судят о том, как человек реагирует на стресс.

Вакуум-экстракция плода – родоразрешающая операция, извлечение плода за головку через естественные родовые пути за счёт создания отрицательного давления между головкой плода и внутренней поверхностью чашечки специального аппарата (вакуумэкстрактора).

Головное предлежание плода – самое распространенное и оптимальное для родов естественным путем положение ребенка в матке, когда его головка находится у входа в малый таз.

Эпидуральная анестезия – самый распространенный метод обезболивания родов, при котором лекарственные препараты вводятся в эпидуральное пространство позвоночника (пространство между твердой оболочкой спинного мозга и надкостницей позвонков) через катетер, обеспечивая потерю чувствительности нижней половины тела.

ЛИТЕРАТУРА

1. Anxiety in early pregnancy: prevalence and contributing factors [Электронный ресурс] / C. Rubertsson, J. Hellström, M. Cross, G. Sydsjö // Archives of Women's Mental Health. 2014. Vol. 17, № 3. P. 221–229. URL: <http://link.springer.com/article/10.1007/s00737-013-0409-0> (дата обращения: 15.11.2015). doi: 10.1007/s00737-013-0409-0
2. Anxiety, depression and saliva cortisol in women with a medical disorder during pregnancy / N. King, J. Chalmers, K. O'donnell, S.R. Jayaweera, Glover V. Williamson // Archives of Women's Mental Health. 2010. Vol. 13, № 4. P. 339–384. doi: 10.1007/s00737-009-0139-5
3. *Aplin J.* Maternal influences on placental development // Seminars in Cell and Developmental Biology. 2000. Vol. № 11. P. 107–116. doi:10.1006/scdb.2000.0157
4. Caesarean section on request: Are there loco-regional factors influencing maternal choice? An Italian experience / A. Mancuso, A. De Vivo, G. Fanara, A. Albiero, A.M. Priolo, A. Giacobbe, M. Franchi // Journal of Obstetrics and Gynaecology. 2008. Vol. 28. № 4. P. 382–385. doi: 10.1080/01443610802091545
5. Depressive symptoms predict exaggerated inflammatory responses to an in vivo immune challenge among pregnant women / L.M. Christian, A. Franco, J.D. Iams, J. Sheridan, R. Glaser // Brain, Behavior and Immunity. 2010. Vol. 24. № 1. P. 49–53. doi: 10.1016/j.bbi.2009.05.055
6. Does stress influence early pregnancy loss? / D.B. Nelson, J.A. Grisso, M.M. Joffe [et al.] // Annals of Epidemiology. 2003. Vol. 13. № 4. P. 223–229. doi: 10.1016/S1047-2797(02)00419-2
7. First-time mothers' wish for a planned caesarean section [Электронный ресурс]: Deeply rooted emotions / M. Sahlin, A.K. Carlander-Klint, I. Hildingsson, I. Wiklund // Midwifery. 2013. Vol. 29. № 5. P. 447–452. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0266613812000423> (дата обращения: 20.11.2015). doi: 10.1016/j.midw.2012.02.009
8. *Gavin A.R., Nurius P., Logan-Greene P.* Mediators of Adverse Birth Outcomes Among Socially Disadvantaged Women [Электронный ресурс] // Journal of Women's Health. 2012. Vol. 21. № 6. P. 634–642. URL: <http://online.liebertpub.com/doi/abs/10.1089/jwh.2011.2766> (дата обращения: 20.11.2015). doi: 10.1089/jwh.2011.2766

9. Increased levels of macrophage migration inhibitory factor (MIF) in preeclampsia / T. Todros, S. Bontempo, E. Piccoli, F. Ietta, R. Romagnoli, M. Biolcati, M. Castellucci, L. Paulesu // *European Journal of Obstetrics and Gynecology and Reproductive Biology*. 2005. Vol. 123. № 2. P. 162–166. doi: 10.1016/j.ejogrb.2005.03.014
10. Johnson R.C., Slade P. Obstetric complications and anxiety during pregnancy: Is there a relationship? // *Journal of Psychosomatic Obstetrics and Gynecology*. 2003. Vol. 24. № 1. P. 1–14. DOI: 10.3109/01674820309042796
11. Johnson R.C., Slade P. Does fear of childbirth during pregnancy predict emergency caesarean section? // *International Journal of Obstetrics and Gynaecology*. 2002. Vol. 109. № 11. P. 1213–1221. doi 10.1046/j.1471-0528.2002.01351.x
12. Linder R. How Women Can Carry Their Unborn Babies to Term – The Prevention of Premature Birth Through Psychosomatic Methods // *Journal of Prenatal And Perinatal Psychology And Health*. 2006. Vol. 20. № 4. P. 293–304.
13. Linder R. Overcoming Somatic and Psychological Difficulties: New Experiences from an Integrated Linkage of Obstetrics and Psychotherapy // *Journal of Prenatal and Perinatal Psychology and Health*. 2010. Vol. 24. № 4. P. 201–215.
14. Loss of a close family member the year before or during pregnancy and the risk of placental abruption: a cohort study from Denmark and Sweden / K.D. Lászlo, C.V. Ananth, A.K. Wikström, Li J. Svensson // *Psychological Medicine*. 2014. Vol. 44. № 9. P. 1855–1921. doi: 10.1017/S0033291713002353
15. Marin-Morales D., Carmona-Monge F.J. Personality, depressive symptoms during pregnancy and their influence on postnatal depression in Spanish pregnant Spanish women // *Anales de Psicología*. 2014. Vol. 30. № 3. P. 908–915. doi:10.6018/analesps.30.3.153101
16. Maternal positive affect over the course of pregnancy is associated with the length of gestation and reduced risk of pre-term delivery / A. Voellmin, S. Entringer, N. Moog, P.D. Wadhwa, C. Buss // *Journal of Psychosomatic Research*. 2013. Vol. 75. № 4. P. 336–340. doi: 10.1016/j.jpsychores.2013.06.031
17. McCrory C., McNally C. The Effect of Pregnancy Intention on Maternal Prenatal Behaviours and Parent and Child Health: Results of an Irish Cohort Study // *Paediatric and Perinatal Epidemiology*. 2013. Vol. 27. № 2. P. 208–215. doi: 10.1111/ppe.12027
18. Pearce B.D. The role of a unique immunohormonal molecule (MIF) in depression during pregnancy // NARSAD's 16th annual scientific symposium. New York City, 2004.
19. Preeclampsia is associated with abnormal expression of adhesion molecules by invasive cytotrophoblasts / Y. Zhou Y., C.H. Damsky, K. Clin, S.J. Fisher // *Journal of Clinical Investigation*. 1993. № 91. № 3. P. 950–960. doi: 10.1172/JCI116316
20. Prenatal maternal stress is associated with delivery analgesia and unplanned cesareans / T.A. Saunders, M. Lobel, C. Veloso, B.S. Meyer // *Journal of Psychosomatic Obstetrics and Gynecology*. 2006. Vol. 27. № 3. P. 141–146. doi: 10.1080/01674820500420637
21. Psychosocial predictors of successful delivery after unexplained recurrent spontaneous abortions: a cohort study / Y. Nakano, M. Oshima, M. Sugiura-Ogasawara, K. Aoki, T. Kitamura, T.A. Furukawa // *Acta Psychiatrica Scandinavica*. 2004. № 109. P. 440–446. doi: 10.1111/j.1600-0047.2004.00273.x
22. Risk of Spontaneous Preterm Birth in Relation to Maternal Depressive, Anxiety and Stress Symptoms / S.E. Sanchez, G.C. Puente, G. Atencio, C. Qiu, D. Yanez, B. Gelaye, M.A. Williams // *Journal of Reproduction Medicine*. 2013. Vol. 58. № 1–2. P. 25–33.
23. Saisto T. Obstetric, psychological and pain-related background, and treatment of fear of childbirth. Academic Dissertation / University of Helsinki, Institute of Clinical Medicine, Department of Obstetrics and Gynecology, Faculty of Medicine. Helsinki, 2011. 77 p.
24. Sejourne N., Callahan S. Women's motivations to give birth with or without epidural analgesia // *Journal de Gynecologie Obstetrique et Biologie de la Reproduction*. 2013. Vol. 42. № 1. P. 56–63. doi 10.1016/j.jgyn.2012.03.007.
25. Serum macrophage migration inhibitory factor in the prediction of preterm delivery / B.D. Pearce, S.E. Garvin, J. Grove, E.A. Bonney, D.J. Dudley, D.E. Schendel, P. Thorsen // *American Journal of Obstetrics and Gynecology*. 2008. Vol. 199. № 46. P. 41–46.
26. Stark M.A., Brinkley R.L. The relationship between perceived stress and health-promoting behaviors in high-risk pregnancy // *Journal Of Perinatal And Neonatal Nursing*. 2007. Vol. 21. № 4. P. 307–314.
27. Stress neuropeptides in the human endometrium: Paracrine effects on cell differentiation and apoptosis / Gravantis A., Makrigiannakis A., Chatzaki E. et al. // *Hormones*. 2002. №1 (3). P.139–148.
28. The association between prenatal stress and preterm delivery: an interdisciplinary research / Grandi C., Gonzalez M.A., Naddeo S., Basualdo N., Salgado M.P. // *Pediatric Research*. 2009. Vol. 65. № 4. P. 480–489.
29. The Effects of Preeclampsia on Perinatal Risks and Infant Temperaments Among Mothers With Antenatal Depression / Y. Nomura, J. Finik, J. Salzbank, J. Ly, N. Huynh, T. Davey, M. Dineva, A. Abelow, C. Flores, R. Daniel, H. Loudon, J. Stone, P. Pierre, G. Eglinton, J. Newcorn // *Psychology Research*. 2014. Vol. 4. № 6. P. 451–461.
30. The influence of women's fear, attitudes and beliefs of childbirth on mode and experience of birth [Электронный ресурс] / H.M. Haines, C. Rubertsson, J.F. Pallant, I. Hildingsson // *Pregnancy and Childbirth*. 2012. URL: <http://bmcpregnancychildbirth.biomedcentral.com/articles/10.1186/1471-2393-12-55> (дата обращения: 20.11.2015). doi: 10.1186/1471-2393-12-55

Psychological and psychosomatic disorders during pregnancy and childbirth: a review of contemporary international researches

Lantsburg M.E.,

Candidate of biological sciences, Associate Professor of Chair of Developmental Psychology, Department of Psychology of Education, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia,
lantsburgme@mgppu.ru

Krysanova T.V.,

graduate of the professional development program “Psychological preparation of future parents for child upbringing (in the perinatal period, infancy and early age)”, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia,
rabortnovatv@mail.ru

Solovyeva E.V.,

Senior Research Associate, Center for Applied Psychological and Educational Research, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia,
solovevaev@mgppu.ru

In recent decades, the increasing worldwide problems in the reproductive sphere of people, the problem of preserving reproductive health of the population has become very topical, it requires joint medical and psychological efforts. This article presents a review of more than 70 modern English-language scientific publications devoted to the study of psychological and psychosomatic peculiarities of men, women and couples with reproductive disorders and psychological predictors and consequences of these problems. The best known and the least explored psychological aspects of reproductive disorders are highlighted, the results of research are described, also R. Linder's psychotherapeutic method of preventing premature births is outlined. The article has two parts: the first part presents the research of psychosomatic aspects of male and female reproductive diseases, including infertility; the second one is devoted to psychological and psychosomatic disorders of women during pregnancy and childbirth.

Keywords: reproductive disorders, infertility, stress, psychosomatics, anxiety, high-risk pregnancy, obstetrics complications, habitual miscarriage, premature birth, psychology of reproduction.

REFERENCES

1. Anxiety in early pregnancy: prevalence and contributing factors [Electronic resource]. C. Rubertsson, J. Hellström, M. Cross, G. Sydsjö. *Archives of Women's Mental Health*, 2014. Vol. 17, № 3, pp. 221–229. Available at: <http://link.springer.com/article/10.1007/s00737-013-0409-0> (Accessed: 15.11.2015). doi: 10.1007/s00737-013-0409-0
2. Anxiety, depression and saliva cortisol in women with a medical disorder during pregnancy. N. King, J. Chambers, K. O'donnell, S.R. Jayaweera, Glover V. Williamson. *Archives of Women's Mental Health*, 2010. Vol. 13, № 4, pp. 339–384. doi 10.1007/s00737-009-0139-5
3. Aplin J. Maternal influences on placental development. *Seminars in Cell and Developmental Biology*, 2000. Vol, no. 11. P. 107–116. doi:10.1006/scdb.2000.0157
4. Caesarean section on request: Are there loco-regional factors influencing maternal choice? An Italian experience. A. Mancuso, A. De Vivo, G. Fanara, A. Albiero, A.M. Priolo, A. Giacobbe, M. Franchi. *Journal of Obstetrics and Gynaecology*, 2008. Vol. 28, no. 4, pp. 382–385. doi 10.1080/01443610802091545
5. Depressive symptoms predict exaggerated inflammatory responses to an in vivo immune challenge among pregnant women. L.M. Christian, A. Franco, J.D. Iams, J. Sheridan, R. Glaser. *Brain, Behavior and Immunity*, 2010. Vol. 24, no. 1, pp. 49–53. doi: 10.1016/j.bbi.2009.05.055
6. Does stress influence early pregnancy loss? D.B. Nelson, J.A. Grisso, M.M. Joffe [et al.]. *Annals of Epidemiology*, 2003. Vol. 13, no. 4, pp. 223–229. doi: 10.1016/S1047-2797(02)00419-2
7. First-time mothers' wish for a planned caesarean section [Electronic resource]: Deeply rooted emotions. M. Sahlin, A.K. Carlander-Klint, I. Hildingsson, I. Wiklund. *Midwifery*, 2013. Vol. 29, no. 5, pp. 447–452. Available at: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0266613812000423> (Accessed: 20.11.2015). doi 10.1016/j.midw.2012.02.009
8. Gavin A.R., Nurius P., Logan-Greene P. Mediators of Adverse Birth Outcomes Among Socially Disadvantaged Women [Electronic resource]. *Journal of Women's Health*, 2012. Vol. 21, no. 6, pp. 634–642. Available at: <http://online.liebertpub.com/doi/abs/10.1089/jwh.2011.2766> (Accessed: 20.11.2015). doi: 10.1089/jwh.2011.2766
9. Increased levels of macrophage migration inhibitory factor (MIF) in preeclampsia. T. Todros, S. Bontempo, E. Piccoli, F. Ietta, R. Romagnoli, M. Biolcati, M. Castellucci, L. Paulesu. *European Journal of Obstetrics and Gynecology and Reproductive Biology*, 2005. Vol. 123, no. 2, pp. 162–166. doi: 10.1016/j.ejogrb.2005.03.014

10. Johnson R.C., Slade P. Obstetric complications and anxiety during pregnancy: Is there a relationship?. *Journal of Psychosomatic Obstetrics and Gynecology*, 2003. Vol. 24, no. 1, pp. 1–14. DOI: 10.3109/01674820309042796
11. Johnson R.C., Slade P. Does fear of childbirth during pregnancy predict emergency caesarean section?. *International Journal of Obstetrics and Gynaecology*, 2002. Vol. 109, no. 11, pp. 1213–1221. doi 10.1046/j.1471-0528.2002.01351.x
12. Linder R. How Women Can Carry Their Unborn Babies to Term – The Prevention of Premature Birth Through Psychosomatic Methods. *Journal of Prenatal And Perinatal Psychology And Health*. 2006. Vol. 20, no. 4, pp. 293–304.
13. Linder R. Overcoming Somatic and Psychological Difficulties: New Experiences from an Integrated Linkage of Obstetrics and Psychotherapy. *Journal of Prenatal and Perinatal Psychology and Health*, 2010. Vol. 24, no. 4, pp. 201–215.
14. Loss of a close family member the year before or during pregnancy and the risk of placental abruption: a cohort study from Denmark and Sweden. K.D. Lászlo, C.V. Ananth, A.K. Wikström, Li J. Svensson. *Psychological Medicine*, 2014. Vol. 44, no. 9, pp. 1855–1921. doi: 10.1017/S0033291713002353
15. Marín-Morales D., Carmona-Monge F.J. Personality, depressive symptoms during pregnancy and their influence on postnatal depression in Spanish pregnant Spanish women. *Anales de Psicología*, 2014. Vol. 30, no. 3, pp. 908–915. doi:10.6018/analesps.30.3.153101
16. Maternal positive affect over the course of pregnancy is associated with the length of gestation and reduced risk of pre-term delivery. A. Voellmin, S. Entringer, N. Moog, P.D. Wadhwa, C. Buss. *Journal of Psychosomatic Research*, 2013. Vol. 75, no. 4, pp. 336–340. doi: 10.1016/j.jpsychores.2013.06.031
17. McCrory C., McNally C. The Effect of Pregnancy Intention on Maternal Prenatal Behaviours and Parent and Child Health: Results of an Irish Cohort Study. *Paediatric and Perinatal Epidemiology*, 2013. Vol. 27, no. 2, pp. 208–215. doi: 10.1111/ppe.12027
18. Pearce B.D. The role of a unique immunohormonal molecule (MIF) in depression during pregnancy. NARSAD's 16th annual scientific symposium. New York City, 2004.
19. Preeclampsia is associated with abnormal expression of adhesion molecules by invasive cytotrophoblasts. Y. Zhou Y., C.H. Damsky, K. Clin, S.J. Fisher. *Journal of Clinical Investigation*, 1993, no. 91, no. 3, pp. 950–960. doi: 10.1172/JCI116316
20. Prenatal maternal stress is associated with delivery analgesia and unplanned cesareans. T.A. Saunders, M. Lobel, C. Veloso, B.S. Meyer, *Journal of Psychosomatic Obstetrics and Gynecology*, 2006. Vol. 27, no. 3. P. 141–146. doi: 10.1080/01674820500420637
21. Psychosocial predictors of successful delivery after unexplained recurrent spontaneous abortions: a cohort study. Y. Nakano, M. Oshima, M. Sugiura-Ogasawara, K. Aoki, T. Kitamura, T.A. Furukawa. *Acta Psychiatrica Scandinavica*, 2004, no. 109, pp. 440–446. doi: 10.1111/j.1600-0047.2004.00273.x
22. Risk of Spontaneous Preterm Birth in Relation to Maternal Depressive, Anxiety and Stress Symptoms. S.E. Sanchez, G.C. Puente, G. Atencio, C. Qiu, D. Yanez, B. Gelaye, M.A. Williams. *Journal of Reproduction Medicine*, 2013. Vol. 58, no. 1–2, pp. 25–33.
23. Saisto T. Obstetric, psychological and pain-related background, and treatment of fear of childbirth. Academic Dissertation. University of Helsinki, Institute of Clinical Medicine, Department of Obstetrics and Gynecology, Faculty of Medicine. Helsinki, 2011. 77 p.
24. Sejourne N., Callahan S. Women's motivations to give birth with or without epidural analgesia. *Journal de Gynecologie Obstetrique et Biologie de la Reproduction*, 2013. Vol. 42, no. 1, pp. 56–63. doi 10.1016/j.jgyn.2012.03.007.
25. Serum macrophage migration inhibitory factor in the prediction of preterm delivery. B.D. Pearce, S.E. Garvin, J. Grove, E.A. Bonney, D.J. Dudley, D.E. Schendel, P. Thorsen. *American Journal of Obstetrics and Gynecology*, 2008. Vol. 199, no. 46, pp. 41–46.
26. Stark M.A., Brinkley R.L. The relationship between perceived stress and health-promoting behaviors in high-risk pregnancy. *Journal Of Perinatal And Neonatal Nursing*, 2007. Vol. 21, no. 4, pp. 307–314.
27. Stress neuropeptides in the human endometrium: Paracrine effects on cell differentiation and apoptosis. Gravantis A., Makrigiannakis A., Chatzaki E. et al.. *Hormones*, 2002, no.1 (3), pp.139–148.
28. The association between prenatal stress and preterm delivery: an interdisciplinary research. Grandi C., Gonzalez M.A., Naddeo S., Basualdo N., Salgado M.P.. *Pediatric Research*, 2009. Vol. 65, no. 4, pp. 480–489.
29. The Effects of Preeclampsia on Perinatal Risks and Infant Temperaments Among Mothers With Antenatal Depression. Y. Nomura, J. Finik, J. Salzbank, J. Ly, N. Huynh, T. Davey, M. Dineva, A. Abelow, C. Flores, R. Daniel, H. Loudon, J. Stone, P. Pierre, G. Eglinton, J. Newcorn. *Psychology Research*, 2014. Vol. 4, no. 6. P. 451–461.
30. The influence of women's fear, attitudes and beliefs of childbirth on mode and experience of birth [Electronic resource]. H.M. Haines, C. Rubertsson, J.F. Pallant, I. Hildingsson. *Pregnancy and Childbirth*, 2012. Available at: <http://bmcpregnancy-childbirth.biomedcentral.com/articles/10.1186/1471-2393-12-55> (Accessed: 20.11.2015). doi: 10.1186/1471-2393-12-55

Наши авторы

Бочавер Александра Алексеевна – кандидат психологических наук, научный сотрудник, Центр исследований современного детства, Институт образования НИУ ВШЭ, Москва, Россия,
a-bochaver@yandex.ru

Жилинская Алиса Викторовна – кандидат психологических наук, преподаватель факультета социальных наук, Департамент психологии, НИУ ВШЭ, Москва, Россия,
alisez@yandex.ru

Королева Диана Олеговна – младший научный сотрудник, Центр «Исследования современного детства» Институт образования Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Россия,
koroleva_dia@mail.ru

Крысанова Татьяна Владимировна – выпускница программы профессиональной переподготовки «Психологическая подготовка будущих родителей к воспитанию ребенка (в перинатальном периоде/ младенчестве и раннем возрасте)», ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
rabotnovatv@mail.ru

Ланцбург Марина Евгеньевна – кандидат биологических наук, доцент кафедры возрастной психологии факультета психологии образования ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
lantsburgme@mgppu.ru

Подушкина Татьяна Геннадиевна – старший научный сотрудник научно-исследовательского центра доказательного социального проектирования МГППУ, Москва
poduschkina@mail.ru

Поливанова Катерина Николаевна – доктор психологических наук, директор Центра исследований современного детства, Институт образования, НИУ ВШЭ, профессор кафедры возрастной психологии факультета «Психология образования», ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
kpolivanova@mail.ru

Поляков Петр Вячеславович – студент факультета «Психология образования», ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
polyakovpetr@mail.ru

Рубцова Ольга Витальевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры возрастной психологии факультета психологии образования, руководитель Центра междисциплинарных исследований современного детства, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
ovrubsova@mail.ru

Соловьева Елена Владимировна – старший научный сотрудник Центра прикладных психолого-педагогических исследований ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
solovevaev@mgppu.ru

Тихомирова Анна Владимировна – руководитель научно-исследовательского центра доказательного социального проектирования МГППУ, Москва
nutih@mail.ru

Флорова Нина Борисовна – кандидат биологических наук, сотрудник информационно-аналитического сектора Фундаментальной библиотеки, ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия,
ninaflорова@yandex.ru

Хломов Кирилл Данилович – кандидат психологических наук, руководитель направления по работе с подростками «Перекресток» Городского психолого-педагогического центра Департамента образования г. Москвы, Москва, Россия,
kyrill@rambler.ru

Шамрова Дарья Павловна – докторант Школы социальной работы Университета штата Мичиган, Ист Лэнсинг, США,
shamrova@msu.edu

Our authors

Bochaver Aleksandra Alekseevna – candidate of psychological sciences, research Center of modern childhood, Institute of Education, National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia,
bochaver@yandex.ru

Zhilinskaya Alisa Viktorovna – candidate of psychological sciences, lecturer, faculty of social sciences of Psychology department, National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia,
alisez@yandex.ru

Koroleva Diana Olegovna – junior research fellow, “Center for Research of Modern Childhood”, Institute of Education National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia,
koroleva_dia@mail.ru

Krysanova Tat'yana Vladimirovna – graduate of the professional development program «Psychological preparation of future parents for child upbringing (in the perinatal period, infancy and early age)», Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia,
rabotnovatv@mail.ru

Lantsburg Marina Evgen'evna – candidate of biological sciences, Associate Professor of Chair of Developmental Psychology, Department of Psychology of Education, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia,
lantsburgme@mgppu.ru

Podushkina Tat'yana Gennadievna – senior research fellow of the scientific-research center for probative social design, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia,
poduschkina@mail.ru

Polivanova Katerina Nikolaevna – doctor of psychological sciences, director of Contemporary Childhood Research Center, Institute of Education, National Research University Higher School of Economics, professor at the chair of developmental psychology, Department of Psychology of Education, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
kpolivanova@mail.ru

Polyakov Petr Vyacheslavovich – undergraduate of the faculty of educational psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
polyakovpetr@mail.ru

Rubtsova Ol'ga Vital'evna – candidate of psychological sciences, associate professor, chair of developmental psychology Department of Psychology of Education, Head of the Center for Interdisciplinary Investigation of Contemporary Childhood, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia,
ovrubsova@mail.ru

Solovyeva Elena Vladimirovna – senior Research Associate, Center for Applied Psychological and Educational Research, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia,
solovevaev@mgppu.ru

Tikhomirova Anna Vladimirovna – the head of the scientific-research center for probative social design, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia,
nutih@mail.ru

Florova Nina Borisovna – staff member of the Fundamental Library abstract-analytical sector, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia,
ninaflorova@yandex.ru

Khlomov Kirill Daniilovich – candidate of psychological sciences, head of the Centre for socio-psychological adaptation and development of adolescents “Perekryostok”, City psycho-pedagogical center of Department of Education in Moscow Moscow, Russia,
kyrill@rambler.ru

Shamrova Dar'ya Pavlovna – doctoral candidate of the School of Social Work, University of Michigan, East Lansing, USA,
shamrova@msu.edu